

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – филиал РАНХиГС**

На правах рукописи

Фурсов Кирилл Константинович

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС ВРАЖДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ И
ТЕХНОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА**

Специальность 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Русакова Ольга Фредовна

Екатеринбург
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА ВРАЖДЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ	25
1.1 Дискурс вражды: понятие, основные теории	25
1.2. Особенности структурно-коммуникативного подхода к изучению политического медиадискурса вражды	45
1.3 Медиадискурс вражды как неотъемлемый компонент современной информационной войны: анализ новейших технологий	70
Глава 2. СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА ВРАЖДЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ) ..	93
2.1 Методика структурно-коммуникативного анализа политического медиадискурса вражды	93
2.2 Реализация политического медиадискурса вражды при освещении Крымского кризиса 2014 года	109
2.3 Реализация политического медиадискурса вражды при освещении конфликта на Донбассе 2014 года	142
2.4 Реализация политического медиадискурса вражды по освещению событий в Буче 2022 года	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	213

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Особенностью современной политики стало увеличение значения массмедиа. Конфликты являются постоянной формой политических отношений, в условиях усиления конфронтации значение приобретают исследования, посвящённые информационному противоборству. Рассмотрение данных отношений имеет под собой несколько причин. Во-первых, сохраняется тенденция информационной войны на глобальном уровне; во-вторых, используется новая область трансляции результатов работы медиа – киберпространство; в-третьих, появляются новые способы информационно-психологического воздействия на массовое сознание.

Политическое противостояние осуществляется через продвижение сталкивающихся между собой интересов в информационной среде. Медиа могут создавать искажённую версию реальности информационной политики¹. В этих условиях особый интерес возникает к исследованию политического медиадискурса вражды. Это новый концепт для политической науки. На современном этапе нет общего понятия, которое бы описывало информационное противоборство политических субъектов в сфере медиа. Среди них можно выделить такие понятия, как информационная война, агональный дискурс, дискурс интолерантности, язык вражды, антагонистический дискурс, образ врага. В этих условиях возникает потребность обобщения различных понятий и выработка нового, которое могло бы обозначить общие черты противоборства политических субъектов в медиадискурсе.

Политический медиадискурс вражды является инструментом и технологией борьбы за власть и влияние. Для этого требуется описание механизма функционирования через раскрытие структурных элементов. Рассмотрение политического медиадискурса вражды, как инструмента

¹Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. – М.: Рипол-Классик, 2016. – 222 с.

обозначает цели политических субъектов, используемые стратегии и тактики, механизмы воздействия и их эффективность. Знание инструментов нужно для понимания и интерпретации политической практики исследователями и аналитиками. Также оно помогает политическим субъектам, массмедиа, государственным органам, политическим консультантам использовать их по определённым правилам и повышать их продуктивность. Данное исследование должно помочь выработать меры реагирования по проблемам национальной безопасности.

Россия оказалась в числе объектов информационной агрессии недружественных стран. Политический медиадискурс вражды стал инструментом политических элит стран Запада, который нашёл своё выражение в публикациях иностранной прессы. Используются стратегии по созданию негативного образа России в мире, которая облегчила принятие решений в сфере международной политики. Понимание условий работы политического медиадискурса вражды может способствовать выработке технологий информационной защиты России.

Политический медиадискурс вражды между недружественными странами и Россией нашёл своё отражение в рамках военно-политического противостояния на Украине, начавшегося в 2014 году. Нарастание политической борьбы между Россией и Украиной привело к объявлению Россией Специальной Военной Операции в 2022 году.

Исследователи обратили внимание на использование манипулятивных технологий в информационном пространстве и специфику употребляемых лингвистических средств. Со стороны западных медиа освещение событий в Украине превратилось в широкомасштабную информационную кампанию с применением новых приёмов, которые нуждались в описании. Для этого были выбраны несколько примеров событий, в ходе которых наблюдалась эскалация информационного противоборства: крымский кризис 2014 года по переходу в состав России, конфликт 2014 года на Донбассе между Украиной и ополченцами, информационная кампания в Буче 2022 года. Цели политических элит позволили

использовать как дипломатические, так и военные методы. При стремлении элит недружественных стран на дипломатическое решение проблемы фиксировалась коммуникативная стратегия дискредитации России, во время военного решения конфликта – её демонизация и дегуманизация российской армии.

Степень разработанности проблемы

Политический медиадискурс вражды исследуется по нескольким направлениям. Одно из них – теория политического медиадискурса, которая получила свою разработку в работах таких зарубежных исследователей, как Т. А. ван Дейк, М. МакДональда, Д. Матисон, Я. Ставракакис, Я. Торфинг, Н. Фэркло, Д. Ховарт, П. Чилтон, К. Шаффнер и др.². В числе российских авторов, которые исследовали теоретико-методологическую проблематику политического медиадискурса и его структурных компонентов, необходимо назвать А. Н. Баранова, С. В. Володенкова, М. В. Гаврилову, М. В. Гречихина, Е. Г. Грибовод, Т. Г. Добросклонскую, Т. В. Дубровскую, Е. Г. Дьякову, М. В. Ильина, В. И. Карасика, К. В. Киуру, Е. А. Кожемякина, А. Г. Пастухова, Н. К. Радинову, О. Ф. Русакову, Л. Н. Тимофееву, А. Д. Трахтенберг, А. И. Черных, Ю. Г. Чернышова, А. П. Чудинова и др.³.

²Fairclough N. Media Discourse. – Edward Arnold. London. 1995. – 214 p.; Chilton P., Scaffer C. Politics as Text and Talk: analytic approach to political discourse. – John Benjamins Publishing Company. Amsterdam/Philadelphia. 2002 – 245 p.; MacDonald M. Exploring Media Discourse. Oxford University Press. 2003. – 213 p.; Howarth D., Torfing J. Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance /Edited by David Howarth and Jacob Torfing. Palgrave. New York. Macmillan. Ltd 2005. 364 p.; Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. – М.: Гуманитарный центр, 2013. – 264 с.; Дейк Тён А ван, Дискурс и власть: Репрезентации доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.; Ван ден Бринк Б., Парадигма признания в социальной философии // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: Общественные науки. – 2014. – № 2 (128). – С. 5-15.; Stavrakakis Y. Discourse and Affect: Conceptual and Political Dialectics in Theory and Empirical Analysis. - 59th PSA Annual Conference – Manchester, 2009. – P. 11. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.scribd.com/document/189199675/2009-Discourse-and-Affect> (дата обращения 13.10.2017г.).

³Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. М.: Знание, 1991. 64 с.; Володенков С.В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием /С.В. Володенков // Вестник Московского университета. – 2012. – №5. – С. 89-103.; Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. – СПб: СПбГУ, 2002. Вып. 3. – С. 88-108.; Гречихин М.В. Современный русский медиадискурс: язык интолерантности: на материале языка российских СМИ: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Белгород. – 2008. – 21 с.; Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики. Научный Ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2014. – №14(4). – С. 65–77.; Грибовод Е.Г. Медиадискурс// Дискурс-Пи. – 2013. – №3(13). – С. 118.; Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2006. – №2. – С. 20-33.; Дубровская Т.В. (Ред.) Политический. Юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 248 с.; Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и

Определению дискурса вражды посвятили свои работы такие авторы, как Л. М. Ермакова, В. А. Мишланов, В. А. Салимовский, М. А. Фадеичева⁴ и др.⁵. Содержательный анализ понятия «язык вражды», семантически близкий категории «дискурс вражды», представлен в работах А. В. Гладилина, А. В. Евстафьевой, Г. Кожевниковой, О. С. Коробковой, Е. П. Соколовой⁶ и др. Теория образа врага получила свое отражение в работах

власть. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 299 с.; Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Повестка дня и информационное общество: социологические очерки. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. – 142 с.; Ильин М.В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа // Дискурс-Пи. – 2015. – №1(18). – С. 43–47.; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.; Киуру К.В. Современные дискурсивные практики в новых медиа: проблема жанрообразования // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II международная научно-практическая конференция: сборник научных работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. – Белгород: ИД «Белгород»; НИУ «БелГУ», 2016. – С. 42-46.; Кожемякин Е.А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №3. – С. 5-17.; Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Выпуск 6. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 12(83). – С. 13-21; Пастухов, А. Г. (Ред.). Дискурсы власти. Орел: ООО «Горизонт». 2015. – 379 с.; Радина Н.К. Методика идентификации контекстуальных проблем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии covid-19) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – №5. – С. 116-136.; Русакова О.Ф. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. – 2015. – №1(18). – С. 10-19.; Русакова О.Ф. Дискурс-анализ публичных коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 187-204.; Русакова О.Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 90-130.; Русакова О.Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика» // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманит. науки. – 2013. – Вып. 20, № 27. – С. 150-160.; Тимофеева Л. Н. (ред.) Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: Рос. ассоциация полит. науки (РАПН); Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 2012. – 327 с.; Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 41-54.; Черных А.И. Медиа и демократия. – М.; СПб.: Университет. кн. 2011. – 272 с.; Чернышёв Ю.Г. Медiateксты в коммуникативном пространстве политических блогов // Mediateкст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т., 2012. – С. 99-104.; Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.

⁴Мишланов В.А., Салимовский В.А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С.56–65.; Салимовский В.А., Ермакова Л.М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета / В.А. Салимовский, Л.М. Ермакова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3. – С. 71-80.; Фадеичева, М.А. Экзистенциальные основания языка вражды / М.А. Фадеичева // Дискурс-Пи. – 2015. – № 1(18) – С. 20-24.

⁵Русакова О.Ф. Дискурс-анализ публичных коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 187-204.

⁶Гладилин А.В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа // Вестник Челябинского Государственного Университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 21(312) – С. 144-153.; Евстафьева А. В. Адресант и адресат «языка вражды» в текстах средств массовой информации // Вестник ТюмГУ. – 2008 – №1. – С. 125-133.; Соколова Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. 2010. – №4 – С. 274-280.; Кожевникова Г. Язык вражды: типология ошибок журналиста // Прикладная конфликтология для журналистов. – М.: «Права человека», 2006. – С. 95-105.; Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социоллингвистический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия филология. – 2011. – №111. – С. 200-205.

С. Аكوпова, Е. Прошиной, В. А. Ачкасова, Л. Гудкова⁷, И. М. Дзялошинского, З. Захида, И. Ноймана, В. Палеевой, Л. П. Репиной, А. С. Сенявского, Е. С. Сенявской, Е. С. Храбровой, Н. А. Чес, Е. Д. Шеватлохова и др.⁸. Авторы не только указывают на манипулятивный характер данного образа, но и обращают внимание на использование стереотипов при его конструировании.

Анализу ингрупп и аутгрупп, противостоянию «свои» – «чужие», «мы» – «они», посвящены работы О. Ф. Автохутдиновой, Т. А. ван Дейка, Дж. Сурмонд, А. В. Шипилова и др.⁹. В качестве конкретных моделей дискурса вражды ими рассматривались: расистский дискурс (Т.А. ван Дейк), конфликтный политический дискурс (Дж. Сурмонд), дискурс политической дегуманизации (Э. Стейтер, Д. Уильямс, П. Робинсон, Р. Нэйр¹⁰ и др.).

Изучение актов речевой агрессии, характерных для дискурса вражды, проводится разработчиками теории интолерантного дискурса в лице И. В. Коноваленко, Е. Ю. Кольцовой, Э. Понарина, Д. Дубовского,

⁷Признан лицом со статусом иностранного агента.

⁸Neumann I. B. *Uses of the other: «the East» in European identity formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.; Аков С., Прошина Е. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далёких местных» // *Власть*. – 2011. – № 1. – С. 89-92.; Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага* / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. — М.: ОГИ, 2005. — С. 7-79.; Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. — М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2007. — 169 с.; Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // *Диалог со временем*. М.: Аквилон. — 2012. — Вып. 39. — С. 9-19.; Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. — 2006. — № 2 (6). — С. 54-72.; Храброва Е.С. Способы моделирования образа героя и образа врага в английском политическом дискурсе (на материале политических выступлений 1939-1945 гг.) // *Austrian journal of humanities and social sciences*. — № 9-10. — С. 60-63.; Чес Н.А. Конструирование образа врага в метафорической картине мира в условиях информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // *Человеческий капитал*. — 2015. — № 11-12 (83-84). — С. 36-39.; Шеватлохова Е.Д. Особенности реализации стратегии создания образа врага в текстах, подлежащих рассмотрению при проведении лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // *Вестник АГУ*. — 2016. - №2 (177). — С. 117-120.

⁹Шипилов, А. В. «Свои», «чужие» и другие. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. — 568 с.; ван Дейк, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с.; Автохутдинова, О. Ф. (2015) «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 238 с.

¹⁰Suurmond J. (2019). *Discourse Analysis and Conflict Studies*. Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'; Steuter E., Wills, D. (2009). Discourses of dehumanization: Enemy construction and Canadian media complicity in the framing of the War on Terror. *Global Media Journal: Canadian Edition*, 2(2), 7-24.; Robinson P. (1999). The CNN effect: Can the news media drive foreign policy? *Review of International Studies*, 25(2), 301-309.; Nair R. (2008). "Us" and "Them" in different times and space. In F. S. Abdullah M.H., Abdullah B.H., Tan (Eds.), *Critical perspectives on language and discourse in the New World Order* (pp.216-231). Newcastle: Cambridge Scholars Pub.; Teun A. van Dijk. *Discourse and racism*. In David Goldberg & John Solomos (Eds.), *The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies*. (pp. 145-159). Oxford: Blackwell, 2002.

А. Толкачёвой, Р. Акифьевой, Е. Е. Таратута и др.¹¹. Для обозначения деструктивной направленности субъекта и эмоциональной функции языка А. А. Романов, А. П. Костяев ввели понятие агрессивного дискурса¹². Концепт агонального дискурса стал предметом специального изучения в работах О. А. Байши, В. В. Дешёвой, О. Ф. Русаковой, Е. И. Шейгал и др., в которых агональность рассматривается в контексте нарастания конфликтности¹³.

Медиапространством бытия, медиасредой формирования и функционирования дискурса политической вражды является область информационной войны с её институциональной инфраструктурой и суммой манипулятивных технологий, направленных на осуществление информационных операций по дискредитации политического противника. Эти приёмы инструментального подхода к политике обозначил О. Н. Басов¹⁴. Изучению информационных войн как области функционирования дискурса конфликтности и вражды посвятили свои исследования следующие авторы: А. Ачкасова, Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, Г. Вирен, С. В. Володенков, А. Ю. Гарбузняк, С. Г. Кара-Мурза, Т. П. Карпухина, Н. А. Капен-Ярцева, С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина, В. А. Лисичкин, С. И. Макаренко, Г. В. Марченко, Г. Г. Почепцов, Л. Н. Синельникова, В. Д. Соловей¹⁵, Л. А. Шелепин, Н. Е. Шонин и Р. Р. Юсупова и др.¹⁶. Информационная война, согласно Д.П. Гавре, является

¹¹Кольцова Е.Ю., Таратута Е.Е. Измерение толерантности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – №4. – С. 113-129.; Коноваленко И.В. Интолерантная языковая личность // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 35-38.; Понарин Э., Дубровский Д., Толкачёва А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы / А. Верховский // Язык вражды против общества (сб. статей). – М.: Центр «Сова». 2007. – С. 72-106.

¹²Романов А.А., Новосёлова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). — М.: Ин-т языкознания РАН; Тверь: Тверская ГСХА, 2013. — 166 с.; Романов А.А., Костяев А.П. Агрессивный дискурс в профессиональной коммуникации. — М.: Ин-т языкознания РАН, Тверь: ТвГУ, 2011. — 314 с.

¹³Байша О.А. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 183 с.; Шейгал Е.И., Дешёва В.В. Агональность в коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 36. 2009. – № 34(172). – С. 145-148.; Русакова О.Ф., Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. – 2015. – №1(18). – С. 10-19.

¹⁴Басов О.Н. Инструментальный подход к анализу политических процессов в контексте развития методов политической науки // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 48-60.

¹⁵Признан лицом со статусом иностранного агента.

¹⁶Ачкасова, В. А. Медиатизированные конфликты и инциденты: Новая роль в сфере публичных коммуникаций // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы; Материалы IX

наиболее агрессивной и антигуманной формой информационного противоборства¹⁷.

Проблемам технологий и методам противоборства в информационно-психологической войне посвящены работы О. Е. Воронова, А. А. Керимова, А. В. Манойло, Е. Г. Пономаревой, А. С. Трушина¹⁸ и др. О. Н. Володченко, И. И. Крыжановская, И. П. Матвеева, Л. В. Минаева, А. В. Морозов, Е. Ю. Небродовская-Мазур и И. В. Сурма посвятили свои статьи описанию работе центров информационно-психологических операций (ЦИПСО), которые

Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16-18 декабря 2021 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Галутвиной, Л. В. Сморгунюва, Л. Н. Тимофеевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – С. 52-53.; Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В. Дискурсы внешнего информационного давления в Крымском и Севастопольском сегментах рунета: особенности, адресаты, конфликтный потенциал // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 243-265.; Вирен, Г. Современные медиа: Приёмы информационных войн. М.: Аспект Пресс, 2013. – 126 с.; Володенков С.В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием /С.В. Володенков // Вестник Московского университета. – 2012. – №5 – С. 89-103.; Гарбузняк А.Ю. (2015) Интерпретация реалий политической жизни страны в повестке дня общероссийской прессы: технологические аспекты: дис. ... кандидата филологических наук. Москва. 182 с.; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2012. – 864 с.; Карпухина Т.П., Капен-Ярцева Н.А. Информационная война в западном политическом дискурсе // Вопросы зарубежной филологии в контексте современных исследований: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 260-267.; Кушнерук С.Л., Курочкина М.А. Информационно-психологическая война в зарубежной медиакommunikation: взгляд дискурсолога // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 7(441). Филологические науки. Вып. 121. С. 97—105.; Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. – М.: Эксмо, 2003. – 137 с.; Марченко Г.В. Современные информационные войны: содержание и типология // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб. – 2021. – С. 107-113.; Макаренко С.И. Информационная борьба и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. – СПб. – 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://psyfactor.org/lib/infowar2.htm> (дата обращения 17.01.2022г.); Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Г. Почепцов. – Москва: Алгоритм, 2015. – 256 с.; Синельникова Л.Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2. – С. 95—101.; Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования / Валерий Соловей. – Москва: Издательство «Э», 2015. – 320 с.; Коровин В.М. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. 352 с.; Шонин Н.Е., Юсупова Р.Р. Информационная война как часть внешней политики государства // Коммуникация в политике, бизнесе и образовании: материалы Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. Научное электронное издание. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – С. 43-45.

¹⁷Гавра Д.П. Информационное противоборство: современное понимание, характеристики, подходы к междисциплинарному познанию // Российская школа связей с общественностью. 2023. №29. С. 10-26.

¹⁸Воронова О.Е., Трушин А.С. Современные информационные войны: стратегии, типы, методы, приемы / О. Е. Воронова, А. С. Трушин. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 176 с.; Керимов А. А. Об особенностях политических медиакommunikation в цифровую эпоху / А. А. Керимов // Koionon. – 2022. – Т. 3. № 1. – С. 37-44; Манойло А.В., Пономарева Е.Г. Современные информационно психологические операции: технологии и методы противодействия // Обозреватель. – 2019. – № 2 (349). – С. 5-17.; Керимов А.А. Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы // Сборник научных статей по материалам шестой Международной научно-практической конференции. Под редакцией А.А. Вилкова. – Саратов: «Саратовский источник». 2019. – С. 57-61.; Пономарева Е.Г. Теория и технологии социальной деструкции. Глоссарий / Е.Г.Пономарева // Теория и технологии социальной деструкции (на примере "цветных революций"). — М.: Русский биографический институт, ИНЭС, 2016. — С. 366-410.

занимались стратегической коммуникацией по борьбе с Россией в социальных сетях с помощью технологий фейков и информационных вбросов¹⁹.

Проблематике идеологем и мифологем в информационной войне значительное внимание уделено в работах ведущего американского политолога Г. Лассуэла и отечественной исследовательницы О. А. Кузиной²⁰. А. Ю. Гарбузняк обращается к анализу медиаэффектов информационной войны: установлению повестки дня, праймингу, фреймингу. С. А. Якунин уделяет внимание на интерпретационные технологии в период информационной войны. О. А. Байша показывает важность границ медиадискурса в условиях информационной борьбы. Проблеме образа России и её отражения в политическом медиадискурсе вражды уделили внимание Р. П. Баканова и А. Ю. Хасанова, М. В. Жеребкин, Э. И. Сулейманова²¹.

¹⁹Володченко О.Н. От фейков до управления информационными потоками: медиатехнологии при освещении темы Специальной Военной операции на Украине // Инновация. Медиакommunikация. Медиакультура. Информация. Дизайн. Коллективная монография. Под общей редакцией А.М. Тимохина. – Симферополь: Издательство Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2022. – С. 137-146.; Крыжановская И.И. Информационное противоборство в Специальной Военной Операции на Донбассе // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк, 2022. – С. 315-317.; Минаева Л.В. Стратегическая коммуникация как инструмент продвижения национальных интересов страны // Российская школа связей с общественностью. – 2021. – №20. – С. 52-76.; Морозов А.В., Небродовская-Мазур Е.Ю., Матвеева И.П. Цифровая инфраструктура и смысловые линии информационной войны // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2022. – №4. – С. 56-62.; Сурма И.В. Возрастание фактора информационно-психологической войны в условиях эскалации украинского кризиса / И.В. Сурма // Вестник Академии военных наук. – 2022. – № 2 (79). – С. 33-36.; Сурма, И.В. Роль информационно-психологических операций в эскалации украинского кризиса / И.В. Сурма // Дипломатическая служба. – 2022. – № 3. – С. 204-209.

²⁰Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971.; Кузина О.А. Идеологема и мифологема как ключевые категории медиадискурса в период информационной войны // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. – С. 136-138.

²¹Баканов Р.П., Хасанова А.Ю. Формирование мифов о России в англоязычных интернет-изданиях // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакратии в России и за рубежом. – Белгород. ИД «Белгород», 2016. – С. 140-151.; Жеребкин, М.В., Демонизация России: как это делается и зачем? // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Том 7. №5. Ч. 1. – С. 130-135.; Гаджиев К. Имидж России глазами Запада. Исторический ракурс // Свободная мысль. – 2017. – №2 (1662). – С. 123-136.; Сулейманова Э.И. Выпускная квалификационная работа Образ России, формируемый в западных СМИ (на материалах освещения сирийского кризиса). – СПб. – 2017. – 76с. [Электронный ресурс] URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/10702/1/Sulejmanova_E_I_Obraz_Rossii_v_Zapadnyx_SMI.pdf (дата обращения 10.10.2020 г.).

На лингвистическую специфику антироссийского политического дискурса особое внимание обратили А. И. Вильямс, Е. Г. Воскресенская, Т. П. Карпухина, Н. А. Капен-Ярцева, В. И. Озюменко, Н. А. Чес, С. А. Якунин²².

Использованию дискурса постпамяти и постправды в целях снижения и дискредитации исторического и политического образа России посвятили ряд своих работ такие авторы, как С. А. Засорин, А. П. Корочевский, Е. Г. Пономарёва, В. М. Русаков, О. Ф. Русакова и др.²³.

Среди работ, посвященных проблеме различия между антагонистическим и агональным дискурсом, можно выделить исследование Н. Карпентье, в котором противопоставление проводится на основе идентификации «чужого»: в антагонистическом дискурсе «чужой» – это враг, в агональном – это противник. Для антагонистического дискурса цель состоит в уничтожении врага, в агональном дискурсе присутствует терпимость к противнику²⁴.

В целом ряде работ, посвященных дискурс-анализу зарубежных медиаисточников, связанных с ведением информационной войны против России, проводилось выявление стереотипов, мифологем, фреймов и иных структурных компонентов политического медиадискурса. Данные элементы были описаны такими авторами, как Н. Г. Бирюкова, О. Н. Григоренко, Н. А. Ступниковой,

²²Вильямс А.И., Воскресенская Е.Г. Метафорическая репрезентация военно-политических событий на Украине и в Сирии в политическом медиадискурсе России и США // Дайджест-2016. Сборник статей (по материалам выпускных квалификационных работ студентов факультета иностранных языков). – Омск. – 2017. – С. 23-32.; Карпухина Т.П., Капен-Ярцева Н.А. Информационная война в западном политическом дискурсе // Вопросы зарубежной филологии в контексте современных исследований: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилиная, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 260-267.; Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – №21(1). – С. 203–220.; Чес Н.А. Конструирование образа врага в метафорической картине мира в условиях информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // Человеческий капитал. – 2015. – № 11-12 (83-84). – С. 36-39.; Якунин С. А. Лингвистические средства ведения информационной войны // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3 (75). – С. 77—82.

²³Засорин С.А. Политика памяти. // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы; Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16-18 декабря 2021 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Галутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – С. 186-187.; Корочевский А.П. Медиакритика в эпоху постжурналистики // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Материалы Международной научно-практической конференции (специальный выпуск журнала). – № 3 (20). – Т. 1. – Белгород: Политерра, 2018. – С. 29-37.; Пономарева Е.Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны – технология трансформации сознания / Е.Г. Пономарева // Обозреватель. – 2016. – № 5. – С. 5-20.; Русакова О.Ф., Русаков В.М. Политика исторической памяти и Великая Отечественная война // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2017. – № 1 (17). – С. 34—39.

²⁴Carpentier, N. Diversifying the Other: Antagonism, agonism and the multiplicity of articulations of self and other. Bremen: edition Lumière, 2018. pp. 145-162.

А. И. Вильямс, Е. Г. Воскресенской, Т. П. Карпухиной, Н. А. Капен-Ярцевой, Л. А. Кауфова, С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкиной, В. И. Озюменко, Н. А. Чес, С. А. Якуниным и др.²⁵.

Вниманию проблеме субъектов политического медиадискурса уделили представители европейского структурализма – философы Л. Альтюссер²⁶, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ю. Кристева, Ж. Лакан, М. Пешё, М. Фуко, вопросу субъектности интеллектуалов – Ж. Бенда, Н. Боббио, А. Грамши, Н. Хомский²⁷.

Формирование структурных элементов медиадискурса вражды происходило на основании моделей, которые разработали такие авторы, как О. А. Байша, Т. А. ван Дейк, З. Захид, В. И. Озюменко, Д. Д. Цилюрик²⁸.

²⁵Бирюков Н.Г., Григоренко О.Н., Ступникова Н.А. Стереотипные представления о России в немецком медиадискурсе в условиях информационной войны // Наука и мир. – 2016. – Т. 3. №4. – С. 12-13.; Вильямс А.И., Воскресенская Е.Г. Метафорическая репрезентация военно-политических событий на Украине и в Сирии в политическом медиадискурсе России и США // Дайджест-2016. Сборник статей (по материалам выпускных квалификационных работ студентов факультета иностранных языков). – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2017. – С. 23-32.; Карпухина Т.П., Капен-Ярцева Н.А. Информационная война в западном политическом дискурсе // Вопросы зарубежной филологии в контексте современных исследований: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 260-267.; Кауфова Л.А. Речевая агрессия в британском политическом дискурсе / Л.А. Кауфова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. № 10-1 (52). – С. 83-86.; Кушнерук С.Л., Курочкина М.А. Информационно-психологическая война в зарубежной медиакоммуникации: взгляд дискурсолога // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. – С. 97—105.; Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – 21(1). – С. 203–220.; Чес Н.А. Конструирование образа врага в метафорической картине мира в условиях информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // Человеческий капитал. – 2015. – № 11-12 (83-84). – С. 36-39.; Якунин С.А. Лингвистические средства ведения информационной войны // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3 (75). – С. 77—82.

²⁶Althusser L. (1971) «Ideology and ideological state apparatuses», in L. Althusser Lenin and Philosophy and Other Essays. London: New Left Review.; Foucault M. (1980) «Truth and power», in C. Gordon (ed.) Power/Knowledge. Selected Interviews and other Writings 1972-1977. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf.; Кожемякин Е.А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №3. – С. 5-17.; Барт Р. Война языков. Пер. С.Н. Зенкина // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. С. 540.; Kristeva J. Unepoétiquée // Mikhaïl Bakhtine. La poétique de Dostoïevski. Traduit du russe par Isabelle Kolitcheff. Présentation de Julia Kristeva. P.: Seuil, 1970.; Laclau E., Zac L. (1994) «Minding the gap: the subject of politics», in E. Laclau (ed.), The Making of Political Identities. London: Verso.; Baudrillard J. Les stratégies fatales. Coll. «Figures», Paris, Grasset, 1983, 277 p. Baudrillard J. Les stratégies fatales. Coll. «Figures». Paris. Grasset. 1983. 277 p.

²⁷Боббио, Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. – 1992. – №8. – С. 162-171.; Куренной М. Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов/ Под ред. В. Куренного. М., 2009. – 368 с.; Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / Ж. Бенда; пер. с франц. В. П. Гайдамака и А. В. Матешук. — М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. 310 с.; Chomsky N. «The Responsibility of Intellectuals», The New York Review of Books, 8:3 (February 1967).

²⁸Dijk, T.A. van Political discourse and racism. Describing Others in Western Parliaments. The Language and Politics of Exclusion. Others in Discourse. Thousand Oaks, CA: - Sage. - 1997. – pp. 31-64.; Zahid Z. U.S.A. versus 'Them': Fomenting an Enemy for the Hegemonic Discourse. IPRI Journal XVI, No.2. – 2016. - pp. 105-118.; Цилюрик Д. Д. (2013) Образ России в современном французском политическом медиадискурсе (по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008-2012 гг.): автореферат дис. ... кандидата

Освещению структуры и технологий политического медиадискурса международной политики и вооружённых конфликтов было уделено внимание в работах Т. В. Дубровской, А. Н. Маринович, Т. Л. Осколковой²⁹. Классификация манипулятивных технологий рассмотрена в работах И. М. Дзялошинского и О. В. Ланге³⁰.

В основе исследования лежал разбор публикаций иностранной прессы. Для этого были проанализированы жанры аналитической публицистики. Описанию структуры аналитической статьи посвятили свои работы О. Г. Григорьева, Т. А. Ван Дейк, Д. В. Дергач, М. Р. Желтухина³¹. Проблема самостоятельности выделения жанра обвинения и его структуры нашла отражение в трудах Е. В. Лаврентьевой, Т. И. Стексовой, Я. Ю. Хлопунова³². Был сделан вывод о том, что обвинение может быть самостоятельным жанром. Это возможно при условии соответствия структурным признакам и большого числа обвинений. Жанру журналистского расследования уделили внимание А. А. Гуляев, Е. С. Зубаркина, Ю. А. Исакова, К. А. Кирилин,

филологических наук. Москва. – 21 с.; Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. 21(1), – С. 203–220.; Байша О.А. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 183 с.

²⁹Дубровская Т.В. Конструирование Запада в российском внешнеполитическом дискурсе: политические акторы и стратегии репрезентации / Т. В. Дубровская // Дискурс Пи. – 2017. – № 1 (26). – С. 10-21.; Маринович А. Н. Специфика медийного освещения современных политических процессов на примере сирийского вооружённого конфликта: дисс. ... к. полит. н. Екатеринбург, 2018. – 168 с.; Маринович А. Н. Дискурсивная практика российских медиа в освещении сирийского вооружённого конфликта / А. Н. Маринович // Дискурс Пи. – 2017. – № 3-4 (28-29) – С. 161-167.; Осколкова Т. Л. Сирийская война 2014–2019: дискурс англоязычных СМИ // Дискурс-Пи. – 2020. – № 1 (38). – С. 126–139.

³⁰Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии СМИ. – М: «Гуманитарный институт», 2006. – 44 с.; Ланге О.В. (2015) Современные манипулятивные технологии: вопросы теории и методологии: дис. ...канд. пол. наук. Санкт-Петербург. 173 с.

³¹Орлова О.Г. Жанры политического медиадискурса // Вопросы журналистики. – 2020. – № 7. – С. 56–73.; Оломская Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н. Н. Оломская // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17): Филология. – С. 250–259.; Дергач Д.В. Функциональная природа дифференциации современных медиажанров // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа: сб. статей / под ред. Л.Р. Дускаевой. Отв. Ред. Н. С. Цветова. – СПб. С.-Петерб. гос. ун-т, Инс-т. «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014. – С.63-66.; Желтухина М. Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медiateкст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.). Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры: Полиграф. фирма «Горизонт», 2010. – С. 19–32.; ван Дейк, Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 57-60.

³²Лаврентьева Е. В., Стексова Т. И. Особенности жанра обвинения в политическом дискурсе // Жанры речи. – 2018. – № 2 (18). – С. 104–111.; Хлопунов Я.Ю. Языковые приёмы реализации коммуникативной тактики обвинения в американском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопрос теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2019. – Т. 12. Выпуск 1. – С. 63-68.

А. Д. Константинов³³. Журналистское расследование становится жанром, которое создаёт искусственный ажиотаж и обвинительный уклон вокруг событий, продвигаемых группой политических интересов.

В целом, отметим, что на сегодняшний день накоплен значительный массив работ, в которых представлены те или иные аспекты изучения политического медиадискурса вражды, а также изучены определенные практики его реализации в ходе ведения информационного противоборства. До сих пор ни в отечественной ни в зарубежной литературе не проводилось комплексного структурно-коммуникативного исследования политического медиадискурса вражды. Комплексное изучение обозначенной проблемы в настоящем исследовании подразумевает выявление структурных компонентов политического медиадискурса и дискурса вражды, политических субъектов, жанров медиадискурса, анализ ингрупп и аутгрупп, актов речевой агрессии, манипулятивных технологий, стилистических средств, англоязычных медиаисточников.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является дискурс вражды в информационном противоборстве. **Предметом исследования** является политический медиадискурс вражды в информационном противоборстве как его инструмент и технология.

Цель и задачи исследования

Цель работы — охарактеризовать с позиции структурно-коммуникативного подхода политический медиадискурс вражды в качестве инструмента и технологии информационного противоборства на примере конфликта на Украине.

³³Искакова Ю.А., Кирилин К.А. Специфика использования жанров и метода журналистского расследования в современной российской журналистике // Медиаисследования. – 2017. – №4(2). – С. 134-142.; Гуляев А.А. Журналистское расследование: история, методика и практика. Учебное издание. – Вильнюс: ЕГУ, 2018. – 256 с.; Зубаркина Е.С. Журналистское расследование: история и технология создания сюжетов // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 2. – С. 366-370.; Константинов А.Д. Журналистское расследование: История метода и современная практика. — СПб., 2003. – 480 с.

Поставленная цель предопределила следующие **задачи исследования**:

- 1) провести комплексный анализ понятия «политический медиадискурс вражды», опираясь на концепции и теории, разработанные в истории общественно-политической мысли и в современной политической науке;
- 2) рассмотреть основные теоретико-методологические подходы к изучению политического медиадискурса вражды, выделить черты и свойства структурно-коммуникативного подхода как особо значимого для проведения настоящего исследования;
- 3) содержательно раскрыть технологический инструментарий политического медиадискурса вражды в качестве главного инструмента информационного противоборства стран Запада и России;
- 4) представить авторскую методику применения структурно-коммуникативного подхода при осуществлении теоретического анализа политического медиадискурса вражды в англоязычных медиаисточниках;
- 5) разработать и описать структуру политического медиадискурса вражды как инструмента информационного противоборства против России на примерах крымского кризиса, вооружённого конфликта на Донбассе 2014 года и событий в городе Буча 2022 года, освещаемых англоязычными СМИ.

В основу работы была положена **гипотеза** о том, что политический медиадискурс вражды представляет собой сложно-структурированную коммуникативную систему, оказывающую влияние на способы интерпретации ключевых событий, возникающих в ходе украинского военно-политического конфликта, и выступающую в качестве инструмента информационного противоборства стран Запада и России. Основными структурными компонентами данной системы, которые используют политические субъекты, являются коммуникативные стратегии противопоставления сторон, дискредитации, демонизации и дегуманизации противника, дихотомическая модель «свой» – «чужой», агональная лексика, экспрессивные стилистические средства, манипулятивные технологии, враждебный контекст и невербальные элементы. Современная западная медиакампания, связанная с использованием

политического дискурса вражды для анализа военно-политического конфликта на Украине, носит регулярный и широкомасштабный пропагандистский характер.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Для решения поставленных задач применялись общенаучные методы – методы анализа, синтеза, индукции, дедукции. Методологической основой исследования выступили системный подход, инструменталистский подход, информационно-коммуникативный подход. Системный подход позволил определить политический медиадискурс вражды как сложно-структурированную систему с определённым набором принципов и взаимосвязей элементов. Инструменталистский подход помог раскрыть зависимость набора структурных элементов политического медиадискурса вражды от целей политических субъектов. Информационно-коммуникативный подход дал возможность представить политический медиадискурс вражды как властный ресурс, оказывающий влияние на общественное мнение и принятие политических решений. Метод структурно-функционального анализа, методы и категории политической коммуникативистики, сравнительный подход позволили автору проанализировать концепты дискурса вражды и сконструировать целостную концептуальную модель политического медиадискурса вражды.

В основу разработки авторской методики исследования медиаисточников легла модель дискурс-анализа медиатекста Е. А. Кожемякина, частью которой стали выработанные в рамках структурно-коммуникативного подхода элементы и уровни политического медиадискурса вражды. Критический дискурс-анализ позволил выявить структуры доминирования вражды в англоязычном медиадискурсе. Манипулятивно-технологический подход позволил раскрыть применяемые манипулятивные технологии в политическом медиадискурсе вражды. Для чёткого понимания используемых манипулятивных технологий использовались методы типологии и классификации. Метод case-study применялся для обозначения информационного влияния и специфики

политического медиадискурса вражды на примерах Крымского кризиса и вооружённого конфликта на Донбассе 2014 года, ситуации в городе Буча 2022 года. Метод медийной репрезентации позволил представить сформированные в англоязычных медиаисточниках образы политических противников.

В процессе анализа медиаисточников применялись методы медиологии, лингвистики, журналистики, нарративный и жанровый подходы. В данной работе под методом медиологии подразумевается мониторинг и анализ больших баз данных, а под лингвистическим подходом – использование лексико-семантических, стилистических и метаформических приемов в текстах медиаисточников. Анализировались также применяемые в СМИ методы журналистики – установление повестки дня, прайминг, фрейминг, импринтинг, медиаэффект и др. Нарративный подход был использован при анализе медиаисточников, освещающих ситуацию в Буче, где использовались истории местных жителей. Вспомогательными методами выступили статистический, терминологический, дескриптивный. Статистический метод позволил провести подсчёт параметров англоязычных медиаисточников: аудитории, манипулятивных технологий и стилистических средств. Терминологический метод позволил сформулировать понятия политического медиадискурса вражды и информационной войны. Дескриптивный метод применялся для описания принципов, элементов и функций политического медиадискурса вражды.

Эмпирической базой исследования стали наиболее влиятельные политические медиаисточники, представляющие позицию прессы США и Великобритании в отношении определенных конфликтных событий на Украине. Всего было выбрано 73 интернет-версии статей из базы 185 источников. В ситуации Крымского кризиса источники затрагивали февраль-март 2014 года, война на Донбассе – март-сентябрь 2014 года, события в Буче – апрель-май 2022 года. Для описания характерных особенностей медиадискурса по событиям в Крыму использовались 25 медиатекстов, для войны в Донбассе – 23, по инциденту в Буче – 25. В качестве медиаисточников рассматривались такие влиятельные интернет-версии изданий США как The New York Times, The

Washington Post, The Wall Street Journal, USA Today; Великобритании – The Guardian, The Financial Times, Daily Mail, The Independent. Ограничениями при выборе были возможности использования платной подписки. Минимальное количество знаков в публикации – 1,5 тыс., максимальное – 31 тыс. знаков, среднее значение статьи составляет 5-8 тыс. знаков. Статьи распределились по жанрам аналитической публицистики: аналитическая статья – 35, жанр обвинения – 35, журналистское расследование – 3.

Область научного исследования соответствуют следующим направлениям Паспорта научной специальности 5.5.2. «Политические институты, процессы, технологии»: п. 4. «Механизмы и технологии традиционной и цифровой политики: формы и уровни организации», п. 29. «Информационные процессы и управление политическими коммуникациями: традиционные СМИ, социальные медиа и сети», п. 30. «Политические технологии и специфика их применения».

Научная новизна исследования обусловлена применением инструментального и структурно-коммуникативного подхода к анализу политического медиадискурса вражды, рассматриваемого в качестве главного инструмента информационного противоборства стран Запада и России в ходе военно-политического конфликта на Украине.

Основные элементы новизны заключаются в следующем:

1. Дано определение понятию «политический медиадискурс вражды», выделены ключевые подходы к его изучению.
2. Раскрыт механизм функционирования политического медиадискурса вражды в качестве инструмента информационного противоборства через его структуру, функции и технологии с помощью структурно-коммуникативного подхода.
3. Выявлена роль новых технологий влияния политического медиадискурса вражды, применяемых в рамках военно-политического противоборства на Украине.

4. Разработана авторская методика структурно-коммуникативного анализа политического медиадискурса вражды.

5. Выявлены механизм функционирования и структура политического медиадискурса вражды, направленные против России в рамках военно-политического противостояния на Украине.

6. Введены в научный оборот новые данные, полученные посредством применения авторской методики к анализу политических медиаисточников.

Основные результаты исследования, выносимые на защиту:

1. В научный оборот введено понятие «политический медиадискурс вражды», под которым понимается властный ресурс, связанный с формированием в массовом сознании политических медиаобразов событий на основе дихотомической модели «свой» – «чужой» посредством использования манипулятивных технологий и экспрессивных риторических средств. Политический медиадискурс вражды является комплексной технологией информационного противоборства, которую используют политические субъекты. Он включает в себя коммуникативные стратегии противопоставления сторон, дискредитации, демонизации и дегуманизации противника, дихотомическую модель «свой» – «чужой», агональную лексику, экспрессивные стилистические средства, манипулятивные технологии, враждебный контекст и невербальные элементы.

2. Проведено комплексное исследование структурно-коммуникативных компонентов политического медиадискурса вражды, раскрываемых на основе изучения материалов англоязычных СМИ. Было установлено глобальное влияние англоязычных массмедиа на новостную повестку, которое носило характер целенаправленной пропагандисткой информационной кампании. Многосложная коммуникативная система конфликта на Украине оказалась представлена в виде противостояния образов России и Донбасса против Украины и Запада, которые раскрываются на структурном уровне политического медиадискурса вражды.

3. Политический медиадискурс вражды выступает главным инструментом осуществления информационного противоборства, поскольку использует комплекс приёмов, который позволяет формировать конфронтационный образ реальности и принимать решения против политических противников. Политический медиадискурс вражды опирается на эмоциональный резонанс, политическую предвзятость, упрощение сложных проблем для подрыва доверия и использования насильственных практик. В описании военно-политического противостояния на Украине политический медиадискурс вражды оказался пластичным. Набор и механизм функционирования элементов медиадискурса вражды в военно-политическом конфликте зависит от характера событий на шкале «боевые действия – дипломатическое решение» и от используемой коммуникативной стратегии. Политико-дипломатическое давление приводило к дискредитации России, в условиях военных действий без дипломатии осуществлялась демонизация России и дегуманизация российской армии.

4. В качестве инструмента информационного противоборства политический медиадискурс вражды представляет собой сложную систему манипулятивных технологий, применяемую в целях дискредитации образа противника в массовом политическом сознании. К ним относятся традиционные технологии («наклеивание ярлыков», «образ врага», продвижение стереотипов и политических мифов и др.) и новые технологии (интерпретации повестки дня, прайминг, фрейминг, импринтинг), дискурс фейков, постпамяти, постправды. Задача современных технологий заключается в обеспечении продвижения повестки заинтересованной стороны и установлении враждебного эмоционального фона.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации существующих подходов к пониманию сущностных характеристик политического медиадискурса вражды, в формировании теоретически целостного и комплексного взгляда на роль и значение данного дискурса при реализации стратегий и задач современного информационного противоборства

политических сил Запада и России во время конфликта на Украине. Была разработана авторская методика структурно-коммуникативного анализа политического медиадискурса вражды с опорой на инструментальный подход к политике, позволяющая осуществлять её многократное применение при исследовании новейших западных медиаисточников, участвующих в противостоянии с Россией.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения материалов, результатов, определений, методов, содержащихся в работе, при разработке учебных курсов по политологии, журналистике, дипломатии, международных отношений. Рассматриваемые в процессе исследования технологии применения медиадискурса вражды как инструмента информационного противоборства могут быть использованы для интерпретации повестки массмедиа аналитиками и политологами. Данные материалы могут быть также использованы в работе информационных служб государственных органов власти, массмедиа. Материалы исследования могут лечь в основу спецкурсов по политическому дискурс-анализу, по технологиям ведения информационных войн, по урегулированию политических конфликтов.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации обсуждались на заседании отдела философии Института философии и права УрО РАН. Результаты диссертационного исследования были представлены на научных и научно-практических конференциях: VII Российский философский конгрессе «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» (Уфа, БашГУ, 6-10 октября 2015 г.), Всероссийская научная конференция «Политика национальной памяти: теория, практика, дискурс, посвященная 75-летию Великой Победы» (Екатеринбург, ИФиП УрО РАН, 7 октября 2020 г.), XIII Международная научно-практическая конференция «Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт» (Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 10-14 июня 2022 г.), Международная научно-практическая конференция «Дискурс

современных массмедиа: в перспективе теории, социальной практики и образования» (Белгород, НИУ «БелГУ», 5-7 октября 2022 г.), «II-ая Всероссийская научно-практическая конференция «Культура и природа политической власти: теория и практика» (Екатеринбург, ФГБОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», 14 апреля 2023 г.), «Международная научно-практическая конференция «Дискурсология и медиакритика средств массовой информации» (Белгород, НИУ «БелГУ», 5-7 октября 2023 г.), Международная научно-практическая конференция «Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования» (Белгород, НИУ «БелГУ», 7-9 октября 2024 г.).

Перечень публикаций автора.

Статьи в изданиях, рекомендованных Ученым советом Академии:

1. Фурсов К.К. Современные массмедиа о событиях Второй мировой войны: структурный анализ дискурса вражды // Дискурс-Пи. 2020. № 3(40). С. 74–87;
2. Фурсов К.К. Медиадискурс Евромайдана: споры об уроках // Дискурс-Пи. 2022. № 1(19). С. 165-174.
3. Фурсов К.К. Влияние политического медиадискурса вражды на освещение Специальной военной операции // Дискурс-Пи. 2024. № 2 (21). С. 171-188.

Иные работы автора:

4. Фурсов К.К. Категория вражды в политических исследованиях: дискурсивный аспект // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса. – Т. 2. 2015. С. 353-354;
5. Фурсов К.К. Дискурс вражды: понятие и современные практики // Дискурс-Пи. 2015. № 1(18). С. 25-30;
6. Фурсов К.К. Проявление дискурса вражды в жанре автобиографии в рамках процесса вертикальной политической мобильности // Дискурс-Пи. 2015. № 2(19). С. 47-52;

7. Фурсов К.К. Субъекты политического «дискурса вражды» в пространстве массмедиа // Дискурс-Пи. 2017. № 2(27). С. 146-153;
8. Фурсов К.К. «Дискурс вражды» массмедиа: современные тенденции // Новая наука: опыт, традиции, инновации. Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции. 2017. №5-2. С. 23-27;
9. Фурсов К.К. Дискурс вражды массмедиа: процесс формирования и структура теории // Социум и власть. 2018. № 5(73). С. 46-56;
10. Фурсов К.К. Коммуникативная трансформация политического медиадискурса вражды // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: сборник научных трудов XIII Международно-практической научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 43-48;
11. Фурсов К.К. Политический медиадискурс вражды информационной провокации в Буче 2022 года: структурно-коммуникативный подход // Современный дискурс-анализ. 2022. № 2(30). С. 104-111;
12. Фурсов К.К. Инструментальный подход при анализе политического медиадискурса вражды на примере военно-политического конфликта на Украине // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023. С. 434-439;
13. Фурсов К.К. Сравнительный анализ российского и американского политического медиадискурса вражды по освещению битвы за Соледар в рамках инструментального и структурно-коммуникативного подхода // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сборник статей IV Международной научно-практической конференции, 5–7 октября 2023 г. / под ред. А.В. Полонского. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2023. С. 139-146.

Структура диссертации

Настоящая диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включает 9 таблиц и 11 рисунков. Первая

глава состоит из 3 параграфов. Вторая глава состоит из 4 параграфов. Библиографический список включает 281 наименование (112 англоязычных источников). Общий объём работы составляет 245 страницы.

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА ВРАЖДЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

1.1 Дискурс вражды: понятие, основные теории

Прежде всего, необходимо дать определение понятию «политический медиадискурс вражды». Отметим, что в основе его формирования лежат, как минимум, три смыслообразующие линии. Первая – это линия обозначения конфликтного характера данного дискурса, который представлен посредством таких теоретических концептов как: «язык вражды», «образ врага», дискурс ингрупп и аутгрупп, интолерантный и агонального дискурс. Другая смысловая линия связана с внутренним механизмом политического медиадискурса вражды, как инструмента информационного противоборства. Внутренняя структура медиадискурса раскрывается при помощи использования структурно-коммуникативного подхода. Отдельное внимание уделяется применению манипулятивных технологий, как инструментам информационной войны.

Появление понятия «политического медиадискурса вражды» стало возможным в силу нескольких причин:

1. Вторая половина XX века стала временем роста влияния массмедиа на общественную и политическую сферу. Обозначилось увеличение влияния медийных продуктов на массовое сознание, который отразился на медиатизации политической сферы.

2. В науке на этих основаниях возникла потребность в изучении систем коммуникации. В 1960-1970-е годы появилось новое направление гуманитарных исследований – дискурс-анализ. Он показал процесс создания и восприятия

текста. Текст стал единственно признаваемой реальностью участников политической коммуникации. Постепенно с развитием мультимодальной коммуникации текст стал одной из форм коммуникации вместе с наглядными и интерактивными формами.

3. Получила развитие теория конфликта. Широкое распространение в области политической коммуникации получило понятие информационной войны. Оно служило для того, чтобы объяснить осуществление политической борьбы в сфере массмедиа и коммуникации.

4. За последние двадцать лет в данной сфере исследований накопилось большое количество понятий и теорий, которые описывают информационное противоборство между политическими субъектами: «язык вражды», «образ врага», дискурс ингрупп и аутгрупп, интолерантный, агональный дискурс. В основе этих понятий лежит принцип «свой» – «чужой», они обладают сходными чертами.

На основе этих условий могло появиться понятие «политического медиадискурса вражды». Для того чтобы дать определение ему, описать его черты и функции, потребуется осуществить разбор и критический анализ уже сформированных понятий агрессивной политической коммуникации. Концепты «языка вражды», «образа врага», дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса будут рассматриваться в хронологическом порядке появления в российской коммуникативистике.

Первым в отечественной науке появилось понятие «языка вражды». Оно стало возможно благодаря коммуникативным исследованиям американских учёных М. Митсуды (1993) и М. Клэя (1997). Они первыми сформулировали понятие «hate speech» (язык вражды). Заимствованное понятие в отечественной науке превратилось в теоретический концепт. Ему посвятили свои работы такие авторы, как А. В. Гладилин, А. В. Евстафьева, Г. Кожевникова, О. С. Коробкова, Е. П. Соколова.

Определение понятия «языка вражды» является близким у различных авторов. У А. В. Евстафьевой язык вражды понимается, как негативистская,

оценочная лексика к этническим, религиозным, половым особенностям личности или убеждениям человека³⁴. Примерно также его понимает Е. П. Соколова. Это словесная дискриминация, речевая агрессия к различным социальным и этническим группам³⁵. О.С. Коробкова определяет «язык вражды» в качестве лингвистического выражения интолерантности или проявления социального неравенства³⁶. А. В. Гладилин считает под «языком вражды» выражение ненависти к определённой группе, провоцирующей насилие³⁷. Концепт «языка вражды» опирался, прежде всего, на устойчивые коммуникативные конструкции. Это проявляется в модели «адресат-адресант». Используются языковые формулы в виде «мы враждуем с вами». Используются различные коммуникативные стратегии, которые показывают направленность «языка вражды». Он связан с дискурс-анализом публикаций массмедиа. Их целью являлось создание, тиражирование и поддержание «образа врага» в общественном сознании. Ответственность за распространение языка возлагалась на массмедиа. «Установление общественного согласия возможно только в случае осознания журналистами ответственности за каждое слово. В современной отечественной прессе, напротив, наблюдается тенденция вольной интерпретации фактов»³⁸. Основой публикаций являлись сообщения об этнических и религиозных группах. Для обозначения языка используется термин этнофолиз – иронически-пренебрежительная, уничижительная, презрительная и бранная лексика³⁹. В рамках анализа сообщений «языка вражды» применяются качественные и количественные методики дискурс-анализа. «Язык вражды» ставит своей целью дискриминацию различных социальных групп, отказ им в

³⁴Евстафьева А.В. Адресант и адресат «языка вражды» в текстах средств массовой информации // Вестник ТюмГУ. – 2008 – №1. – С. 125-133.

³⁵Соколова Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2010. – №4 – С. 274-280.

³⁶Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия филология. – 2011. – №111. – С. 200-205.

³⁷Гладилин А.В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа // Вестник Челябинского Государственного Университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 21(312) – С. 144-153.

³⁸Цит. по: Соколова Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2010. – №4 – С. 276.

³⁹Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия филология. – 2011. – №111. – С. 201.

праве на человеческий статус. Различные авторы отмечают, что концепт «языка вражды» стал возможен благодаря использованию технологий манипулирования.

К преимуществам данных работ можно отнести базовые характеристики речевой агрессии в политической сфере: массмедиа считались субъектом «языка вражды», использовалась модель коммуникации «адресант-адресат» и принцип «свой» – «чужой» для противопоставления политических сторон, применялся количественный критерий оценки данного языка. Недостатком данного концепта является многочисленность критериев языка вражды. Различные авторы предлагают многочисленные виды языка вражды, которые вступают с собой в противоречия. Анализ сообщений в основном представлял сообщения в газетах и видео на телевидении.

«Язык вражды» появился для того, чтобы дать юридическую оценку высказываниям людей и политиков в медиа через лингвистический анализ в экспертной среде. Поэтому особое внимание уделялось работе с текстом и поиску оскорблений в источниках массмедиа. Внимание к психологическим эффектам от оскорблений должен был показать последствия «языка вражды» во время судебных заседаний. Поэтому для «языка вражды» применялись исключительно лингвистические и психологические методы.

В России чаще всего «язык вражды» использовался в медиасообщениях, описывавших этнические группы. Наличие оскорбительной лексики приводило к моральному осуждению массмедиа. Концепт «языка вражды» показал проблему его использования разными авторами. Причины «языка вражды» виделись в психологической защите индивида, находящегося в стрессовой ситуации или в состоянии фрустрации. Расширение оскорбительной лексики стало возможным благодаря появлению интернет-коммуникации. Исследователи не смогли прийти к однозначному выводу о том, что делать с данными словами: сохранить свободу слова в массмедиа или законодательно запретить использование «языка вражды». Преодолеть такую агрессивную

коммуникацию могло только государство через воспитание собственных граждан⁴⁰.

Проблемой «языка вражды» являлась также концентрация внимания на сообщениях массмедиа в виде агрессивной лексики и стереотипов. Не учитывались условия того, что массмедиа – это только инструмент распространения «языка вражды» социальными и политическими субъектами. Поэтому чаще всего исследователи приходили к моральному обвинению массмедиа в возбуждении вражды⁴¹.

Дальнейшее описание отношений политического противоборства было связано с концептом «образа врага», получившее распространение после публикации работы И. Ноймана «Использование другого»⁴². Основой концепта «образа врага» является антитеза «свои» – «чужие», в основе которой лежит принцип инаковости и чужеродности. Модель «образа врага» имеет несколько положений. Образ врага конструируется массмедиа. Происходит концентрация на описании субъектов враждебных отношений – политиков и государств. Функциями «образа врага» являются мобилизация общества на борьбу с врагом, перевод внимания с внутренних проблем на внешние, затягивание решения внутренних проблем и политических реформ⁴³. Используются мифологические стереотипные представления массового сознания. Посредством языковых средств формируются границы образов идентичностей ингрупп и аутгрупп.

Проблематике «образа врага» уделяется значительное внимание в работах Д. А. Денисова⁴⁴, И. Ноймана⁴⁵, Л. П. Репина⁴⁶, А. С. Сенявского,

⁴⁰Евстафьева А.В. Адресант и адресат «языка вражды» в текстах средств массовой информации // Вестник ТюмГУ. – 2008 – №1. – С. 125-133.

⁴¹Автаева Н.О. Язык вражды в современных СМИ: гендерный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 811–813.

⁴²Neumann I. B. Uses of the other: «the East» in European identity formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

⁴³Двойненко М.О. Функции образа врага в массмедийном политическом дискурсе // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023. – С. 34-39.

⁴⁴Денисов Д.А. Идентификация образа врага в политической коммуникации. // Вестник РРГУ. – 2009. – №1. – С. 113-129.

⁴⁵Там же.

⁴⁶Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. – М., 2012. Вып. 39. – С. 9-19.

Е. С. Сенявской⁴⁷, М. А. Фадеичевой⁴⁸, С. Акопова и Е. Прошиной⁴⁹, Е. С. Храбровой⁵⁰. И. Нойман рассматривает «образ другого» с позиции нескольких подходов. К таким подходам относятся этнографический, психологический подходы, подход континентальной философии и «восточного экскурса». Этнографический подход рассматривал отношения идентичности «я» и «другого», маркеры границ между различными этносами. Психологический подход подразумевал отношения в рамках групповой психологии ингрупп и аутгрупп. Подход континентальной философии определяется марксистской диалектикой и диалогическим подходом М. Бахтина к идентичностям «я» и «другого». К «восточному экскурсу» можно отнести переработку работ Г. Зиммеля, К. Шмитта, Ф. Ницше. В этих работах обозначение «другого» совмещается с принципом «чужого» и врага, а также дискурсивным подходом, выработанным М. Фуко⁵¹. Анализируя различные работы, И. Нойман сосредоточился на национальной идентичности. К таким же выводам в «образе другого» приходит Л. П. Репина. Она сосредотачивается на национальном характере и стереотипах, которые формируют установку на эмоционально-ценностное восприятие «другого» и «врага»⁵².

Существенной работой по описанию «образа врага» можно назвать идентификацию Д. А. Денисовым этого образа в коммуникации⁵³. Он выделил 12 существенных признаков «образа врага»: 1) наличие оппозиции «мы» – «они»; 2) акцентирование отличий через стереотипы и дегуманизацию; 3)

⁴⁷Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2006. – № 2 (6). – С. 54-72.

⁴⁸Фадеичева М.А. Экзистенциальные основания языка вражды / М.А. Фадеичева // Дискурс-Пи. – 2015. – № 1(18) – С. 20-24

⁴⁹Акопов С., Прошина Е. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далёких местных» // Власть. – 2011. – № 1. – С. 89-92.

⁵⁰Храброва Е.С. Способы моделирования образа героя и образа врага в английском политическом дискурсе (на материале политических выступлений 1939-1945 гг.)// Austrian journal of humanities and social sciences. – № 9-10. – С. 60-63.

⁵¹Neumann I. B. Uses of the other: «the East» in European identity formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

⁵²Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. – М., 2012. Вып. 39. – С. 9-19.

⁵³Денисов Д.А. Идентификация образа врага в политической коммуникации. // Вестник РРГУ. – 2009. – №1. – С. 121.

деструктивная принадлежность злу; 4) угроза; 5) возложение вины на врага за негативные аспекты прошлого; 6) ложность идеологии, верований и целей врага; 7) противопоставление образу героя; 8) наличие жертвы врага; 9) сюжет предательства через агентов врага; 10) персонифицированный образ агентов врага; 11) негативные эмоции страха, ненависти, гнева; 12) сила врага в деструктивной деятельности и возможности нести угрозу.

Отдельно стоит отметить работу тематического анализа «образа врага» в отечественной и зарубежной истории в работе Л. Гудкова «Образ врага». В своей работе он сделал акцент на том, что причиной войны становится борьба с врагом. Враги делятся на мифологизированного внешнего врага и опасного внутреннего врага⁵⁴.

Для концепта «образа врага» важно внимание восприятие аудитории. Поэтому исследователи изучают стереотипы и установки массового сознания об образах коллективных идентичностей – национальных групп и стран. Одним из недостатков модели является историческая детерминация, не учитывающая современную специфику меняющегося образа. Для концепта «образа врага» понятие врага объективная данность, а образ – это отражение аксиологических и эстетических элементов мироощущения политического субъекта. Функция манипулирования мнением аудитории ограничивается смещением внимания на противостояние с врагом. В результате, описанию самих образов внешнего врага уделяется недостаточно внимания.

В 1990-е – начале 2000-х годов новацией в исследовании вражды стал дискурсивный подход. В зарубежной науке Т. А. ван Дейк оказался первым, кто обозначал политическую борьбу национальных групп с помощью дискурс-анализа. В российской политической науке теория дискурса ингрупп и аутгрупп получила распространение уже при наличии концепций «языка вражды» и «образа врага». Существенный вклад в её разработку внесли разные российские

⁵⁴Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурный интеграции / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. // Образ врага. 2005. – С. 27.

исследователи, наиболее важной оказалась работа А. В. Шипилова⁵⁵. В основе концепта дискурса ингрупп и аутгрупп лежат следующие элементы: существование коллективной идентичности нескольких групп, враждебное отношение между ними, использование массмедиа.

Т. А. ван Дейк внёс существенный вклад в разработку данной концепции⁵⁶. Он уделил внимание изучению дискурсу расизма. В нём отличия между ингруппой (наших) и аутгруппой (других) были основаны на коммуникативных стратегиях противопоставления – восхвалении ингруппы и принижении аутгруппы. Положительная самопрезентация использовала семантические и риторические стратегии. Негативная презентация аутгруппы достигалась через аргументацию и конкретные истории из личного опыта людей для поддержки новостей.

Т. А. ван Дейк обратил также внимание на лингвистические особенности дискурса ингрупп и аутгрупп. Голландский исследователь для дополнения дискурса расизма привёл пример из книги Д. Суза «Конец расизма»⁵⁷. Стратегии расистского дискурса выражаются через риторические средства гипербол и метафор, преувеличение социальных проблем в терминах болезни. Также делается акцент на контрасте цивилизованных людей и варваров. Аргументируется ущербность чёрной культуры отрицанием негативных черт белой культуры (расизм), риторически преуменьшаются её преступления, происходит превращения колониализма и рабства в эвфемизм. Делается семантическое смещение объекта обвинения (обвинение жертвы). Используются такие тактики, как поляризация, дискурсивное закрепление и воспроизведение принижения, демонизация, исключение «других» из нашего сообщества цивилизованных.

Развитие концепта дискурса ингрупп и аутгрупп привело к тому, что основной областью исследований вражды стала идентичность расовых групп,

⁵⁵Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 568 с.

⁵⁶Дейк ван, Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

⁵⁷Там же. С. 120-125.

основным методом анализа стал критический дискурс-анализ. При этом дискурс-анализ ингрупп и аутгрупп предполагает обращение внимания на изучение коммуникативных стратегий, связанных с формированием образа врага. Модель дискурса ингрупп и аутгрупп является структурно проработанной. Описываются жанры дискурса расизма, коммуникативные стратегии, риторические средства. Исследователи впервые стали обращать внимание на заголовки публикаций. Среди субъектов медиадискурса расизма были обозначены государство, глобальные корпорации, символические элиты. Важным можно считать вывод о том, что дискурс расизма, который использует модель «свой» – «чужой», ведёт к дискриминации национальных групп. Стоит заметить, что в работе Т. А. ван Дейка присутствует ряд недостатков. Дискурс понимается узко, как определённое коммуникативное событие, выраженное в форме устного и письменного сообщения. Данное определение выводит понимание дискурса, как философии, идеологии, социального движения, типа дискурса или класса дискурсивных жанров. Использование парадигмы критического дискурс-анализа показывает, что целью исследования любого автора является этический аспект – критика власти и массмедиа за дискриминацию национальных групп. Модель дискурс-анализа Т. А. ван Дейка из-за детальной проработанности оказывается сложной для исследователя.

Ещё одним концептом, описывающим отношения политической борьбы, стал интолерантный дискурс. Начало исследования понятия толерантности началось в 1995 году. Интолерантность выступает противоположностью понятия толерантности. Интолерантность связана с концептом «языка вражды» из-за выделения количественных параметров анализа публикаций массмедиа. В процессе трансформации модели происходит постепенный переход от «языка вражды» к интолерантному дискурсу.

Проблеме интолерантности посвятили работы Э. Понарин, Д. Дубовский, А. Толкачёва, Р. Акифьева⁵⁸, И. В. Коноваленко⁵⁹. Согласно данным авторам, методология анализа интолерантного дискурса состоит из нескольких этапов. Первый этап включает проблему определения того, кто входит в аутгруппу. Так происходит самоидентификация аутгруппы. На втором этапе выясняется система представлений об аутгруппе, определяются стратегии отношения к ней, способы взаимодействия с аутгруппой через призму интолерантности. В рамках такой методики интолерантность определяется как неравноправие ингруппы и аутгруппы. На третьем этапе происходит оценка риторики интолерантности по таким критериям как наличие угроз насилия, моментов дискриминации, присутствие сниженной лексики и др.⁶⁰. В некоторых случаях интолерантность определяется как агрессивное речевое поведение.

В целом ряде работ под интолерантным дискурсом подразумевается конфликтный дискурс, связанный с применением в массмедиа агрессивных стратегий. Е. Ю. Кольцова и Е. Е. Таратута понимают под интолерантностью учёт исключительно только собственных интересов, проявления нетерпимости и борьбу с применением насильственных методов с иными точками зрения⁶¹. Интолерантность можно выявить с помощью смысловых индикаторов. Признаком интолерантного дискурса является поляризованное иерархическое деление, которое включает положительные и отрицательные характеристики группы. Также к интолерантному дискурсу относятся побудительные конструкции – призывы к насилию и т.п. Интолерантный дискурс использует описание ингрупп и аутгрупп, ингруппа выступает в качестве эталона, аутгруппа описывается с позиции отклонения от нормы. Лексические и синтаксические маркеры могут быть дополнительными указателями интолерантного дискурса.

⁵⁸Понарин Э., Дубовский Д., Толкачёва А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы / А. Верховский // Язык вражды против общества (сб. статей). – 2007. – С. 72-106.

⁵⁹Коноваленко И.В. Интолерантная языковая личность [Текст] / И. В. Коноваленко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 35-38.

⁶⁰Понарин Э., Дубовский Д., Толкачёва А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы / А. Верховский // Язык вражды против общества (сб. статей). – 2007. – С. 72-106.

⁶¹Кольцова Е.Ю., Таратута Е.Е. Измерение толерантности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – №4. – С. 113-129.

Таковыми характеристиками являются отсутствие или минимальное присутствие вероятностной модальности («возможно», «скорее всего»), уступительных конструкций («хотя», «тем не менее», «несмотря на то, что...»). Многочисленны обличительные и разоблачительные конструкции: «якобы», «дескать», кавычки. Частым является использование категоричных суждений без оговорок. Используются собирательные существительные и метонимии для аутгруппы, глаголы конкуренции, войны, борьбы. Применяется экспрессивная метафора. Часто используется оскорбительная лексика, нейтральным словам придаётся негативная коннотация.

Достоинством интолерантного дискурса является возможность проверки используемых слов и языковых средств. Концепция концентрируется на национальных идентичностях. Главным становится описание идентичности «чужих» через агрессивные формы: оскорбления, призывы к насилию, дискриминацию. Интолерантный дискурс не может объяснить, как вражда может выражаться в завуалированной форме. Содержательная сторона интолерантного дискурса является главной, учитывается в лингвистических и синтаксических составляющих. Такой подход игнорирует контекст, в который включено политическое противоборство сторон интолерантного дискурса.

А. А. Романов и А. П. Костяев вводят понятие агрессивного дискурса. В него входят эмоциональные дискурсивные практики, которые осуществляют изменение модели окружающей действительности. Они приводят к дискомфортной трансформации системы личностных смыслов участников общения. Агрессивный дискурс концентрируется на эмоциональной стороне коммуникации. При эмоциональном заряде участники общения не могут получать конструктивные знания. Распознать агрессивный дискурс можно с помощью конфликтогенных маркеров – инвективов и угроз. Причиной использования конфликтогенных маркеров является лексическая и грамматическая многозначность, вариативность, омонимия, отсутствие естественной связи между означающим и означаемым, негативная оценка, номинация собеседника без использования его имени. Были выделены функции

инвектива: информативная, коммуникативная, экспрессивная, эвокативная, номинативная, директивная, фатическая, суггестивная, инструментальная. Узость рассмотрения агрессивного дискурса автором заключалась в том, что учитывались только психологические аспекты коммуникации в формате профессионального вербального общения⁶².

Другим концептом, близким к политическому медиадискурсу вражды, является агональный дискурс. Он использует такие понятия, как противостояние, противник, агрессия, насилие. В работе Е. И. Шейгал и В. В. Дешёва «Агональность в коммуникации: структура понятия» системно описывается понятие агонального дискурса, даётся его определение и классификация⁶³. Дискурс агональности предполагает активное противостояние и деятельность сторон, присутствие эмоций и амбиций участников, театральность представления, применение агрессии и насилия. Обращает внимание также результат реализации агональности: победа, поражение, компромисс. Дискурс агональности делится на конфронтативный, дискуссионный, игровой. Коммуникативной интенцией конфронтативного дискурса агональности выступает «фатическая» интенция – выброс негативных эмоций, эмоциональная разрядка, «выяснение отношений». Она также предполагает публичный скандал – нанесение ущерба сопернику, понижение его статуса. При общении проявляются признаки вербальной агрессии. Коммуникативной интенцией дискурса дискуссионной агональности является достижение истины в споре. Победа в споре воспринимается как торжество истины. К такому типу относятся парламентские и президентские дебаты, судебные споры. Коммуникативной интенцией дискурса игровой агональности является развлекательность.

В статье О. Ф. Русаковой и В. М. Русакова «Агональный дискурс в современной политике памяти» отмечается, что агональный дискурс проявляет

⁶²Костяев А.П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2010. – №19. – С. 101-109.

⁶³Шейгал Е.И., Дешёва В.В. Агональность в коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 36. – 2009. – № 34(172). – С. 145-148.

себя интенсивно во время ведения идеологических и информационных войн, перерастает в дискурс вражды. По мнению авторов агональный дискурс выступает эффективным инструментом информационно-психологического противоборства Запада и России⁶⁴. О. А. Байша в своей монографии использовала понятие «агональный дискурс» для того, чтобы показать эффективность его влияния на общественное сознание в ходе революции Евромайдана 2013-2014 годов⁶⁵. Для описания событий в Украине автор взял концепты агонального и антагонистического дискурсов. Если агональный дискурс существует между соперниками, то антагонистический дискурс – между врагами. В агональном дискурсе возможна стратегия мира, в антагонистическом дискурсе возможны только война и насилие. В агональном дискурсе существуют альтернативные смыслы, в антагонистическом дискурсе происходит жёсткое замыкание границ дискурсивных цепочек смыслов, альтернатива невозможна.

Агональный дискурс оказывается достаточно широким концептом для политического медиадискурса вражды. Он может включать, как описание агрессивных форм политической борьбы с применением насилия и дискриминации врага, так и более миролюбивых – споров и диалога. Формат зависит от того, кем являются стороны противостояния – противниками или врагами. Для политического медиадискурса вражды в данной вопросе заключена главная проблема – противостояние между какими категориями можно относить к враждебным. Категории «других», «чужих», врагов являются внешними по отношению к собственной группе. Они насыщаются разными образами и психологическими эффектами. К этим категориям по-разному применяются приёмы оскорбления, дискриминации, возможности применения насилия. Агональный дискурс допускает возможности разных степеней агрессивности к противнику. Стоит обратить внимание на то, что агональный дискурс предполагает, что политическое противостояние будет иметь результат, но чаще

⁶⁴Русакова О.Ф., Русаков В.М. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. – 2015. – №1(18). – С. 10-11.

⁶⁵Байша О.А. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 183 с.

всего политический медиадискурс вражды – это продолжительный процесс, результат которого в момент борьбы не может быть зафиксирован. Также одной из проблем исследований агонального дискурса является игнорирование контекста борьбы, что может не до конца показывать условия и причины противостояния сторон.

Определенный вклад в изучение дискурса враждебности внесли В. А. Мишланов и В. А. Салимовский⁶⁶. В. А. Салимовский и Л. М. Ермакова выделили характеристики дискурса вражды: институциональные негативные речевые практики, обусловленные различными формами социальной организации, негативные стереотипы и предрассудки⁶⁷. М. А. Фадеичева в своей статье определила дискурс вражды как «специфический, проникнутый неприязнью и ненавистью способ означивания и интерпретации «чужого»⁶⁸. Данный дискурс рассматривается автором в контексте конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях. Основным в нынешнем исследовании стало понятие дискурса вражды потому, что оно позволило рассматривать различные формы агрессивной политической борьбы, как модели «свой» – «чужой» (противник, враг) в качестве конкретных эманаций данного понятия.

Развитие теоретических концептов, перекликающихся по смыслу с дискурсом вражды, позволяет выделить целый ряд его базовых характеристик, к которым мы относим следующие:

- 1) дихотомическая модель, лежащая в основе дискурса вражды, представлена оппозициями «Мы – Другие», «Свой – Иной»;
- 2) основой противостояния является фактор политических культур в виде национальных, религиозных групп, государств;

⁶⁶Цит. по: Мишланов В.А., Салимовский В.А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С.56–65.

⁶⁷Салимовский В.А., Ермакова Л.М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета / В.А. Салимовский, Л.М. Ермакова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3. – С. 71-80.

⁶⁸Фадеичева М.А. Экзистенциальные основания языка вражды / М.А. Фадеичева // Дискурс-Пи. – 2015. – № 1(18) – С. 20-24.

- 3) субъекты используют определённый набор коммуникативных стратегий (противопоставления, положительной презентации, дискриминации, дискредитации, дегуманизации);
- 4) каналом выражения дискурса становятся традиционные и новые медиа (газеты, телевидение, радио, интернет-ресурсы);
- 5) средством выражения дискурса вражды становятся лингвистические элементы – лексика и стилистические средства (оскорбления и призывы к насилию);
- 6) психологическим эффектом дискурса вражды становятся эмоции страха, гнева и ненависти;
- 7) манипулятивные технологии использования стереотипов и предрассудков направлены на массовое сознание аудитории.

Среди разных теоретических исследований замечен важный пробел. Не уделяется внимание манипулятивным технологиям как инструменту информационного противоборства. Из технологий описывается использование ярлыков и стереотипов. Также манипулятивные технологии раскрываются в рамках концепции информационной войны. Манипулятивных технологий большое количество, требуется их детальное описание и применение в политическом медиадискурсе вражды.

Парадигма политического медиадискурса получила разработку в исследованиях Т. А. ван Дейка⁶⁹, М. МакДональда⁷⁰, Д. Матисона⁷¹, Я. Ставракакиса⁷², Я. Торфинга⁷³, Н. Фэркло⁷⁴, Д. Ховарда,

⁶⁹Дейк Т.А. ван Дискурс и власть: Репрезентации доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.

⁷⁰MacDonald M. Exploring Media Discourse. Oxford University Press. 2003. – 213 p.

⁷¹Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. – М.: Гуманитарный центр, 2013. – 264 с.

⁷²Ван ден Бринк Б. Парадигма признания в социальной философии // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: Общественные науки. – 2014. – № 2 (128). – С. 5-15.

Stavrakakis Y. Discourse and Affect: Conceptual and Political Dialectics in Theory and Empirical Analysis. - 59th PSA Annual Conference – Manchester, 2009. – P. 11. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.scribd.com/document/189199675/2009-Discourse-and-Affect> (дата обращения 13.10.2017г.).

⁷³Howarth D., Torfing J. Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance /Edited by David Howarth and Jacob Torfing. Palgrave. New York. Macmillan. Ltd 2005. 364 p.

⁷⁴Fairclough N. Media Discourse. – Edward Arnold. London. 1995. – 214 p.

Я. Торфинга⁷⁵, П. Чилтона, К. Шаффнер⁷⁶, а также в работах целого ряда отечественных исследователей – А. Н. Баранова⁷⁷, С. В. Володенкова⁷⁸, М. В. Гавриловой⁷⁹, М. В. Гречихина⁸⁰, Е. Г. Грибовод⁸¹, Т. Г. Добросклонской⁸², Т. В. Дубровской⁸³, Е. Г. Дьяковой⁸⁴, М. В. Ильина⁸⁵, В. И. Карасика⁸⁶, К. В. Киуру⁸⁷, Е. А. Кожемякина⁸⁸, А. Г. Пастухова⁸⁹, О. Ф. Русаковой⁹⁰, Л. Н. Тимофеевой⁹¹, А. Д. Трахтенберг⁹², А. И. Черных⁹³,

⁷⁵Howarth D., Torfing J. Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance /Edited by David Howarth and Jacob Torfing. Palgrave. New York. Macmillan. Ltd 2005. 364 p.

⁷⁶Chilton P., Scaffer C. Politics as Text and Talk: analytic approach to political discourse. – John Benjamins Publishing Company. Amsterdam/Philadelphia. 2002 – 245 p.

⁷⁷Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 64 с.;

⁷⁸Володенков С.В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием / С.В. Володенков // Вестник Московского университета. – 2012. – №5. – С. 89-103.

⁷⁹Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. – СПб: СПбГУ, 2002. Вып. 3. – С. 88-108.

⁸⁰Гречихин М.В. Современный русский медиадискурс: язык интолерантности: на материале языка российских СМИ: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Белгород. – 2008. – 21 с.

⁸¹Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики. Научный Ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2014. - №14(4). – С. 65–77.

⁸²Добросклонская, Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2006. №2. С. 20-33.

⁸³Дубровская, Т.В. (Ред.) Политический. Юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 248 с.

⁸⁴Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 299 с.; Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Повестка дня и информационное общество: социологические очерки. – М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. – 142 с.

⁸⁵Ильин М.В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа // Дискурс-Пи. – 2015. – №1(18). – С. 43–47.

⁸⁶Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград; Перемена, 2002. – 477 с.

⁸⁷Киуру К.В. Современные дискурсивные практики в новых медиа: проблема жанрообразования // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II международная научно-практическая конференция: сборник научных работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород»; НИУ «БелГУ», 2016. – С. 42-46.

⁸⁸Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 12(83). Выпуск 6. – С. 13-21.

⁸⁹Пастухов А.Г. (Ред.). Дискурсы власти. Орел: ООО «Горизонт». 2015. – 379 с.

⁹⁰Русакова О.Ф. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. – 2015. – №1(18). – С. 10-19.; Русакова О.Ф. Дискурс-анализ публичных коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 187-204.; Русакова О.Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 90-130.; Русакова О.Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика» // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманит. науки. Вып. 20, – № 27. – 2013. – С. 150-160.

⁹¹Тимофеева Л.Н. (ред.) Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: Рос. ассоциация полит. науки (РАПН); Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 2012. – 327 с.; Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 41-54.

⁹²Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Повестка дня и информационное общество: социологические очерки. – М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. – 142 с.

⁹³Черных А.И. Медиа и демократия. – М.; СПб.: Университет. кн. 2011. – 272 с.

Ю. Г. Чернышовой⁹⁴, А. П. Чудинова⁹⁵ и др. Широкое распространение получает представление о конкурентном характере политического медиадискурса, которому присуще стремление к занятию доминирующей позиции при обозначении объектов и явлений реальности. В том случае, когда в фокусе внимания оказываются информационные войны, под политическим медиадискурсом подразумевают «конкурирующие между собой способы интерпретаций событий в медиаисточниках»⁹⁶. Важно, что транслируемые посредством политического медиадискурса виртуальные образы реальности, часто оказываются более значимыми в восприятии широких масс, чем рациональные способы осмысления действительности.

Процесс медиатизации и цифровизации политической сферы привел к появлению понятия политический медиадискурс. На данном этапе стоит потребность в содержательном раскрытии его разновидности, как политического медиадискурса вражды. Политический медиадискурс представляет собой властный ресурс, функционирующий в медийно-коммуникативной среде и производящий виртуальную политическую продукцию.

Политический медиадискурс вражды является инструментом политических элит. Внимание на инструментальный подход к политике обратил О. Н. Басов⁹⁷. Под инструментальным подходом подразумевается выделение устойчивого преднамеренного действия или последовательности действий (тактики, стратегии) актора, направленного на внешнюю среду для ее изменения запланированным данным актором образом⁹⁸. Этот подход включает изучение целей политических субъектов, стратегии и тактики, используемых технологий,

⁹⁴Чернышёв Ю.Г. Медиатексты в коммуникативном пространстве политических блогов // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т., 2012. – С. 99-104.

⁹⁵Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 256 с.

⁹⁶Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Том 14. Выпуск 4. Екатеринбург, 2014. – С. 67.

⁹⁷Басов О.Н. Инструментальный подход к анализу политических процессов в контексте развития методов политической науки // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 48-60.

⁹⁸Цит. по: Басов О.Н. Инструментальный подход к анализу политических процессов в контексте развития методов политической науки // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 52.

эффективности их применения. Чёткое описание механизма и условий работы инструмента позволяет использовать его политиками, медиа, консультантами по определённой схеме без помощи интуиции. Знание о принципах работы политических инструментов даёт понимание политических действий аналитикам и экспертам, позволяет осуществлять соответствующую интерпретацию, вырабатывать новые инструменты и способы реагирования. Накапливающаяся база создаёт условия для выбора наиболее эффективных политических технологий, чтобы повысить продуктивность работы политических субъектов в информационной сфере.

Наша работа по исследованию политического медиадискурса вражды соответствует инструментальному подходу к политике. Она акцентирует внимание на целях политических элит США и Великобритании, инструментами становятся манипулятивные технологии в рамках коммуникативных стратегий дискредитации, демонизации России и дегуманизации российской армии. Возможность научного описания инструмента возможна только с помощью конкретных информационных кейсов, которыми оказались наполнены события военно-политического противостояния на Украине с 2014 года. Чтобы показать механизм работы политического медиадискурса вражды, требуется описание его ключевых принципов, структурных элементов и функций. Инструментальный подход также позволяет осуществлять анализ политических технологий на системной основе.

В понятии политического медиадискурса вражды стоит обратить внимание на такие концепты, как властный ресурс и виртуальная политическая реальность. Обычно под властным ресурсом понимают средства, которыми субъект политических отношений достигает поставленных целей. Все властные ресурсы представляют собой капитал. В их число входят административные, партийные, общественные, финансовые, информационные средства. Политический медиадискурс как коммуникационный капитал представляет собой искусство властвования при помощи знаковых систем и через установление такого режима

коммуникации, в ходе которого достигается согласие и понимание между её участниками⁹⁹.

Основным отличительным свойством политического медиадискурса выступает конструирование виртуальной политической реальности. Массмедиа становятся важнейшим инструментом целенаправленного конструирования политических порядков¹⁰⁰. С. Холл определял роль массмедиа, как обладание властью предписывать событиям такой смысл, интерпретируя их определённым образом и придавая данным интерпретациям статус общепризнанной правды. Продуктами конструируемого виртуального мира являются созданные политическими технологиями политические образы, пропагандистские штампы, утопические взгляды, мифологемы, стереотипы. Виртуальная реальность политического медиадискурса вражды заключается в формировании образов национальных и религиозных идентичностей, государств, политических лидеров. Спецификой данной реальности является опора на медиафакты – специально отобранные массмедиа факты из потока событий в целях медиатизации, имеющие предвзятый характер.

С разработкой понятия политический медиадискурс вражды связаны работы, в которых исследуются дискурсы политических конфликтов, а также проводится дискурс-анализ политических медиаэффектов с использованием технологии дегуманизации политических противников. К таковым относятся исследования Дж. Сурманда¹⁰¹, Э. Стейтера и Д. Уиллса и др.¹⁰².

На основании проанализированных близких к понятию вражды и теоретических подходов к политическому медиадискурсу, сформулируем

⁹⁹Русакова О.Ф., Спаский А.Е. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006. – С. 151-164.

¹⁰⁰Прилукова Е.Г. Политический мир как виртуальная реальность // Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. – 2007. – №24(96). – С. 83-84.; Левшенко Ю.И. Политический дискурс в СМИ и легитимация власти в контексте социально-политических изменений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №3-1(17). – С. 111-115.

¹⁰¹Suurmond J. (2019). Discourse Analysis and Conflict Studies. Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'.

¹⁰²Steuter E., Wills D. (2009). Discourses of dehumanization: Enemy construction and Canadian media complicity in the framing of the War on Terror. Global Media Journal: Canadian Edition, 2(2), 7-24.

определение нового понятия. **Политический медиадискурс вражды** – это властный ресурс по формированию виртуальной политической реальности в массовом сознании политических медиаобразов событий на основе дихотомической модели «свой» – «чужой» посредством использования манипулятивных технологий и экспрессивных риторических средств.

Важно при определении политического медиадискурса вражды подчеркнуть его соотношение с понятием пропаганда. Под ней понимается открытое целенаправленное распространение определенных идей и ценностей для формирования общественного мнения, определенных взглядов, эмоциональных состояний или иных целей, преследуемых пропагандистами¹⁰³. Пропаганда может быть позитивной и негативной¹⁰⁴. Политический медиадискурс вражды представляет собой деструктивную разновидность пропаганды, поскольку формирует крайне негативный, дегуманистический образ противостоящей стороны.

Стоит обратить внимание на отличие политического медиадискурса вражды от пропаганды. Оно заключается в особом внимании к конфликтным отношениям, источниками которых выступают разнообразные политические субъекты. Политический медиадискурс вражды может уступать пропаганде своими пространственно-временными масштабами, что может быть, в частности, связано с ограниченными сроками и локациями проведения информационных кампаний, отсутствием требований к тотальному заполнению враждебным дискурсом политического медиапространства. Также политический медиадискурс вражды может обходиться без идеологии. Спецификой среды политического медиадискурса вражды выступает диверсификация адресатов, когда активные пользователи самостоятельно формируют своё информационное пространство¹⁰⁵.

¹⁰³Иванов А.А. Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения: учеб.-метод. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2017. – 72 с.

¹⁰⁴Кареева С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: теоретический аспект // Вестник НГЭУЭ. – 2020. – № 4. – С. 212-229.

¹⁰⁵Мозолин А.В. Современная пропаганда как методологическая проблема / А. В. Мозолин // PR-Универсум: материалы I межрегион. науч.-практ. конф. Томск, 2004. – С. 37-47.

Таким образом, можно сказать, что понятие политического медиадискурса имеет право на существование. Оно стало возможным благодаря уже существовавшим концептам «языка вражды», образа врага, дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Под политическим медиадискурсом вражды подразумевается властный ресурс по формированию виртуальной политической реальности в массовом сознании политических медиаобразов событий на основе дихотомической модели «свой» – «чужой» посредством использования манипулятивных технологий и экспрессивных риторических средств. Этот властный ресурс становится коммуникативным капиталом, который является искусством властвования при помощи знаковых систем, открывающих доступ к административным, партийным, общественным, финансовым, информационным средствам. Смысл и содержание виртуальной политической реальности определяет коммуникативный посредник – массмедиа. Политический медиадискурс вражды является инструментом политических субъектов, механизм которого раскрывается на уровне структурных элементов и функций. Описание этого инструмента возможно только на конкретных кейсах информационного противоборства.

1.2. Особенности структурно-коммуникативного подхода к изучению политического медиадискурса вражды

Массмедиа являются участниками информационного противоборства политических субъектов, обладают способностью проектировать и форматировать массовое сознание, конструировать виртуальную политическую реальность. Исследование структуры политического медиадискурса вражды позволяет сформулировать принципы работы и механизм функционирования

данного инструмента как сложной коммуникативной системы. Эти знания позволяют интерпретировать цели и действия политических субъектов. В рамках обеспечения информационной безопасности появляется возможность применять обозначенные технологии на практике по правилам и выработать противоборство им. Выделение элементов политического медиадискурса вражды позволяет показать, каким образом формируется объективная реальность, как соотносятся политические и лингвистические цели политических субъектов, какова их эффективность.

При изучении политического медиадискурса обычно выделяют три теоретико-методологических подхода к его исследованию: кратологический, структурно-коммуникативный и медиатехнологический¹⁰⁶. Кратологический подход рассматривает политический медиадискурс, как властный ресурс. Здесь акцент делается на информационном противоборстве политических субъектов, смысловом содержании политики в виде идеологии. Структурно-коммуникативный подход рассматривает политический дискурс в виде коммуникативных планов: интенционального, актуального, виртуального, контекстуального, психологического, осадочного. Данный подход нужен для осуществления методов дискурс-анализа, совершенствования старых и выработке новых методик. Медиатехнологический подход отвечает на вопрос, какие приёмы и медиатехнологии применяются производителями политического дискурса. Подходы к анализу политического медиадискурса являются взаимопроникающими, сами медиадискурсы могут содержать внутри своей структуры элементы различных подходов.

Задача структурно-коммуникативного подхода состоит в выявлении структурных элементов политического медиадискурса, рассматриваемого в качестве модели медиатизированной коммуникативной системы, устанавливающей функциональную взаимосвязь между адресантом и адресатом.

¹⁰⁶Русакова О.Ф., Курильченко С.С. Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа // Дискурс-Пи. – 2019. – № 4 (37). – С. 28–48.

Согласно структурно-коммуникативному подходу, каждый политический медиадискурс выступает носителем следующих функций:

- 1) функции коммуникативной стратегии и интерактивной интенции;
- 2) функция репрезентации идей, образов, смыслов, ценностных ориентаций;
- 3) функция реализации ментальных трансформаций адресата;
- 4) функция эмоционально-энергетического заражения адресной аудитории посредством применения в массмедиа, определенных манипулятивных технологий;
- 5) функция сохранения и закрепления в медиaprостранстве «следов» ответной реакции (обратной связи), направленная на воспроизводство тех или иных эффектов от воздействия политического медиадискурса (стереотипные схемы, фобии, травмы и проч.)¹⁰⁷.

Одним из важных элементов политического медиадискурса вражды является его субъект выражения и использования. Вопрос о субъекте дискурса – это вопрос авторства дискурса и его воплощения в реальность, кто влияет на его производство и распространение в медиaprостранстве. Проблема субъектности дискурса зависит от теоретических подходов в этой области науки. В рамках парадигмы структурализма и постструктурализма Л. Альтюссера¹⁰⁸, М. Фуко¹⁰⁹, М. Пешё¹¹⁰, Р. Барта¹¹¹, Ю. Кристевой¹¹², Ж. Лакана¹¹³, Ж. Бодрийяра¹¹⁴ человек выступал, как пассивный участник. «Смерть субъекта» подразумевала то, что

¹⁰⁷Русакова О.Ф. Дискурс-анализ публичных коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 192.

¹⁰⁸Althusser L. (1971) «Ideology and ideological state apparatuses», in L. Althusser Lenin and Philosophy and Other Essays. London: New Left Review.

¹⁰⁹Foucault M. (1980) «Truth and power», in C. Gordon (ed.) Power/Knowledge. Selected Interviews and other Writings 1972-1977. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf.

¹¹⁰Кожемякин Е.А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №3. – С. 5-17.

¹¹¹Барт Р. Война языков. Пер. С.Н. Зенкина // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – С. 540.

¹¹²Kristeva J. Une poétique ruinée // Mikhaïl Baktine. La poétique de Dostoïevski. Traduit du russe par Isabelle Kolitcheff. Présentation de Julia Kristeva. P.: Seuil, 1970.

¹¹³Laclau E., Zac L. (1994) «Minding the gap: the subject of politics», in E. Laclau (ed.), The Making of Political Identities. London: Verso.

¹¹⁴Baudrillard J. Les stratégies fatales. Coll. «Figures», Paris, Grasset, 1983, 277 p.

автор дискурса зависел от различных источников: идеологии, абстрактного пространства коллективных идей и понятий, власти дискурсивного порядка, интертекста, иллюзорной реальности. Данному представлению противопоставляется подход, когда конкретный автор или социально-политическая группа становится автором политического дискурса. Они выступают с активной стороны, являются творцами дискурсивного порядка.

Субъектами политического медиадискурса вражды являются политические элиты, массмедиа, интеллектуалы. Основное место среди них занимают массмедиа. Осуществление власти и контроля выражается в том, что производство дискурса и его распространение зависит от корпоративных владельцев массмедиа. Бизнес-управление медиа происходит при помощи селективных инвестиций, определения направлений бюджета, найма и сокращения сотрудников. Через прямое редакторское воздействие и распоряжения можно частично контролировать содержание и спектр консенсуса публичного дискурса.

Большинство элитных групп зависят от корпоративных или институциональных субъектов. Интересы и идеология элит в подавляющем большинстве случаев имеет схожие черты с взглядами их владельцев. Т. А. ван Дейк указывает на то, что субъектом медиадискурса являются частные корпорации и государство. Владельцы контролируют артикуляцию, распространение и влияние медиадискурса, поэтому они обладают властью над дискурсом.

Особый взгляд на вопрос, являются ли массмедиа субъектами политического медиадискурса, выразила А. Ю. Гарбузняк¹¹⁵. Ключевым фактором становится интерпретация новостной повестки. Политические элиты передают заданную информацию, массмедиа её транслируют, эксперты анализируют и комментируют. Массмедиа становятся политическим субъектом, когда фокусируются на важных для аудитории новостях и чётко выраженной

¹¹⁵Гарбузняк А.Ю. Повестка дня СМИ как технология интерпретации // Медиаскоп, 2015, Вып. №1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mediascope.ru/node/1684> (дата обращения 22.04.2022г.).

позиции. Если такие признаки отсутствуют, то массмедиа играют роль простого ретранслятора заданной государством и политической элитой позиции. В медиадискурсе вражды государство обладает монополией на вопросы международной политики, привлекая к интерпретации экспертов и близкие к себе «фабрики мысли», т.е. политический медиадискурс вражды в рамках информационной войны носит национально-ангажированный характер. По критериям А. Ю. Гарбузняк, большинство массмедиа в вопросах внешней политики субъектами медиадискурса не являются, в условиях вооружённых конфликтов они используют государственную пропаганду.

К числу влияющих на массмедиа сторон можно также отнести символические элиты. Журналисты, писатели, художники, режиссёры, академики реализуют власть «символического капитала». Они обладают общественным ресурсом, который есть у интеллектуалов. Эта группа может устанавливать повестку дня публичной дискуссии, определять тематическое соответствие текстов, управлять объёмом и типом информации. Символические элиты производят общедоступные знания, убеждения, оценки, нормы, ценности, мораль и идеологию. Власть «символических элит» является идеологической.

М.И. Дзялошинский относит к субъектам политического медиадискурса вражды академическое сообщество – интеллектуалов, экспертов, учёных, философов, интеллигенцию. Последовательно проблеме этики интеллектуалов в условиях политической борьбы посвятили свои работы известные философы А. Грамши¹¹⁶, Ж. Бенда¹¹⁷, Н. Хомский¹¹⁸, Н. Боббио¹¹⁹. Интеллектуалы становятся проводниками идеологии господствующих классов, научный авторитет позволяет судить о моральности политики. Роль экспертов также сводится к формированию общественной дискуссии, интерпретации событий. В период военных конфликтов научное сообщество оказывается заложником

¹¹⁶Куренной М. Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов/ Под ред. В. Куренного. – М., 2009. – 368 с.

¹¹⁷Бенда Ж. Предательство интеллектуалов/ Ж. Бенда; пер. с франц. В. П. Гайдамака и А. В. Матешук. — М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. – 310 с.

¹¹⁸Chomsky N. «The Responsibility of Intellectuals», The New York Review of Books, 8:3 (February 1967).

¹¹⁹Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. – 1992. – №8. – С. 162-171.

коллективных политических страстей, презирует мораль и нравственность. В медиадискурсе выступление интеллигента становится ангажированным из-за того, что политическая позиция предшествует научному анализу. В современных условиях государство прибегает к использованию аналитических «фабрик мысли», создающих готовые политические шаблоны в медиапространстве. Н. Хомский и Н. Боббио придерживались позиции морального осуждения интеллектуалов, которые выступали за военное решение конфликтов¹²⁰. Субъектность интеллектуала как создателя идей выражается в методе убеждения, разубеждения, поддержки, отказа.

В современных условиях сетевой коммуникации возник вопрос о статусе субъекта на пространстве сети Интернет. Отдельные пользователи глобальной сети не могут стать субъектами политического медиадискурса вражды, потому что их способность влиять на масштабность и массовость общественных настроений незначительна. Субъектом медиадискурса вражды может стать заказчик использования платных пользователей и ботов¹²¹. Существует мнение, выраженное В. Б. Строгановым, что политическим субъектом может быть сетевое сообщество. Чем больше в нём пользователей, обладающих масштабными ресурсами, тем более оно влиятельно¹²². Вражда в сети Интернет определяется через применение различных технологий: троллинга, кибербуллинга, флейминга¹²³. В сетевой коммуникации акты взаимодействия пользователей строятся на основе непосредственного контакта, а политический медиадискурс вражды чаще всего выражается в форме пропаганды. Это делает вопрос установления субъекта политического медиадискурса вражды проблемным.

¹²⁰Chomsky N. «The Responsibility of Intellectuals», The New York Review of Books, 8:3 (February 1967).; Боббио, Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. – 1992. – №8. – С. 162-171.

¹²¹Соловей В.Д. Особенности политической пропаганды в цифровой среде / В. Д. Соловей // Гуманитарные науки. — 2018. — №1. — С. 81-87.

¹²²Строганов В.Б. Технологии политической манипуляции в интернете: дисс. ... к. полит. н. Екатеринбург, 2019. – 209 с.

¹²³Коммуникативные агрессии XXI века / под ред. В. А. Сидорова. — СПб.: Алетейя, 2019. — 254 с. — (Петербургская школа журналистики и МК).

При анализе медиадискурса возникает проблема политической субъектности автора текста. Под таким углом раньше вопрос не рассматривался, но этой теме касались И. В. Савельева¹²⁴, Б. Б. Сибиданов¹²⁵, Н. А. Трибунская¹²⁶, О. В. Ширяева¹²⁷. Если в публикациях звучат согласованные позиции политиков, экспертов и журналистов, то субъектом выступает государственная элита, при разночтениях им становятся журналисты. Категория авторства обеспечивает продвижение текста за счёт общественного статуса написавшего.

Далее следует обратиться к структурно-коммуникативным компонентам политического медиадискурса вражды. За основу нашего анализа были взяты работы Т. А. ван Дейка, посвященные анализу дискурса расизма, рассматриваемого в качестве одной из форм проявления дискурса вражды¹²⁸. Для описания дискурса расизма используется определение дискурса как определённого коммуникативного события, представленного как в форме вербального или образного сообщения, так и в виде конкретного коммуникативного действия.

К структурным элементам дискурса расизма Т. А. ван Дейк относит:

- 1) невербальные структуры – изображения, жесты, размер заголовка, подчёркивающий уничижительное отношение к аутгруппе «они»;
- 2) звуки – дерзкую интонацию, громкое общение;
- 3) синтаксис – подчёркивание/преуменьшение ответственности за действие с помощью активных или пассивных предложений (на примере английского языка);

¹²⁴Савельева И.В. Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсональный аспекты. – СПб: Наукоемкие технологии, 2021. – 139 с.

¹²⁵Сиби́данов Б.Б. Условия функционирования конфликтного дискурса. Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2016. – № 3. – С. 67-72.

¹²⁶Трибунская Н.А. Особенности процесса взаимодействия дискурсов в политической коммуникации // Филология и культура. – 2022. – №2 (68). – С. 65-70.

¹²⁷Ширяева О.В. Структура языковой личности в медиадискурсе: аспекты исследования // Образование. Наука. Инновации. – 2012. – №5 (25). – С. 98-104.

¹²⁸Dijk T. A. van. Discourse and racism. In David Goldberg & John Solomos (Eds.), *The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies*. (pp. 145-159). Oxford: Blackwell, 2002.

4) лексику – выбор слов, которые подчёркивают позитивность «нашей» группы и негативное отношение к группе «чужих»;

5) риторические приёмы – метафора, метонимия, гипербола, эвфемизм, ирония и др., которые используются для усиления внимания на позитивной/негативной информации о нас/них;

6) речевые коммуникативные акты: стратегия обвинения для унижения достоинства аутгруппы; стратегия защиты для оправдания использования дискриминации «нашей» группой;

7) процесс реализации дискурса вражды посредством определенных технологий общения: прерывание неразделяемого «своими» дискурса о других; прямая дискриминация образов и действий «чужих» и др.¹²⁹;

8) риторические приемы, которые работают для манипулирования вниманием, повышения доверия, управления впечатлениями¹³⁰.

Модель Т. А. ван Дейка концентрируется на нескольких параметрах: заранее сформированных образах «своих» и «чужих», коммуникативных стратегиях, их продвижение через элементы лингвистики и невербальные структуры, манипулятивные технологии. Данную модель отличает значительное внимание к лингвистической составляющей политического медиадискурса вражды.

При анализе медиадискурса важное значение занимает такой элемент, как коммуникативная стратегия. Разработкой данного понятия занимались О. С. Иссерс и А. П. Чудинов¹³¹. В данной работе под коммуникативной стратегией понимается общее планирование коммуникативных действий на основе текущей ситуации и цели общения¹³².

¹²⁹Dijk T. A. van. Discourse and racism. In David Goldberg & John Solomos (Eds.), *The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies*. (pp. 145-159). Oxford: Blackwell, 2002.

¹³⁰Dijk T. A. van. Political discourse and racism. *Describing Others in Western Parliaments. The Language and Politics of Exclusion. Others in Discourse*. (pp. 31-64). Thousand Oaks, CA: -Sage, 1997.

¹³¹Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.; Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256с.

¹³²Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256с.

Структурные элементы концепта «образа врага» могут быть раскрыты на примере модели З. Захида¹³³. Она сочетает в себе применение «образа врага» в рамках политического медиадискурса. Основой концепта является модель «свой» – «чужой», которая используется в качестве идеологемы образа врага. Для её продвижения используются гегемонистские, иерархические, гетерономные речевые акты. Гегемонистский речевой акт включает в себя напористые заявления, декларации и описание аутгруппы. Иерархический речевой акт опирается на указания, благодаря которым происходит установление иерархии между доминирующим и подчинённым политическим субъектом. Гетерономные речевые акты сокращают автономию субъектов. В условиях маргинализации альтернативных дискурсов доминирующий политический медиадискурс посредством использования стереотипных ярлыков и приемов дегуманизации превращает сконструированный им «образ врага» в неподлежащую сомнению данность. На лексическом уровне «образ врага» выстраивается при помощи бинарного политического словаря.

В диссертации Д. Д. Цилюрик показано, что образ России во французской прессе, публикациях «Монд», «Фигаро», «Либерасьон», зависел от соответствия её политики универсальной матрице европейских ценностей. Если политика России укладывалась в эти стереотипы, то складывался положительный образ, если нет – отрицательный¹³⁴. В данной работе главными политическими субъектами формирования политического медиадискурса вражды выступали государственные политические институты Франции и газеты «Монд», «Фигаро», «Либерасьон». Ментальным механизмом конструирования образа врага из современной России с помощью технологии фрейминга выступали стереотипные клише. Отмечалось также, что в отношении России французские массмедиа применяли дихотомию «добро – зло».

¹³³Zahid Z. U.S.A. versus 'Them': Fomenting an Enemy for the Hegemonic Discourse. IPRI Journal XVI, No.2. – 2016. – pp. 105-118.

¹³⁴Цилюрик Д.Д. (2013) Образ России в современном французском политическом медиадискурсе (по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008-2012 гг.): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Москва. – 21 с.

В. И. Озюменко в работе, посвященной анализу медиадискурса в ситуации ведения информационной войны против России, сосредотачивается на использовании манипулятивных технологий при освещении участия России в сирийском конфликте. Он показывает на примере англоязычного медиадискурса процесс сознательного конструирования «образа врага». Автор признаёт наличие у данного дискурса субъекта, но не приводит конкретный пример. Название субъектов политического медиадискурса в работе не используется. Среди коммуникативных стратегий зарубежного медиадискурса автор выделяет стратегии устрашения, идеологической поляризации, апелляции к фундаментальным ценностям, стратегии ухода от определённости, искажения исторических фактов и др. На основе применения мультимодального подхода показывается на конкретных кейсах использование вербальных и невербальных средств внушения. Автор выделяет два направления информационной агрессии в структуре коммуникации. Агрессия направлена против референта (идеологического противника) в форме аффективной агрессии, против медийной аудитории в виде когнитивной агрессии¹³⁵.

В ряде работ последних лет используется методика корпусного подхода. Анализу подвергается специально сформированная база текстовых данных. Так, например, О. А. Байша в работе, посвященной исследованию вопроса, почему на Украине в 2013-2014 гг. победила революция Евромайдана, подвергла дискурс-исследованию 430 мнений активистов, размещённых в публикациях массмедиа. В период проведения антитеррористической операции в Донбассе ею были изучены 1138 украинских медиаисточника. Во время трагедии в Одессе обработке подверглись 179 информационных материалов. Исследование этих баз данных позволило показать, как из противников Евромайдана были сформированы образы врага, с помощью слов-классификаторов «сепаратизм» и «терроризм». Основными субъектами политического дискурса вражды стали представители украинской политической элиты, которые благодаря

¹³⁵Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – №21(1). – С. 203–220.

определённым каналам массмедиа и поддержке зарубежных кураторов, смогли спровоцировать цветную революцию. Стремление новой элиты получить власть привело к ограничению деятельности альтернативных политических сил и массмедиа. Это обернулось определенными трансформациями массового сознания, что привело к началу вооружённого конфликта на Донбассе. Автор пришла к важному выводу о том, что для прекращения вражды необходимо допустить к вещанию альтернативные медиа, провести работу по снятию жёстких границ обозначения дихотомических понятий¹³⁶.

Ряд работ посвящен анализу зарубежного политического медиадискурса вражды, сложившегося в процессе ведения информационной войны против России. В их число входят исследования Н. Г. Бирюкова, А. И. Вильямс, Е. Г. Воскресенской¹³⁷, О. Н. Григоренко, Н. А. Ступниковой¹³⁸, Т. П. Карпухиной, Н. А. Капен-Ярцевой¹³⁹, И. Б. Кауфова, Л. Я. Кауфова¹⁴⁰, С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкиной¹⁴¹, Н. А. Чес¹⁴², С. А. Якунина¹⁴³. Используется метод дискурс-анализа как единичных медиаисточников и целых баз медиатекстов. Главной коммуникативной стратегией зарубежных политических субъектов выступает дискредитация образа России. В них раскрывается роль использования разных лингвистических средств для решения данной задачи, основное внимание уделяется разбору метафор.

¹³⁶Байша О.А. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 183 с.

¹³⁷Вильямс А.И., Воскресенская Е.Г. Метафорическая репрезентация военно-политических событий на Украине и в Сирии в политическом медиадискурсе России и США // Дайджест-2016. Сборник статей (по материалам выпускных квалификационных работ студентов факультета иностранных языков). – Омск. – 2017. – С. 23-32.

¹³⁸Бирюков Н.Г., Григоренко О.Н., Ступникова Н.А. Стереотипные представления о России в немецком медиадискурсе в условиях информационной войны // Наука и мир. – 2016. – Т. 3. №4. – С. 12-13.

¹³⁹Карпухина Т.П., Капен-Ярцева Н.А. Информационная война в западном политическом дискурсе // Вопросы зарубежной филологии в контексте современных исследований: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 260-267.

¹⁴⁰Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Оппозиция «свой-чужой» в британском политическом дискурсе // Университетские чтения - 2019: Материалы научно-методических чтений ПГУ. Часть II. – Пенза: ПГУ. – 2019. – С.51-57.

¹⁴¹Кушнерук С.Л., Курочкина, М.А. Информационно-психологическая война в зарубежной медиакоммуникации: взгляд дискурсолога // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. – С. 97—105.

¹⁴²Чес Н.А. Конструирование образа врага в метафорической картине мира в условиях информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // Человеческий капитал. – 2015. – № 11-12 (83-84). – С. 36-39.

¹⁴³Якунин С.А. Лингвистические средства ведения информационной войны // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3 (75). – С. 77—82.

Современные российские исследователи Т. В. Дубровская¹⁴⁴, А. Н. Маринович¹⁴⁵, Т. Л. Осколкова¹⁴⁶ уделяют внимание политическому медиадискурсу международной политики и вооружённых конфликтов. Авторы ставят своей целью показать, как появление новых информационных технологий привело к способности медиа влиять на политические процессы и общественное сознание. Был сделан вывод о том, что роль влияния медиа возросла. Данные работы описывают отдельные аспекты медиадискурса вражды. Это выражается в работе Т. В. Дубровской, которая учитывает не только негативные оценки, но и позитивные сообщения во внешнеполитическом медиадискурсе России. Объект, рассматриваемый А. Н. Маринович и Т. Л. Осколковой, является исключительно военным медиадискурсом. В выработке структур анализа медиадискурса исследователи опирались на иностранные разработки коммуникативной системы и структур дискурс-анализа. Работы авторов по методу анализа можно разделить на два подхода. Первый – анализ фрейма, когда прослеживается конкретное понятие, его употребление и значение в различных аспектах политического медиадискурса. Второй подход сравнивает освещение военных событий в российских и зарубежных медиаисточниках. При данном аспекте учитываются лингвистические особенности, интерпретации, технологии, степень влияния на массовые настроения.

Т. В. Дубровская занималась отслеживанием понятия «Запад» в медиадискурсе внешней политики России. В структурно-коммуникативном подходе выделяются три аспекта: политические акторы, аксиологическая нагрузка, прагматические стратегии. Концепт «Запад» имеет, как позитивный, так и негативный характер. Автор уделяет внимание стратегиям оценки, эмоционализации, прогноза в дискурсе. К политическому медиадискурсу

¹⁴⁴Дубровская Т.В. Конструирование Запада в российском внешнеполитическом дискурсе: политические акторы и стратегии репрезентации / Т. В. Дубровская // Дискурс Пи. – 2017. – № 1 (26). – С. 10-21.

¹⁴⁵Маринович А.Н. Специфика медийного освещения современных политических процессов на примере сирийского вооружённого конфликта: дисс. ... к. полит. н. Екатеринбург, 2018. – 168 с.; Маринович А.Н. Дискурсивная практика российских медиа в освещении сирийского вооружённого конфликта / А. Н. Маринович // Дискурс Пи. – 2017. – № 3-4 (28-29) – С. 161-167.

¹⁴⁶Осколкова, Т. Л. Сирийская война 2014–2019: дискурс англоязычных СМИ // Дискурс-Пи. – 2020. – № 1 (38). – С. 126–139.

вражды может быть отнесена стратегия оценки с негативной направленностью, когда осуществляется осуждение и обвинение политического противника¹⁴⁷.

А. Н. Маринович рассматривает освещение сирийского вооружённого конфликта с 2010 по 2017 год в американских и российских медиаисточниках – «Коммерсант», РБК, The Wall Street Journal, The New York Times. Новыми условиями существования медиа являются: снижение создания стоимости контента; высокая оперативность распространения новостей; безграничный охват аудитории; увеличение количества читателей; интерактивность контента; взаимопроникновение социальных и официальных массмедиа. Медиадискурс в работе не является пропагандой информационной войны. Он не включает в себя технические условия войны, медиа зависят не от государства, а от глобальных или корпоративных структур. При анализе российских и американских медиаисточников публикации разбивались по событиям, где проводился поиск журналистских или PR-приёмов. За основу классификации брался список из 11 манипулятивных технологий М. Е. Шабо с авторским дополнением. Данные методы можно отнести к манипулятивным: «навешивание ярлыков», «стадное чувство», «расклад карт», «сияющее обобщение», «ложная дилемма», «меньшее из двух зол», «оскорбление и унижение», «обозначение врага», «простонародье», «ссылка на авторитет», «трансферт, перенос», «интерпретация события», «создание фейковых новостей»¹⁴⁸. Стоит обратить внимание на некоторые технологии: «стадное чувство» - это апелляция к большинству; «расклад карт» - это тенденциозное приведение одних аргументов при замалчивании других; «простонародье» (*ad populum*) – апелляция к мнению простых жителей¹⁴⁹. Ещё одной структурой выделялась лексика, которая употреблялась американскими и российскими массмедиа. А. Н. Маринович пришла к выводу, что российские и американские массмедиа расходятся в интерпретации причин конфликта из-за

¹⁴⁷Дубровская Т.В. Конструирование Запада в российском внешнеполитическом дискурсе: политические акторы и стратегии репрезентации / Т. В. Дубровская // Дискурс Пи. – 2017. – № 1 (26). – С. 10-21.

¹⁴⁸Shabo M.E. Techniques of Propaganda and Persuasion / M. E. Shabo. — Prestwick House, Inc., — 2008. — P. 5.

¹⁴⁹Маринович А.Н. Специфика медийного освещения современных политических процессов на примере сирийского вооружённого конфликта: дисс. ... к. полит. н. Екатеринбург, 2018. – 168 с.

разницы культурно-идеологических норм массмедиа, у каждой стороны существует предвзятость к событиям. Модель структурно-коммуникативного подхода данного исследования можно определить, как «событие – манипулятивный приём – лексика». Ценностно-идеологические аспекты разворачиваются внутри этих структур¹⁵⁰.

Т. Л. Осколкова при освещении военного медийного дискурса конфликта в Сирии 2014-2019 годов взяла теоретическую структуру Т. А. ван Дейка. В рамках социокогнитивного подхода затрагиваются композиции медиаисточников (темы, заголовки, подзаголовки, абзацы), стилистика военного медийного дискурса, позиция автора, когеренция (согласованность), аргументированность дискурса, стратегии и технологии военного медиадискурса, достоверность и убедительность аргументов. К стратегиям относят легитимацию использования военной силы, персонификацию, приём натурализма (использование фотографий жертв, военных, раненых).

Автор сделал вывод о том, что военный медиадискурс выполняет информационную, аналитическую, перформативную и манипулятивную функцию. Англоязычный медиадискурс войны в Сирии носит аналитический характер описания военных событий. Нарушение согласованности структуры новостей указывает на то, что данный дискурс носит манипулятивный характер. Его можно отнести к политическому медиадискурсу вражды. Анализ новостей BBC показал, что данное массмедиа обладает значительным потенциалом воздействия на глобальную аудиторию¹⁵¹.

Можно заметить, что в структурно-коммуникативном подходе различных исследователей встречаются разные элементы медиадискурса, не существует однотипных моделей анализа. Нам удалось выделить ряд общих структурных элементов политического медиадискурса вражды, представленных в различных исследованиях: 1) субъекты политической коммуникации (государственные

¹⁵⁰Там же.

¹⁵¹Осколкова Т.Л. Сирийская война 2014–2019: дискурс англоязычных СМИ // Дискурс-Пи. – 2020. – № 1 (38). – С. 126–139.

институты, политические элиты, политические консультанты и технологи), которые формируют идеологические, стратегические и тактические установки данного дискурса; 2) ценностные установки; 3) ментальные модели идентификации «своих» и «чужих»; 4) медиатехнологии конструирования и продвижения «образа врага» через стереотипные способы его восприятия; 5) приемы трансформации массового сознания посредством медийного внедрения в его структуры «образа врага» и связанных с его деятельностью угрозами; 6) установление посредством применения дискурса вражды эмоционально-психологического режима враждебности, страха, нервозности и паники; 7) лингвистические компоненты – содержание текста и риторические приёмы, продвигающие дискурс вражды.

Наиболее удобной моделью анализа становится выделение следующих структур: коммуникативные стратегии, «образ врага», манипулятивные технологии, лексика и риторические средства. Несмотря на то, что исследователи выделяют различные коммуникативные стратегии медиадискурса (устрашение, дегуманизация, демонизация, дискредитация, диффамация, поляризация, противопоставление, оценка с негативным и позитивным характером), суть политического медиадискурса вражды выражается только в двух видах: стратегии противопоставления и стратегии построения негативного образа противника. Стратегия дискредитации ориентируется на подрыв доверия, авторитета, умаления достоинств политического субъекта, стратегии демонизации и дегуманизации существуют за счёт изображения «образа врага». Стратегия демонизации представляет противника злом, а стратегия дегуманизации лишает его человеческих качеств в виде образа животного или машины¹⁵². Стратегия положительной оценки группы является позитивным PR-приёмом, к политическому противоборству она будет иметь отношение только при наличии отрицательной оценки противника. Коммуникативная стратегия в

¹⁵²Лушников Д.А. Дегуманизация и демонизация как механизмы формирования образа врага в кампаниях по негативному информационному воздействию // П.О.И.С.К. (Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура). – 2018. – № 5. – С. 116-123.; Жеребкин, М. В., Демонизация России: как это делается и зачем? // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Том 7. №5. Ч. 1. – С. 130-135.

рамках инструментального подхода оказывается определяющим для всего политического медиадискурса вражды элементом, формируемого целями политических субъектов. Она задаёт выбор элементов на каждом структурном уровне.

Раскрытие ментальных моделей медийных образов врага наиболее эффективно осуществляется при описании манипулятивных технологий. При исследовании манипулятивных технологий чаще всего анализу подвергаются технологии «навешивания ярлыков», номинирования, мифологизации, стереотипизации. Более детально авторы работ показывают политический медиадискурс вражды на примерах используемой лексики и риторических средств. Полного списка манипулятивных приёмов, которые используются в политическом медиадискурсе вражды, не существует. Описание используемых приёмов зависит от исследовательских целей и эмпирической базы материала анализа медиаисточников. Разбор лексики помогает обозначить основные смыслы медиа, установить политическую идеологию. При анализе риторических приёмов устанавливается их эффективность и способность влияния на общественное сознание. В связи с распространением мультимедийного формата массмедиа выделяются и анализируются невербальные компоненты медиадискурса вражды: фотографические снимки, карикатурные изображения, пропагандистские медиа-ролики.

Стоит обратить внимание на такой важный элемент любого медиадискурса как его жанр. Жанр определяет порядок расположения элементов внутри медиатекста и медиаобраза. Жанрам политического медиадискурса уделили внимание Д. В. Дергач и О. Г. Орлова. Под жанрами подразумеваются устойчивые группы медиатекстов, объединенные сходными формально-содержательными признаками. Жанровое пространство политического медиадискурса является неоднородным, многоплановым и смыкается с жанрами

публицистического дискурса¹⁵³.

Д. В. Дергач выделил семь типов жанров медиадискурса: информационные, аналитические, манипулятивные, когнитивные, развлекательные, коммуникативные, художественно-публицистические¹⁵⁴.

М. Р. Желтухина выделяла только три типа жанра медиадискурса: информационный, аналитический, художественно-публицистический¹⁵⁵.

О. Г. Орлова предложила собственную типологию жанров политического медиадискурса на основе выделения ряда параметров¹⁵⁶. По субъектно-адресным коммуникационным моделям ею выделяются такие жанры как «гражданин-институт» и «институт-общество». По отношению к ядру политического дискурса (борьба за власть) выделяются жанры ядерные и периферийные. По целевым установкам жанры бывают информативные, оценочные и императивные. По функциям – ритуальные, ориентационные, агональные и информативные. По способам отражения действительности выделяются фактографический, аналитический и наглядно-образный жанры. О. Г. Орлова выделяет следующие особенности жанра политического медиадискурса с агональной функцией: повышенная агрессивность, использование метафоры войны, преступности, мира животных, использование инвективов (бранной лексики), негативных оценок и знаков агональности по принципу противопоставления «свой» – «чужой».

У Т. А. ван Дейка также мы встречаем определенную типологию жанров политического медиадискурса. Под жанром им понимается тип дискурсивной социальной практики, обычно определяемый конкретными дискурсивными структурами. Выделяются четыре вида жанра медиадискурса:

¹⁵³Орлова О.Г. Жанры политического медиадискурса // Вопросы журналистики. – 2020. – № 7. – С. 56–73.; Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н. Н. Оломская // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17): Филология. – С. 250–259.

¹⁵⁴Дергач Д.В. Функциональная природа дифференциации современных медиажанров // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа: сб. статей / под ред. Л.Р. Дускаевой. Отв. Ред. Н. С. Цветова. – СПб. С.-Петерб. гос. ун-т, Инс-т. «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014. – С.63-66.

¹⁵⁵Желтухина М.Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медиаатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.). Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры: Полиграф. фирма «Горизонт», 2010. – С. 19–32.

¹⁵⁶Орлова О.Г. Жанры политического медиадискурса // Вопросы журналистики. – 2020. – № 7. – С. 56–73.

1. Институциональный жанр приказного типа;
2. Жанр в форме убеждения;
3. Жанр в форме описания будущих и возможных событий;
4. Жанр нарративов¹⁵⁷.

Чаще всего политический дискурс вражды присутствует в публикациях массмедиа, относящихся к аналитическому жанру. В связи с этим стоит обратиться к рассмотрению коммуникативной структуры именно данного жанрового типа. Т. Л. Осколкова на основе анализа британских медиаисточников пришла к выводу, что обзоры военных событий относились к аналитическому жанру. Данные медиаисточники обладали высокой согласованностью, тщательным набором композиции структур дискурса, вербальными и невербальными средствами. Нарушение связности структуры текста обозначало, что аналитическая публикация выполняла манипулятивную функцию¹⁵⁸.

Основная функция жанра аналитического типа – интерпретационная или идеологическая. К данному роду жанра относят аналитические статьи, аналитические обзоры и интервью, журналистские расследования. Обязательным элементом этого типа медиадискурса является категория модальности. Она обозначает отношение говорящего к действительности¹⁵⁹. Модальность обозначается с помощью наклонения глагола и оценкой говорящего. Аналитический тип медиадискурса отражает мировоззренческую оценку или идеологическую модальность материала. Модальность медиадискурса обусловлена культурно-идеологическим контекстом.

Идеологическое различие в оценке и анализе действительности аналитического типа медиадискурса обусловлено различиями в способах интерпретации событий. Интерпретационная модель анализа событий выступает

¹⁵⁷ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 57-60.

¹⁵⁸Осколкова Т.Л. Сирийская война 2014–2019: дискурс англоязычных СМИ // Дискурс-Пи. – 2020. – № 1 (38). – С. 126–139.

¹⁵⁹Ширяева О.В. Объективная и субъективная модальность в медиадискурсе // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1. – С. 198-206.

в качестве цепочки событий. Информационная цепочка состоит из следующих звеньев: отбор фактов; освещение событий; создание образа; формирование стереотипа; культурно-идеологический контекст. Каждое звено является главным в интерпретации события, влияет на все остальные звенья, функционируя по принципу замкнутой окружности¹⁶⁰. В аналитическом типе медиадискурса соседствуют следующие элементы – факт и комментарий, информация и мнение, информация и оценка. Качественная аналитика умеет разграничивать данные элементы.

В последнее время появилась возможность выделения жанра обвинения. Возникают споры, считать ли обвинение жанром медиадискурса или только коммуникативной тактикой. Если обвинение является жанром, то оно должно обладать определёнными признаками. Участниками жанра обвинения выступают обвинитель, пострадавший и обвиняемый. А признаками данного жанра являются: основание для обвинения, коммуникативная цель, наличие доказательной базы, перлокутивный эффект (результат воздействия), реактивное высказывание в виде оправдания. В политическом медиадискурсе чаще всего обвинителями выступают массмедиа, пострадавший и обвиняемый не являются одним и тем же лицом. Основанием для обвинения выступают ненормативные действия обвиняемого. Коммуникативная цель состоит в дискредитации обвиняемого через отрицательную оценку и эмоциональное воздействие на аудиторию. В политическом дискурсе аргументация при обвинении присутствует незначительно. Если аргументов в обвинении нет, то оно направлено для политического оппонента, а если аргументы присутствуют, то они используются для воздействия на аудиторию. Поэтому перлокутивный эффект жанра обвинения – это формирование общественного мнения¹⁶¹.

¹⁶⁰Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 263 с.

¹⁶¹Остин Дж.Л. Слово как действие // Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 22-129.

Реактивное высказывание в виде оправдания обвиняемого состоит в непризнании вины и утверждении невиновности¹⁶².

Другую позицию по отношению к обвинению занимает Я. Ю. Хлопотунов¹⁶³. Он понимает обвинение, как приписывание кому-либо какой-либо вины, признание виновным в чем-либо, а также раскрытие чьих-либо неблагоприятных действий, намерений, качеств. Тактика обвинения является частью негативной коммуникативной стратегии, целью которой выступает дискредитация оппонента. Она предполагает использование отрицательных эпитетов, метафор и номинации.

Обвинение может маскироваться под другие жанры. Поэтому для идентификации такого жанра важно наличие ключевых параметров. Очевидными признаками такого жанра в публикации является многочисленность угроз, претензий. Этот жанр является частью политического медиадискурса вражды, так как опирается на модель «свой» – «чужой». В политическом медиадискурсе вражды обвинение может быть, как самостоятельным жанром, так и простым коммуникативным актом.

В условиях политического противоборства, когда стороны обвиняют друг друга, возникает потребность к сокрытию определённой информации. Для описания таких политических явлений распространение получил жанр журналистского расследования. Существует много определений данного понятия, но чаще всего используется трактовка Р. Грина: «материал, основанный, как правило, на собственной работе и инициативе на важную тему, которую отдельные лица и организации хотели бы оставить в тайне»¹⁶⁴. Данному

¹⁶²Лаврентьева Е.В., Стексова Т.И. Особенности жанра обвинения в политическом дискурсе // Жанры речи. – 2018. – № 2 (18). – С. 104–111.

¹⁶³Хлопотунов Я.Ю. Языковые приёмы реализации коммуникативной тактики обвинения в американском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2019. – Т. 12. Выпуск 1. – С. 63–68.

¹⁶⁴Цит. по: Гуляев А.А. Журналистское расследование: история, методика и практика. Учебное издание. – Вильнюс: ЕГУ. – 2018. – С. 29.

жанру уделили внимание Ю. А. Исакова, К. А. Кирилин¹⁶⁵, А. А. Гуляев¹⁶⁶, Е. С. Зубаркина¹⁶⁷, А. Д. Константинов¹⁶⁸ и др. авторы. Журналистское расследование на современном этапе смогло сформироваться в качестве самостоятельного жанра публицистики. По своим приёмам оно близко к научному исследованию и работе следователя. Признаками расследования являются наличие тайны, общественной значимости, собственной инициативы журналистов, обвиняемых лиц, множественность источников информации¹⁶⁹. Целями журналистского расследования выступают способствование установлению социальной и политической справедливости, а также выявление подлинных причин произошедших событий, которые привели к конкретному результату. Ю. А. Исакова, К. А. Кирилин выделяют при анализе публикаций элементы жанра журналистского расследования: название и автора публикации; краткий пересказ; предмет расследования; актуальность и значимость темы; цели и задачи расследования; источники информации; используемые автором методы расследования; наличие собственной инициативы автора; соотношение фактического и оценочного материала; проверка информации; факт противоборства расследованию; предоставление слова всем сторонам конфликта; факт угроз журналисту; достижение журналистом заявленной цели; итог расследования¹⁷⁰. В сфере политического медиадискурса выделяют военные и политические расследования.

Жанр журналистского расследования в сфере медиадискурса вражды используется для поиска доказательств политического обвинения, поэтому его коммуникативной целью является дискредитация оппонирующей стороны. В

¹⁶⁵Исакова, Ю.А., Кирилин К.А. Специфика использования жанров и метода журналистского расследования в современной российской журналистике // Медиаисследования. 2017. №4(2). С. 134-142.

¹⁶⁶Гуляев, А.А. Журналистское расследование: история, методика и практика. Учебное издание. – Вильнюс: ЕГУ, 2018. – 256 с.

¹⁶⁷Зубаркина Е.С. Журналистское расследование: история и технология создания сюжетов // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 2. – С. 366-370.

¹⁶⁸Константинов А.Д. Журналистское расследование: История метода и современная практика. — СПб., 2003. — 480 с.

¹⁶⁹Гуляев А.А. Журналистское расследование: история, методика и практика. Учебное издание. – Вильнюс: ЕГУ, 2018. – 256 с.

¹⁷⁰Исакова Ю.А., Кирилин К.А. Специфика использования жанров и метода журналистского расследования в современной российской журналистике // Медиаисследования. – 2017. – №4(2). – С. 134-142.

период военных конфликтов расследование массмедиа используется для создания «образа врага» и дегуманизации армии противника. Также журналистское расследование способствует использованию улик и доказательств для юридического оформления позиции обвинения в рамках судебных процессов международного характера. Несмотря на недостатки – противоборство обвиняемой стороны, недостоверную информацию, заказные материалы, жанр расследования получил распространение в современной журналистике, стал частью политического медиадискурса вражды.

Итак, применение структурно-коммуникативного подхода к теоретическому осмыслению политического медиадискурса вражды позволяет выделить следующие базовые функции данного дискурса: информационную, кратологическую, агональную, персуазивную, суггестивную, идеологическую, манипулятивную, мобилизационную, производительную, функцию легитимации противостояния, когнитивную функцию дихотомической политической реальности. Раскроем их свойства и особенности более подробно.

1. Информационная функция – передача и распространение информации о событиях политического противостояния (войны, вооружённые конфликты, теракты, межнациональное насилие).

2. Кратологическая функция политического медиадискурса вражды выражается в борьбе политических субъектов за интерпретацию происходящих событий в целях достижения собственных целей.

3. Агональная функция данного дискурса заключается в противопоставлении свойств политических противников на основе применения дуальной оппозиции «свой» – «чужой». Данная функция также обозначает стремление медиа к расколу единых социально-политических общностей.

4. Персуазивная функция подразумевает вербальное и невербальное воздействие на ментальную сферу адресата¹⁷¹. Воздействие осуществляется для того, чтобы изменить политические установки и поведение аудитории.

¹⁷¹Борисова С.С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста (на материале немецкого языка): дисс. ... к. филол. н. Орел, 2016. – 250 с.

Основным средством убеждения становятся влияние аргументов на рациональную часть массового сознания.

5. Суггестивная функция служит внушению массовой аудитории образов и мыслей, которые позволяют человеку изменить представление о происходящих политических событиях. Главным объектом воздействия становится чувственно-эмоциональная сфера общества. Политический медиадискурс вражды ведёт к усилению эмоционального эффекта враждебности, отвращения, ненависти к противнику. В этих условиях формируется атмосфера общественного страха и неуверенности в будущее.

6. Идеологическая функция – функция продвижения политической вражды через сформированные политические установки, стереотипы, идеологические ценности. Чаще всего она выстраивается на идеологических стереотипах русофобии, ксенофобии, антисемитизма, на расистских настроениях. Медиа вынуждены продвигать сформированные внутри сообществ ценностно-идеологические стандарты. Данная функция демонстрирует ангажированность и изначальную предвзятость сторон противоборства. Применяется при интерпретации политических событий.

7. Манипулятивная функция – это способ воздействия через специальные медийные технологии и приёмы, которые скрывают реальные политические цели. Анализ показывает, что в период политической борьбы манипулятивные технологии занимают большое место. Структура политического медиадискурса вражды включает техники манипулятивных медиаприёмов: формирование повестки дня, прайминга, фрейминга, «навешивания ярлыков», фейковых новостей.

8. Производительная функция – это способность массмедиа использовать разные техники и приёмы для производства медиадискурса вражды в виде виртуальной политической реальности¹⁷². Прежде всего акцент делается на самом процессе производства, подборе материала, использовании визуальных

¹⁷²Русакова О.Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика» // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманит. науки. – Вып. 20, № 27. – 2013. – С. 150-160.

эффектов, лингвистических средств. Данная функция касается работы массмедиа с источниками информации, творческой обработке материала, оперативной реакции на происходящие события. Из информационного хаоса появляется чёткая картина событий, которые построены по приоритетному принципу.

9. Мобилизующая функция – это способность политического медиадискурса вражды приводить представителей общественно-политических групп в состояние активного взаимодействия на основе понимания собственной принадлежности к определенной общности. Массмедиа через послание к коллективным идентичностям объединяют и мобилизуют граждан определённой страны и определенные социальные, национальные и религиозные группы на участие в протестных, радикальных и боевых действиях. Эта функция совмещает в себе прагматический аспект превращения призывов и установок в политические действия.

10. Функция легитимации противостояния – это функция оправдания информационной войны, борьбы с противником¹⁷³. Важным для политического медиадискурса вражды является снятие с повестки дня вопросов о причине и последствиях политического противостояния. Данная функция также подразумевает уравнивание сторон конфликта, легализацию ими использования военной силы¹⁷⁴.

11. Когнитивная функция формирования дихотомического образа виртуальной политической реальности. Политические модели восприятия политических событий становятся определяющими для людей. Вместо реальности в массовом сознании человека выстраиваются разные когнитивные схемы: модель персонализации, дихотомического мышления, выборочного абстрагирования, произвольного умозаключения, сверхгенерализации и

¹⁷³Carpentier N., Kejanigly D. The Militarization of a Public Debate: A Discourse-Theoretical Analysis of the Construction of War and Peace in Public Debates Surrounding the Books of Three Turkish Military Commanders on the «1974 Cyprus Peace Operation. *Revista de Comunicação Dialógica*. Rio de Janeiro, 2020. pp. 107-139.

¹⁷⁴Цит. по: Осколкова Т.Л. Сирийская война 2014–2019: дискурс англоязычных СМИ // Дискурс-Пи. – 2020. – № 1 (38). – С. 135.

преувеличения катастрофы¹⁷⁵. Виртуальная политическая реальность даёт человеку заданную схему интерпретации событий. Происходит семантическое редуцирование сложной политической картины мира до схемы «друзья» – «враги», «свои» – «чужие», «союзники» – «противники».

Таким образом, применение структурно-коммуникативного подхода к анализу политического медиадискурса вражды позволило выделить основные структурные компоненты данного дискурса и обозначить его ключевые коммуникативные функции, как инструмента информационного противоборства. Среди различных элементов обязательным для политического медиадискурса вражды должна быть когнитивная модель «свой» – «чужой». В политическом медиадискурсе вражды используют коммуникативные стратегии противопоставления сторон и создания негативного образа противника. Коммуникативная стратегия формируется целями политических субъектов и определяет набор элементов в рамках инструментального подхода. Наиболее частыми жанрами политического медиадискурса вражды являются жанры аналитической публицистики: аналитическая статья, обвинение, журналистское расследование. Политический медиадискурс вражды является изначально ангажированным и предвзятым из-за опоры на ценностно-идеологические приоритеты, установленные внутри сообщества противостоящей стороны. Ключевыми функциями политического медиадискурса вражды стали информационная, кратологическая, агональная, персуазивная, суггестивная, манипулятивная, идеологическая, мобилизационная, производительная, функции легитимации противостояния, формирования дихотомического образа реальности посредством использования модели «свой» – «чужой».

¹⁷⁵Барабаш В.В., Котеленец Е.А. Психологические методы и когнитивные схемы в современных информационных войнах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. – Журналистика. 2016. – №4. – С. 154-161.

1.3 Медиадискурс вражды как неотъемлемый компонент современной информационной войны: анализ новейших технологий

Медиадискурс вражды - это неотъемлемый компонент такого значимого глобального политического процесса, каковым сегодня являются информационные войны. В подавляющем большинстве случаев информационная война подразумевает намеренно предвзятое описание вооружённого конфликта в медиаисточниках. В нашей работе политический медиадискурс вражды будет пониматься, как инструмент реализации задач информационного противоборства политических субъектов при помощи манипулятивных технологий массмедиа.

Чтобы показать место политического медиадискурса вражды, требуется рассмотреть понятие информационной войны, дать ему определение. Впервые понятие информационной войны было сформулировано в 1976 году в работе Т. Рона «Системы оружия и информационные войны»¹⁷⁶. В современной политической науке понятия «информационная война», «информационно-психологическая война» получили всестороннее и комплексное освещение. Информационная война описывает политическую борьбу в рамках международных отношений. В современных условиях информационное пространство с распространением электронных массмедиа стало глобально безграничным. Учитывая этот фактор при многочисленности определений информационной войны, нужно определиться с интерпретацией данного понятия.

Информационная война представляется в форме определенной сферы медийной борьбы, в пространстве которой осуществляется конструирование и продвижение дискурса вражды, утверждение и закрепление его на уровне

¹⁷⁶Вирен Г. Современные медиа: Приёмы информационных войн. – М.: Аспект Пресс. 2013. – С. 9.

массового сознания посредством применения определенных технологий манипулятивного воздействия. В результате таких действий достигается эффект управляемости массовых настроений поставленным задачам дискредитации и устранения политических противников.

Рассмотрим в нашей работе формулировки, дающие определение информационной войны. К примеру, в работе Т. П. Карпухиной и Н. А. Капен-Ярцевой¹⁷⁷ используются трактовки информационной войны, предложенные Г. Виреном¹⁷⁸, В. А. Лисичкиным и Л. А. Шелепиным¹⁷⁹, С. И. Макаренко¹⁸⁰. На основе рассмотренных определений был сделан вывод, что существует два аспекта информационной войны: информационно-технологический и информационно-психологический.

А. В. Манойло подчёркивает, что в американской политической науке понятия «информационно-психологическая война» и «информационная борьба» равнозначны. Информационно-психологическая война становится инструментом политического регулирования в структуре политической системы конфликтующих сторон. Локальные вооружённые конфликты становятся следствием общего напряжения психологической войны¹⁸¹.

В данной работе определению информационной войны наиболее близок лингвистический подход: «Информационная война – это совокупность массовых коммуникативных практик, целью которых является воздействие (или противодействие) посредством употребления единиц языка на общность людей при одновременном обеспечении безопасности и защиты актора для достижения

¹⁷⁷Карпухина Т.П., Капен-Ярцева Н.А. Информационная война в западном политическом дискурсе // Вопросы зарубежной филологии в контексте современных исследований: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 260-267.

¹⁷⁸Вирен Г. Современные медиа: Приёмы информационных войн. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 126 с.

¹⁷⁹Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. – М.: Эксмо, 2003. – 137 с.

¹⁸⁰Макаренко С.И. Информационная борьба и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. – СПб. – 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://psyfactor.org/lib/infowar2.htm> (дата обращения 17.01.2022г.)

¹⁸¹Манойло А.В. К вопросу о содержании понятия «информационная война» // Дневник АШПИ. – 2012. – № 28. – С. 17-24.

информационного превосходства в стратегических целях»¹⁸². Для Л. Н. Синельниковой информационная война выражается в медиадискурсе: «Информационная война — это, прежде всего, война вербальная, война дискурсов, интерпретаций произошедших и происходящих событий»¹⁸³.

Д. П. Гавра обратил внимание на то, что часто используется термин информационное противоборство¹⁸⁴. Оно подразумевает противостояние политических субъектов в информационной сфере. Информационная война предполагает использование самых разрушительных инструментов воздействия на информационную среду противника. Информационное противоборство акцентирует внимание на наличии противостоящих сторон, а информационная война — на крайних формах воздействия. Для описания политического медиадискурса вражды являются уместным использование обоих понятий. В диссертационной работе использование понятия информационной войны связано с обозначением наиболее агрессивной и антигуманной формы информационного противоборства, а также его присутствием в большом числе научных работ отечественных исследователей.

С. В. Володенков и А. Ю. Гарбузняк делают вывод о том, что главными инициаторами информационной войны являются политические элиты. Основной интенцией становится борьба за власть и доминирование на глобальном уровне. Целями информационной войны выступают убеждение, воздействие, ответная реакция, компрометация, создание новых ценностей и правил для политических элит¹⁸⁵. Выделяют различные способы воздействия: через массмедиа, по дипломатическим каналам, через спецслужбы, неформальные связи, через бизнес-сообщество.

¹⁸²Цит. по: Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. — 2016. — №2 (56). — С. 10-16.

¹⁸³Цит. по: Синельникова Л.Н. Информационная война *ad infinitum*: украинский вектор // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2. — С. 95—101.

¹⁸⁴Гавра Д.П. Информационное противоборство: современное понимание, характеристики, подходы к междисциплинарному познанию // Российская школа связей с общественностью. — 2023. — №29. — С. 10-26.

¹⁸⁵Марченко Г.В. Современные информационные войны: содержание и типология // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции. — СПб. — 2021. — С. 107-113.

Самым влиятельным каналом ведения информационной войны оказываются массмедиа. Они играют роли субъекта предварительно сформированной повестки, инструмента формирования медиаобразов, проводника государственной идеологии¹⁸⁶. Психологическое воздействие требует от политических субъектов формирования медиасценария, продуктом такой деятельности становятся медиаэффекты в виде сводок новостей журналистских репортажей. Новые медиа (сетевые ресурсы) ведут к эскалации и провоцированию локальных и международных конфликтов. Они выступают в роли фабрик конфликтов, сами конструируют конфликты¹⁸⁷. Технологии информационно-психологической войны являются привлекательными из-за их дешевизны, доступности и эффективности использования. Интенсивность политического противостояния в медиапространстве имеет тенденцию к нарастанию¹⁸⁸.

Для определения роли политического медиадискурса вражды требуется рассмотреть структуру информационной войны, дать ей характеристики. Г. Вирен выделял следующие отличительные признаки:

1. В процессе информационной войны каналы медиа используют не одну, а массу технологий манипулирования;
2. Использование манипулятивных технологий является регулярным на протяжении длительного времени;
3. Ясно виден конкретный и неизменный объект нападок;
4. Настоящая информационная война преследует серьёзные цели: свержение руководства государства, изменение политического строя, захват контроля над территорией, широкомасштабный передел собственности¹⁸⁹.

¹⁸⁶Гарбузняк А.Ю. (2015) Интерпретация реалий политической жизни страны в повестке дня общероссийской прессы: технологические аспекты: дис. ... кандидата филологических наук. Москва. – 182 с.

¹⁸⁷Ачкасова В.А. Медиаизированные конфликты и инциденты: Новая роль в сфере публичных коммуникаций // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы; Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16-18 декабря 2021 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Галутвиной, Л. В. Сморгунюва, Л. Н. Тимофеевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – С. 52-53.

¹⁸⁸Манойло А.В. Современная интерпретация термина «информационная война» // Дневник АШПИ. – 2012. – № 28. – С. 24-29.

¹⁸⁹Вирен Г. Современные медиа: Приёмы информационных войн. – М.: Аспект Пресс, 2013. – С. 122.

Структурными компонентами медиадискурса информационной войны являются: цели и задачи; объекты и мишени; стратегии информационно-психологического нападения; языковые средства манипулирования, способы противоборства информационно-психологическим атакам¹⁹⁰.

Анализ структурных компонентов позволяет выделить комбинацию следующих компонентов медиадискурса информационной войны:

- 1) стратегические установки на дискредитацию, дегуманизацию, а в предельном случае – на устранение политического противника;
- 2) применение агрессивных форм языка, риторических фигур, агрессивных визуальных образов;
- 3) использование «образа врага» в разнообразных форматах медиа;
- 4) применение методов агрессивной пропаганды;
- 5) активное использование разнообразных технологий манипуляции;
- 6) достижение эффекта управляемости массового сознания, подчинение его своим исходным целям.

Подобная структура показывает, что политический медиадискурс вражды является ведущим инструментом информационной войны. Коммуникативные стратегии поляризации и построения негативного образа противника оказываются общими для данных категорий. Дихотомическая модель «свой» – «чужой» становится основой государственной идеологии, которая ведёт к обеспечению функции мобилизации масс вокруг политических субъектов, ведущих агрессивную пропаганду.

Ключевым элементом политического медиадискурса вражды, как инструмента по формированию виртуальной политической реальности, является использование манипулятивных технологий. Массмедиа направляют своё воздействие на различные аудитории. Для собственной аудитории каналы медиа используют пропаганду в виде открытого аргументированного послания. Для

¹⁹⁰Кушнерук, С. Л., Курочкина, М. А. Информационно-психологическая война в зарубежной медиакоммуникации: взгляд дискурсолога // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. – С. 97—105.

незаинтересованной аудитории и противника воздействие осуществляется через скрытое воздействие – манипулирование. Простые цели воздействия массмедиа ведут к использованию рядовых и примитивных средств. Когда целью становится изменение общественного мнения аудитории, то используются сложные технологии манипулирования. Они воздействуют на архетипы массового сознания: стереотипы, мифы, предрассудки и бессознательное. В политическом медиадискурсе вражды эффективность определяется через привлечение на свою сторону нейтральной аудитории и переубеждение политических противников.

Среди современных исследователей выделяется большое количество манипулятивных технологий, применяемых в информационных войнах. К примеру, И. М. Дзялошинский описал 102 приёма, Г. Вирен – 19, О. Е. Воронова – 18, С. В. Володенков – 15, А. Н. Маринович – 13, Г. В. Марченко – 7¹⁹¹. В нашей работе выделяются манипулятивные технологии, которые имеют непосредственное отношение к политическому медиадискурсу вражды. Универсальные PR-приёмы и техники уже описаны в различных источниках научной литературы. На современном этапе обозначились новые технологии манипулирования – интерпретация повестки дня, дискурсы постправды и постпамяти.

Основным для политического медиадискурса вражды является манипулирование архетипным уровнем массового сознания. Сюда включаются национальные стереотипы, политические мифы, клише, разнообразные идеологемы.

¹⁹¹ Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии СМИ. М.: «Гуманитарный институт», 2006. – 44 с.; Вирен Г. Современные медиа: Приёмы информационных войн. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 126 с.; Володенков С.В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием / С.В. Володенков // Вестник Московского университета. – 2012. – №5. – С. 89-103.; Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии: монография / О.Е. Воронова; Ряз. гос. ун-т. имени С.А. Есенина. – Рязань. – 2018. – 188 с. Маринович, А. Н. Специфика медийного освещения современных политических процессов на примере сирийского вооружённого конфликта: дисс. ... к. полит. н. Екатеринбург, 2018. – 168 с.; Марченко Г.В. Современные информационные войны: содержание и типология // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб. – 2021. – С. 107-113.

В ходе информационной войны формируются и предлагаются массовому потребителю весьма упрощенные схемы и образы виртуальной политической реальности. Исторический опыт помогает использовать уже сложившиеся модели стереотипного восприятия реальности и давно существующих мифологических представлений. Согласно Г. Лассуэлу, политический хаос превращается в порядок, когда человек руководствуется стереотипными представлениями и мифами¹⁹². В его концепции **политический миф** – это комплекс идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности¹⁹³. Политический миф представляет собой совокупность социальных убеждений, включающих устойчивые представления об идеальном типе власти в рамках конкретного общественного устройства, является системой управления наиболее значимыми символами. По своей структуре он состоит из рациональной (доктрин, идеологий) и чувственной части (символы, мифы, ритуалы). Его реализация осуществляется в виде рациональных целей (политической семантики) и эмоциональных эффектов (политической синтактики).

Ещё одним уровнем манипулятивных технологий массового сознания является использование **идеологемы**. Существует два подхода к определению идеологем. Один рассматривает данный феномен, как актуализацию средствами языка определённых политико-идеологических ценностей и взглядов, другой – как когнитивную модель со своей структурой. О. А. Кузина определяет идеологему как «мировоззренческую установку», облаченную в такую языковую форму, которая позволяет адресанту наиболее убедительно донести свою позицию до адресата, имеющую целью сплочение общества в поддержку определенных идей, людей, событий¹⁹⁴. Воплощение идеологем осуществляется с помощью лингвистических средств. Свойствами идеологемы являются:

¹⁹²Цит. по: Володенков С.В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием /С.В. Володенков // Вестник Московского университета. – 2012. – №5. – С. 96.

¹⁹³Цит. по: Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971.

¹⁹⁴Цит. по: Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург-Пермь: Изд-во Урал, ун-та., 1995. – 144 с.

эмоциональность оценки объектов модели «свой» – «чужой»; временные рамки применения конкретной идеологии; потребность идеологии в своей постоянной актуализации. О. А. Кузина провела анализ публикаций англоязычных медиаисточников и сформулировала основной смысл политической идеологии: «Евромайдан – это масштабный и всенародный протест». Автор пришла к выводу, что идеологии и мифологии являются эффективным оружием информационной войны¹⁹⁵.

Стоит обратить внимание на работу Р. П. Баканова и А. Ю. Хасанова, которые показывают политические мифы в иностранной прессе, формирующие негативный образ России. Были перечислены современные мифы о России, показана технология мифотворчества. На основе анализа 370 публикаций, изданий как «Middle East Eye» и «Spiegel Online International» 2015-2016 годов, авторы выделили содержание мифологии, которые формируют у зарубежных читателей негативный образ России.

Список мифов о России, который был представлен в обозначенных изданиях:

1. Россия убивает гражданское население во время своих атак по Сирии.
2. Россия хозяйничает в Сирии как хочет.
3. Россия – страна с хитрой политикой.
4. Властные органы России глупые.
5. Россия лишена свободы слова.
6. Россия ведёт «жесткую холодную войну».
7. Россия – чрезвычайно жестокая военная страна, которая убивает мирное население.
8. Россия – закрытая авторитарная страна, в которой царит национализм.

Главной причиной столь однобокого подхода к освещению деятельности

¹⁹⁵Кузина О.А. Идеология и мифология как ключевые категории медиадискурса в период информационной войны // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. – Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. – С. 136-138.

России в иностранных изданиях авторы считают стратегически принятую иностранными массмедиа линию защиты государственных и национальных интересов собственной страны, а также стратегию на оказание информационного противоборства всему, что исходит от действий политического противника – России¹⁹⁶.

Авторами были сделаны следующие выводы относительно мифотворчества, содержащегося в иностранных изданиях:

1. Мифотворчество широко распространено в иностранной прессе. Оно отражает манипулятивные интересы массмедиа в отношении массового сознания, одностороннее освещение деятельности России имеет предвзятый характер.

2. Миф является подвижной структурой, располагается между образом и стереотипом. Некоторые мифы пересекаются, другие нет. В массовом сознании формируется мозаичное представление о стране в виде фактов, не связанных между собой.

3. Формирование и укрепление мифов подкрепляется языковыми и внеязыковыми средствами. Авторы считают, что назвать наиболее эффективные средства в этом процессе строго нельзя.

4. Россия и россияне фигурируют в спектре общественно-политических тем – войны в Украине и Сирии, допингового скандала. Основные темы – это убийство гражданского населения и ведение «холодной войны» против США и Европы.

5. Разные издания используют разные приёмы организации текста. Для «Middle East Eye» характерно апеллирование фактами и цифрами с высокой долей аналитики в публикациях, для «Spiegel Online International» – аналитика с долей публицистичности и элементами репортажа.

6. Наиболее выраженными и повторяющимися о России мифами являются:

¹⁹⁶Баканов Р.П. Хасанова А.Ю. Формирование мифов о России в англоязычных интернет-изданиях // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакратии в России и за рубежом. – Белгород. ИД «Белгород», 2016. – С. 140-151.

жесткость страны, хитрость и цинизм в политике, развитие национализма и интолерантности, коррумпированность, противостояние Западу и Европе, закрытость и давление на прессу, расточительность на государственном и личном уровне.

7. В наибольшей степени в образе России используются слова «Владимир Путин», «Москва», «Кремль». Массмедиа создают образ России, в которой есть только Кремль, управляемый в одиночку Владимиром Путиным.

Заслуживает внимание работа Э. И. Сулеймановой «Образ России, формируемый в западных медиа (на материалах освещения сирийского кризиса)»¹⁹⁷. В её работе образ страны раскрывается через дискурс, значение которого является относительным. Согласно мнению Э. Лакло и Ш. Муфф образ страны – это миф. Миф является искажённой реальностью, задающий рамку определённых политических действий и поведения. Образ страны в рамках дискурс-анализа представляется условным и зависит от идеологий западных массмедиа – либеральной, консервативной и националистической. Идеология задаёт рамку восприятия образа России, которая осуществляется путём привязки определённых значений. На примере событий в Сирии образ России в дискурсе либеральных массмедиа – это заложник Президента Сирии Б. Асада, милитаристский образ страны. Образ России в консервативном медиадискурсе основан на том, что Россия – сильная и воинственная страна, а мирные переговоры в этих условиях вызывают сомнения. Здесь для России применяется образ нецивилизованной и нерациональной страны. Образ России в националистическом дискурсе западных массмедиа определяется, как авторитарной и непредсказуемой страны, миротворческие инициативы являются декларативными.

Также в политическом медиадискурсе вражды часто используются **стереотипы**. При анализе стереотипов обычно применяются два подхода –

¹⁹⁷Сулейманова Э.И. Выпускная квалификационная работа Образ России, формируемый в западных СМИ (на материалах освещения сирийского кризиса). – СПб. – 2017. – 76с. [Электронный ресурс] URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/10702/1/Sulejmanova_E_I_Obraz_Rossii_v_Zapadnykh_SMI.pdf (дата обращения 10.10.2020г.)

когнитивный и мотивационный. В когнитивном подходе стереотип рассматривается как способ упорядочивания социального окружения, компенсирующий ограниченные способности человека обрабатывать поступающую информацию. В мотивационном подходе стереотип рассматривается как способ самоидентификации субъекта по принадлежности к одной из социальных групп. Стереотипы делятся на аутостереотипы (о членстве ингруппы) и гетеростереотипы (о членстве аутгруппы). Чем выше уровень сплочённости группы, тем более позитивны аутостереотипы и негативны гетеростереотипы¹⁹⁸. Конфликтные отношения между ингруппой и аутгруппой усиливают негативные гетеростереотипы¹⁹⁹.

Самой часто встречающейся технологией манипуляции политического медиадискурса вражды в описаниях исследователей является **«наклеивание ярлыков»**. Этот PR-приём был выделен Институтом анализа пропаганды в США в конце 1930-х годов. В основе такого рода ярлыков лежат эмоции ненависти, вражды, страха. Ярлыки помогают конструировать образ врага. Виртуальная политическая реальность строится при помощи слов и понятий, которые закрепляют существенные черты противника. Главными свойствами технологии «наклеивания ярлыков» являются краткость содержания, броскость, чёткость, простота используемых понятий²⁰⁰.

По мере развития информационного противоборства количество манипулятивных технологий постоянно увеличивается. Наиболее удачной представляется их классификация. Не все технологии могут быть использованы в политическом медиадискурсе вражды. Например, приём «сияющего обольщения», рассчитанный на использование понятий, вызывающих положительные эмоции²⁰¹. Основой классификации манипулятивных технологий выступает воздействие на уровни массового сознания. Важным для

¹⁹⁸Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. — С. 159.

¹⁹⁹Там же. С. 161.

²⁰⁰Вирен Г. Современные медиа: Приёмы информационных войн. — М.: Аспект Пресс, 2013. — 126 с.

²⁰¹Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии: монография / О.Е. Воронова; Ряз. гос. ун-т. имени С.А. Есенина. Рязань, 2018. — С. 145.

политического медиадискурса вражды оказывается пласт когнитивных архетипов. Также отдельно выделяется лингвистический уровень технологий из-за особого внимания дискурса к языковым средствам. Современные технологии нужно рассматривать отдельно из-за их сложной структуры. К ним относятся технологии медиаэффектов, дискурса постправды и постпамяти.

Психологический уровень технологий преследует цель воздействия на подсознание человека. **Пугающие темы** внушают страх аудитории с помощью угрозы для жизни, имущества, безопасности, статуса. За ними следует предложение решения конфликта в виде групповой мобилизации. К эмоциональному воздействию можно отнести **апелляцию к морали**, которая усиливает проекцию качеств политиков на совершаемые действия. Такой технологией выстраивается ассоциативная связь с определённым положительным или отрицательным образом, которое формирует требующуюся манипулятору установку аудитории²⁰².

Технологии управления информационными потоками отражают производительную функцию медиадискурса, как происходит производство новостей и какие ограничения медиа вынуждены испытывать в своей работе. Примерами данного типа технологий являются **игра на информационное опережение; синхронное подключение к информационной кампании разнообразных медиа; согласованность оценок и интерпретаций, производимых одной из противоборствующих сторон; массированное тиражирование одной и той же версии; блокирование нежелательной информации; неадекватная визуализация событий**²⁰³. Сюда попадает **цензура**, используемая в период работы военной пропаганды.

Особое место в управлении информационными потоками занимает технология **дезинформации**. Дезинформации объединяет различные приёмы: искажение образов действия, преувеличение, подтасовка фактов, чистый

²⁰²Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии СМИ. – М: «Гуманитарный институт», 2006. – 44 с.

²⁰³Русакова О.Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 90-130.

вымысел²⁰⁴. Среди приёмов выделяют **сокрытие существенной информации, смещение понятий**. Близкой к технологии дезинформации можно также отнести современную технологию создания и распространения **фейк-дискурсов**. О. Ф. Русакова и Е. Г. Грибовод определяют фейк-дискурс, как способ конструирования риторико-семиотическими и медийными средствами мнимой реальности, транслируемой в разнообразных форматах: от простой имитации до изощренной фальсификации²⁰⁵. Фейковый дискурс имеет свою специфику. Он появился, когда пользователи социальных сетей сами смогли создавать информационные поводы²⁰⁶. Данные новости применяют в условиях невозможности проверить большое количество сообщений. Виртуальное информационное пространство становится идеальной средой для искажённой и ложной информации. Фейк-дискурс вызывает эмоциональный отклик аудитории, демонстрируя большие возможности манипуляции²⁰⁷. Ещё одной особенностью данной технологии является то, что некоторые сообщения объявляются ложными, обесценивается их возможности цитирования.

В условиях проведения Специальной Военной Операции О. Н. Володченко, И. И. Крыжановская, И. П. Матвеева, Л. В. Минаева, А. В. Морозов, Е. Ю. Небродовская-Мазур обратили внимание на работу центров информационно-психологических операций (ЦИПсО) в Украине²⁰⁸.

²⁰⁴Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии СМИ. М: «Гуманитарный институт», 2006. – 44 с.

²⁰⁵Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики. Научный Ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2014. – №14(4). – С. 65–77.

²⁰⁶Прошина, М. В. Fake news как новый тренд в политических коммуникациях // Дискурс-Пи. – 2019. – № 3 (36). С. 164–171.

²⁰⁷Цит. по: Маринович А.Н. Специфика медийного освещения современных политических процессов на примере сирийского вооружённого конфликта: дисс. ... к. полит. н. Екатеринбург, 2018. – С. 74.

²⁰⁸Володченко О.Н. От фейков до управления информационными потоками: медиатехнологии при освещении темы Специальной Военной Операции на Украине // Инновация. Медиакommunikация. Медиаккультура. Информация. Дизайн. Коллективная монография. Под общей редакцией А.М. Тимохина. – Симферополь: Издательство Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. – 2022. – С. 137-146.; Крыжановская И.И. Информационное противоборство в Специальной Военной Операции на Донбассе // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета. под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк. – 2022. – С. 315-317.; Минаева Л.В. Стратегическая коммуникация как инструмент продвижения национальных интересов страны // Российская школа связей с общественностью. – 2021. – №20. – С. 52-76.; Морозов А.В., Небродовская-Мазур Е.Ю., Матвеева И.П. Цифровая инфраструктура и смысловые линии информационной войны // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2022. – №4. – С. 56-62.

Данные центры занимаются стратегическими коммуникациями, которые ориентируются на продвижение информации заказчика. Под стратегическими коммуникациями понимаются скоординированные действия по информированию, влиянию и убеждению определённых аудиторий в поддержку целей государства²⁰⁹. Специфика работы ЦИПСО осуществляется при помощи социальных сетей с использованием технологий фейков, информационных вбросов, которые ориентированы на борьбу с Россией.

Отдельно выделяется группа технологий социального контроля. В неё входят **ссылка на авторитеты, присоединение к победившей стороне**. Ссылка на авторитеты осуществляется через продвижение мнений известных и популярных в обществе людей – спортсменов, артистов. Также в медиадискурсе используют известных политических экспертов, которые через объяснение склоняют аудиторию к продвигаемой версии событий. Технология победившей стороны заключается в желании людей присоединиться к большинству. Происходит подбор наиболее популярной точки зрения, которая поддерживается людьми со стороны. Альтернативой данной технологии выступает **«спираль молчания»**, когда меньшинство воздерживается от высказывания собственной позиции²¹⁰.

В политическом медиадискурсе вражды используются логические и психологические уловки. Это обычные приёмы, которые могут быть использованы в рамках других технологий. **Сравнение** используют для того, чтобы выбрать наименьшее зло. В политическом медиадискурсе вражды используется стратегия противопоставления, вывод о недостатках чужой группы можно сделать после сравнения. Для удерживания эмоционального накала используют приём **прогнозирования события**. При продвижении позиции

²⁰⁹Минаева Л.В. Стратегическая коммуникация и информационная война // Российская школа связей с общественностью. – 2022. – № 26. – С. 59-82.

²¹⁰Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.

противоборствующей стороны используется **селекция аргументов**, приемлемая для аудитории²¹¹.

Отдельным уровнем классификации политического медиадискурса вражды является лингвистический уровень из-за особого внимания дискурса к влиянию языка и текста на общественное мнение. Он включает применение различных выразительных языковых средств, таких как **эвфемизм** (замена неприличного и неуместного слова нейтральным), **синекдоха**, которая обычно применяется в том случае, когда политический лидер приравнивается к стране или народу²¹². Эти средства номинализации позволяют заменять одни названия другими, расставляя акценты в понимании потребителей новостного контента. В период военных конфликтов эвфемизм скрашивает случаи гибели солдат, создавая из них героев. Эмоции влияют на ассоциативное мышление реципиента, что создаёт нужный для манипулятора угол зрения восприятия информации²¹³.

К лингвистическим технологиям манипулирования медиадискурса обращались в своих исследованиях такие авторы, как А. И. Вильямс, О. Е. Воронова²¹⁴, Е. Г. Воскресенская²¹⁵, Т. П. Карпухина, Н. А. Капен-Ярцева²¹⁶, С. А. Якунин²¹⁷. С. А. Якунин к лингвистическим средствам воздействия относит также **фразеологизмы, гиперболы, метафоры, негативно окрашенные лексемы**. О. Е. Воронова относил к элементам «вербальных войн» **слова-классификаторы**²¹⁸, которые определяли одну и ту же политическую идентичность по-разному. Остальные авторы сосредотачивают

²¹¹Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии СМИ. – М: «Гуманитарный институт», 2006. – 44 с.

²¹²Вире, Г. Современные медиа: Приёмы информационных войн. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 126 с.

²¹³Зава О.В. Манипулятивные особенности политического дискурса в англоязычных СМИ // Вестник ВУиТ. – 2018. – №1. – С. 23-30.

²¹⁴Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии: монография / О.Е. Воронова; Ряз. гос. ун-т. имени С.А. Есенина. – Рязань. – 2018. – 188 с.

²¹⁵Вильямс А.И., Воскресенская Е.Г. Метафорическая репрезентация военно-политических событий на Украине и в Сирии в политическом медиадискурсе России и США // Дайджест-2016. Сборник статей (по материалам выпускных квалификационных работ студентов факультета иностранных языков). – Омск. – 2017. – С. 23-32.

²¹⁶Карпухина Т.П., Капен-Ярцева Н.А. Информационная война в западном политическом дискурсе // Вопросы зарубежной филологии в контексте современных исследований: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 260-267.

²¹⁷Якунин С.А. Лингвистические средства ведения информационной войны // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3 (75). – С. 77—82.

²¹⁸Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии: монография / О.Е. Воронова; Ряз. гос. ун-т. имени С.А. Есенина. – Рязань. – 2018. – 188 с.

своё внимание на использовании метафор. А. И. Вильямс, Е. Г. Воскресенская осуществляют анализ метафор в контексте рассмотрения публикаций медиа о политических конфликтах в современной Украине и Сирии. Согласно данным авторам в современных условиях информационной войны в американском политическом дискурсе сформировался негативный образ России как государства, которое вторгается на чужие территории и стремится к мировому господству. В ситуации обострения информационного противоборства между Россией и США, именно метафоры выполняют эвфемистическую, популяризаторскую, моделирующую, экспрессивную, эмотивную, номинативную и оценочную функции²¹⁹. Н. А. Чес обратила внимание на концептуальную метафору. Она представляет собой обобщённую образ-схему, которая позволяет формировать сложные развёрнутые образы политической картины мира в виде конкретных детализированных метафорических концептов. Благодаря этим метафорам создаётся развёрнутая картина мира, которая легко считывается аудиторией. Это позволяет концептуальной метафоре оказывать эффективное воздействие на общественные настроения²²⁰.

Особенностью информационного противоборства является борьба за интерпретацию событий. Важным для политического медиадискурса вражды является вывод А. Ю. Гарбузняк: «Чем конфликтнее политическая среда, тем больше её акторы зависят от циркулирующих в ней интерпретаций, тем более заточены массмедиа на производство медиаэффектов»²²¹. Под медиаэффектами понимаются доминирование в медиа какой-либо интерпретации. В них входят **установление повестки дня, прайминг, фрейминг**. Повестка дня – это процесс формирования массмедиа в сознании граждан представлений о важном и значимом. Прайминг – это процесс, через который задействованные ментальные

²¹⁹Вильямс А.И., Воскресенская Е.Г. Метафорическая репрезентация военно-политических событий на Украине и в Сирии в политическом медиадискурсе России и США // Дайджест-2016. Сборник статей (по материалам выпускных квалификационных работ студентов факультета иностранных языков). – Омск. – 2017. – С. 23-32.

²²⁰Чес Н.А. Конструирование образа врага в метафорической картине мира в условиях информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // Человеческий капитал. – 2015. – № 11-12 (83-84). – С. 36-39.

²²¹Цит. по: Гарбузняк А.Ю. (2015) Интерпретация реалий политической жизни страны в повестке дня общероссийской прессы: технологические аспекты: дис. ... кандидата филологических наук. Москва. – С. 46.

конструкции могут влиять на то, как люди оценивают другие концепции и идеи. Одни события выделяются, другие затушёвываются. Фрейминг определяет манеру, в которой тема трактуется и может повлиять на внимание аудитории. В основе этой техники лежат фреймы – инструменты упрощения сложных проблем и доступные для большинства. В период информационных войн медиаэффекты активно используются. Разница новостных акцентов в описании событий находит своё отражение во фреймах. Они усиливают у аудитории сопричастность, эмоциональные переживания по поводу происходящего.

Особо разрушительные последствия для государства имеет **дискурс постпамяти**²²². На постоянной основе осуществляется стратегия по переписыванию истории. Цель данной технологии состоит в формировании разрыва поколений национального сообщества, разные взгляды на историю становятся ресурсом для внешнеполитического воздействия. Основным способом данного дискурса является воздействие посредством исторической травмы, которая вызывает эмоциональное потрясение пережитого исторического опыта. Механизм переписывания истории закладывается в системе школьного образования, а также через искажённую и фальсифицированную интерпретацию исторических событий и фактов. Использование дискурса постпамяти приводит к обострению отношений между государствами.

Активно на современном этапе используется такую технологию манипуляции, как **дискурс постправды**²²³. По мнению О. Ф. Русаковой и В. М. Русакова, базовой чертой дискурса постправды выступает «принцип

²²²Русакова О.Ф., Русаков В.М. Политика исторической памяти и Великая Отечественная война // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2017. – № 1 (17). – С. 34—39.; Засорин С.А. Политика памяти. // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы; Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16-18 декабря 2021 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Галутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – С. 186-187.; Пономарева Е.Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны – технология трансформации сознания / Е.Г. Пономарева // – Обозреватель. – 2016. – № 5. – С. 5-20.

²²³Короченский А.П. Медиакритика в эпоху пост-журналистики // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Материалы Международной научно-практической конференции (специальный выпуск журнала). – Белгород: Политерра, 2018. – № 3 (20). – Т. 1. – С. 29-37.

приоритета политического интереса над доказательной базой». Другой характерной чертой данного дискурса является приоритетность восприятия массовым сознанием яркого, впечатляющего образа, которому по силе воздействия существенно уступают сухие рациональные доводы и расчеты. Дискурс постправды отрицает наличие правды, является более совершенной формой дезинформации, которая используется в цифровой среде.

Политический дискурс постправды как процесс, состоит из последовательных этапов, которые позволяют выявить его в информационном пространстве:

1. На основе конфликта предъявляется обвинение;
2. Информационная атака с шокирующими материалами;
3. Публичные акции без проведения расследований стремятся к созданию широкого круга политической поддержки;
4. Карательный инструмент санкций с целью ослабления влияния противника на международной арене, подрыв его экономической, военно-стратегической и информационной мощи;
5. В условиях требования к обвиняемой стороне получения доказательств используется ссылка на секретные документы;
6. При ослаблении сюжета в политическую кампанию вводятся дополнительные участники преступления или жертвы;
7. В период ослабления обвинения тема закрывается до новой информационной атаки²²⁴.

С распространением глобальной сети Интернет произошло изменение информационных процессов, что нашло отражение и на технологиях, которые использует политический медиадискурс вражды. На этой основе сформировался новый тип культуры клипового мышления, когда пользователю проще воспринимать информацию в виде коротких ярких образов. В сетевом пространстве существует много технологий, которые имеют агрессивный

²²⁴Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дискурс постправды как медиатеchnология политики постпамяти. // Дискурс-Пи. – 2019. – 2(35). – С. 10–27.

характер и ставят своей целью дискредитацию политического оппонента.

Массмедиа вынуждены подстраиваться под возможность использования приёмов манипуляции в цифровой среде. В последнее время стала применяться технология **импринтинга** – внедрения информации в сознание каждого реципиента. Она представлена в виде креолизованного текста, который соединяет в себе вербальную и визуальную часть²²⁵. Чаще всего визуальной частью выступают изображения. Иллюстрации в сетевых интернет-источниках выполняют функцию донесения главной мысли, подкрепляют собственный тезис, либо опровергают тезис оппонента. Технология импринтинга осуществляет привязывание абстрактных понятий к предметному образу.

Некоторые исследователи при описании различных манипулятивных технологий приходят к выводу об их эффективности. Такие итоги анализа можно считать преждевременными. В научной сфере сложилось несколько выводов по этому вопросу. Для О. В. Звады манипулятивные технологии являются эффективными, если массмедиа и политические заказчики их применяют²²⁶. В когнитивном подходе результативность воздействия оценивается через мотивационную сферу человека, когда для объекта задуманный манипулятором способ действия является подходящим. В этих условиях человек не способен использовать критическое мышление. Действенность технологий манипуляции определяется их комплексным характером²²⁷. Самая организованная система воздействия относится к государству, а наиболее сильным средством в политическом медиадискурсе вражды является агрессивная пропаганда²²⁸. На наш взгляд, эффективность приёмов манипуляции должна зависеть от результатов, а определение их причин требует дополнительных исследований.

Основными функциями технологий манипулирования является

²²⁵Сарна А.Я. Технологии воздействия на аудиторию в современном медиапространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13. Вып. 2. – С. 218–235.

²²⁶Звада О.В. Манипулятивные особенности политического дискурса в англоязычных СМИ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – С. 23-30.

²²⁷Ланге О.В. Современные манипулятивные технологии: вопросы теории и методологии: дисс. ... к. полит. н. Санкт-Петербург, 2015. – 173 с.

²²⁸Фарниев С.А. Особенности применения политико-манипулятивных технологий в современных условиях информационной войны // Вестник БИСТ. – 2019. – №2(43). – С. 34-41.

обеспечение внимания и поддержка эмоционального фона. Приёмы, которые используются в политическом медиадискурсе вражды, выполняют обе функции. Борьба за внимание проявляется в установлении повестки дня, управлении информационными потоками. Материалы медиадискурса привлекают внимание благодаря яркости и краткости. В медиадискурсе вражды эмоциональный фон обеспечивается за счёт нагнетания агрессивности, страха, комплекса исторической травмы. Это можно заметить на примерах приёмов наклеивании ярлыков, пугающих темах, оскорбительной лексики, стратегии дегуманизации врага.

Таким образом, агрессивные технологии манипулирования являются частью функционирования механизма политического медиадискурса вражды, как инструмента информационного противоборства. Цель воздействия медиадискурса – изменение общественного мнения и перевод его в активное политическое действие. Сложность воздействия вынуждает использовать когнитивный уровень массового сознания. Дихотомическая модель «свой» - «чужой» оказывается основной для политического медиадискурса вражды. Она достигается через использование политических мифов, идеологем, стереотипов. В политическом медиадискурсе вражды используется большое количество технологий. Выделяются традиционные и современные способы. Среди традиционных технологий наиболее частым является использование «наклеивания ярлыков». Особое место в политическом медиадискурсе вражды занимают лингвистические способы манипулирования – слова-классификаторы, эвфемизмы, синекдоха, метафора. Они актуализируют ассоциативное мышление людей, что помогает плавному переходу к цели манипулятора. К современным технологиям относятся медиаэффекты, дискурс постпамяти и постправды, фейк-дискурс. Все технологии обеспечивают функции поддержания внимания и обеспечения эмоционального фона. Приоритетом политического медиадискурса вражды является формирование агрессивных эмоций. Наиболее сильной технологией продвижения политического медиадискурса вражды является деструктивная пропаганда медиа, распространяющие официальную

политическую позицию.

Подводя итог главы, можно зафиксировать большой интерес исследователей к дискурсу политической вражды. Политический медиадискурс вражды стал результатом синтеза концептов «языка вражды», образа врага, дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Данные модели имеют разноплановый характер, акцентируют внимание на разных аспектах политического противоборства в информационной среде. Дуальная модель «свой» – «чужой», а также категории «иной», «другой», противник, враг могут рассматриваться в качестве конкретных эманаций политического медиадискурса вражды. Разница отношений противоборства не носит принципиального характера. Это позволило сформулировать определение нового понятия. Под политическим медиадискурсом вражды понимается властный ресурс по формированию виртуальной политической реальности в массовом сознании политических медиаобразов событий на основе дихотомической модели «свой» – «чужой» с использованием манипулятивных технологий и экспрессивных риторических средств. Данный концепт носит конструктивистский характер из-за способности субъекта сформировать определённую модель интерпретации виртуальной политической реальности. Политический медиадискурс вражды является инструментом политических субъектов, механизм которого раскрывается на уровне структурных элементов и функций. Описание этого инструмента как технологии возможно на конкретных кейсах информационного противоборства.

Структурно-коммуникативный подход позволил раскрыть механизм функционирования политического медиадискурса как инструмента: сформулировать принципы, выделить структуры и функции. Среди элементов медиадискурса выделяют субъектов политической коммуникации, коммуникативные стратегии, ценностные и идеологические установки, ментальную модель идентификации «свой» – «чужой», манипулятивные медиатехнологии продвижения «образа врага», формирование эмоционально-психологического состояния враждебности и страха, лингвистические средства,

жанр медиадискурса. Отличительной особенностью политического медиадискурса вражды являются коммуникативные стратегии противопоставления и стратегии дискредитации, демонизации и дегуманизации противника. Инструментальный подход позволяет обозначить коммуникативную стратегию ключевым элементом политического медиадискурса вражды, который определяет цель политических субъектов. Коммуникативная стратегия медиадискурса определяет выбор элементов на каждом структурном уровне. Политический медиадискурс вражды использует жанры аналитической публицистики: аналитическую статью, обвинение, журналистское расследование. При анализе удалось выделить следующие функции медиадискурса вражды: информационную, кратологическую, агональную, персуазивную, суггестивную, идеологическую, манипулятивную, производительную, мобилизующую, легитимации противостояния и когнитивную функцию создания дихотомической виртуальной политической реальности «свой» – «чужой». Политический медиадискурс вражды обладает изначальной ангажированностью и предвзятостью. Выделение структурных компонентов и функций медиадискурса позволяет построить собственную методику дискурс-анализа медиаисточников.

Агрессивные технологии манипулирования являются частью механизма политического медиадискурса вражды как инструмента информационного противоборства, с их помощью происходит продвижение политического медиадискурса вражды. Могут быть задействованы самые разные технологии воздействия. Из-за ориентации на эмоционально-чувственную сторону человека применяются приёмы воздействия на когнитивный уровень массового сознания – идеологемы, мифологемы, стереотипы. Наиболее частым способом влияния в политическом медиадискурсе вражды оказывается «наклеивание ярлыков». В силу собственной сущности медиадискурса особой значимостью обладают лингвистические средства: слова-классификаторы, метафоры, эвфемизмы, синекдоха. В условиях интенсивного развития виртуального политического пространства получили распространение новые технологии медиаэффектов –

интерпретация повестки дня, прайминг, фрейминг, импринтинг, а также дискурс фейков, постпамяти, постправды. Основной функцией технологий манипулирования политического медиадискурса вражды является обеспечение враждебного эмоционального фона.

Глава 2. СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА ВРАЖДЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

2.1 Методика структурно-коммуникативного анализа политического медиадискурса вражды

Особенность инструментального подхода заключается в том, что специфика функционирования и эффективность политического медиадискурса вражды как инструмента информационного противоборства раскрывается на примерах. Для этого требуется методика анализа источников массмедиа. Были установлены ключевые элементы данного медиадискурса. Существующая модель структурно-коммуникативного плана, состоящая из шести планов, для нашей работы не применима²²⁹. Это связано со сложностью отражения запечатлений осадочного плана. Требуется методика, ориентированная на медиатекст – узел коммуникации, соединяющий вербальную и невербальную части политического медиадискурса.

Наше исследование ориентируется на изучение публикаций англоязычной прессы. Массмедиа по-прежнему являются самым мощным инструментом влияния на общественное мнение и происходящие политические процессы. Глобальные зарубежные издания задают новостную повестку, обладают деловой репутацией, большим охватом аудитории, индексом цитирования и количеством гиперссылок на их новости в социальных сетях, поэтому возможности их влияния на события выше, чем у других каналов распространения информации.

²²⁹Русакова О.Ф. Дискурс-анализ публичных коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 187-204.

Интернет является доминирующей платформой потребления новостей, поэтому были отобраны статьи с сайтов англоязычных изданий.

Е. А. Кожемякин разобрал медиадискурс на элементы, которые являются более подходящими для анализа текста медиаисточников²³⁰. Исследователь во время анализа должен ответить на определённые вопросы. При каких условиях и какими средствами конструируется смысл на уровне медиатекста? Какое действие совершает дискурс в отношении реальности – репрезентирует, изменяет, подтверждает, отрицает или объясняет реальность? Как происходит переход из специфической дискурсивной области в область «здравого смысла» и «повседневного дискурса»? Как и почему легитимируются те или иные смыслы и значения? Как структурируются адресантные и адресатные группы коммуникантов с помощью организации дискурса? Кто имеет право высказываться и как легитимируется это право? Как происходит классификация объектов и суждений о них? Как на уровне языка, текста, аргументации и стиля закрепляются культурные, социальные и политические смыслы?

В работе по созданию собственной модели анализа применялась методика, состоящая из элементов, обозначенных в теоретической части. Дискурс-анализ источников массмедиа выполняет несколько функций: описание и понимание процессов создания, обмена и дифференциации смыслов в пространстве массовой коммуникации, иерархизации репрезентаций, легитимации определённого опыта и практик. Задачами дискурс-анализа массмедиа является определение степени предвзятости медиатекстов, степени их включённости в определённый контекст, а также степени включённости в совместное конструирование смыслов аудитории, журналистов и других участников массовой коммуникации. Главный вопрос дискурс-анализа заключается в ответе на вопросы, как получилась именно такая модификация дискурса и к каким культурным, социальным и прочим последствиям она приводит? Идея дискурс-

²³⁰Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 12(83). Выпуск 6. – С. 13-21.

анализа воплощается в том, что замысел сообщения конструируется непосредственно в ходе использования языка.

Медиадискурс имеет свои составляющие. Мотив субъектов массовой коммуникации определяется целью. Целями медиадискурса являются описание действительности, её объяснение (интерпретация), регулирование (принуждение или ограничение) деятельности адресатов, воздействие на сознание адресатов, оценка действительности, прогнозирования положения дел.

Медиадискурс находится в модальности определённой предметной области. Медиадискурс описывает, объясняет, прогнозирует то, что воспринимается, как реальный объект и вокруг чего строятся рациональные суждения. Предметная область медиадискурса описывает концепты, которые включают его тематическое и смысловое ядро. Выражение целей и предметной области медиадискурса реализуется в когнитивной процедуре медиадискурсивной практики. Когнитивная практика отражает описательные и конструирующие функции. Познание в дискурсивной практике показано с помощью отражения и копирования, а также опосредованными операциями за пределами чувственного опыта - репрезентацией, категоризацией, интерпретацией, конвенцией. Когнитивные процедуры медиадискурса включают в себя гетерогенность (соединяет логико-методологические и творческие процедуры), степень интерсубъектности²³¹.

Цели медиадискурса конкретизируются в характеристиках коммуникативного плана. Частью смысловой структуры медиадискурса являются статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные особенности участников взаимодействия, условия передачи и получения медийных сообщений, стратегии и способы коммуникации. Наличие или отсутствие контроля над процедурами трансляции материала несёт определённое сообщение аудитории.

²³¹Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 12(83). Выпуск 6. – С. 13-21.

Предметная область медиадискурса выражается в конкретных знаково-символических формах – языковых единицах, речевых актах, средствах выражения. В этой сфере обнаруживается зависимость типа медиадискурса со степенью семантической определённости его языковых единиц. Чем больше медиадискурс ориентирован на описание действительности, тем более однозначными и экспрессивно нейтральными являются лексические единицы. Цель воздействия предполагает широкое использование семантически неточных лексических единиц.

Языковые единицы, речевые акты и средства выражения образуют текстовое единство. Текст является результатом и инструментом дискурсивной практики. Изучение смысловой структуры медиадискурса осуществляется при условии анализа текста в качестве предмета исследования. Идентификация цели, типа объектов, характер использования языковых единиц и средств выражения осуществляется в момент интерпретации медиадискурса, как текста. В определённых типах дискурса доминируют определённые виды и типы текста.

Медийный текст может приобретать смысловые оттенки в зависимости от различных контекстов. Можно выделить грамматический контекст, который выражен в формально-логической, лингвистической связи между высказываниями в медиадискурсе. Экзистенциальный контекст актуализирует мир личностно-значимых для участников состояний и событий, к которому относится текст медиадискурса. Ситуационный контекст актуализирует область деятельности и статусно-ролевые отношения. Социально-исторический контекст актуализирует область «метазначений», характерной для конкретной исторической эпохи и культурной формации. Различные типы медиадискурса различаются степенью значимости интерпретации контекста²³².

²³²Кожемякин Е.А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №3. – С. 5-17. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 12(83). Выпуск 6. – С. 13-21.

В зависимости от структуры медиадискурса можно выделить дискурс-анализ массмедиа по направлениям: целевой, предметно-тематический, когнитивный, коммуникативный, лингвистический, семиотический (текстовый), контекстуальный анализ медиадискурса. Для понимания функций медиадискурса нужно осуществлять комплексный дискурс-анализ публикаций массмедиа так, как содержание всех параметров медиадискурса тесно взаимосвязаны между собой.

Начать структурно-коммуникативный анализ дискурса публикаций англоязычных изданий по представлению образа России следует с раскрытия общего структурного содержания его медиадискурса. Аналитический жанр определяет структуру расположения элементов политического медиадискурса вражды. Он представлен в виде аналитической статьи, мнения, комментария. Аналитическая статья в функциональном плане направлена на воздействие аудитории и представлена в виде аргументации, доказательства и рассуждения²³³. Языковые средства и приёмы осуществляют следующие функции: эмоционально-экспрессивную, оценочную, прогнозирующую, рекламную. Основная задача аналитической статьи – объяснить читателю общественную и личную значимость событий и ситуаций, явлений, инициировать над ними размышления. Содержательными сторонами аналитической статьи являются: описание и оценка проблемной ситуации, выяснение причин возникновения проблемы (барьеры, препятствия, задачи), установление и поиск путей устранения, решения проблемы или возможных действий и т.п.

Цель аналитической статьи заключается в отражении актуально значимых событий. Они насыщены интертекстуально из-за демонстрации взаимосвязи и взаимозависимости с другими источниками. Жанр статьи показывает важные проблемы, стратегические и тактические интенции участников событий. Аналитические публикации пользуются аналогиями с прошлым, отсылкой к

²³³Цит. по: Борисова С.С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста (на материале немецкого языка): дисс. ... к. филол. н. Орел, 2016. – С. 66-108.

мнению авторитетных людей, опорой на достоверные источники. Автор публикации устанавливает связи между отдельными фактами. Аргументация в аналитической статье является многоуровневой структурой в виде фрейма с обязательными узлами (тезис и два аргумента), факультативными узлами (субтезисы, субаргументы). С композиционной точки зрения выделяют прогрессивную и регрессивную аргументацию. Прогрессивная аргументация строится по принципу: аргументы – точка зрения, регрессивная – точка зрения – аргументы. В регрессивной аргументации также происходит опровержение тезиса главного оппонента. Аналитическая статья использует яркие заголовки для привлечения внимания.

Характеристиками аналитической статьи являются размер, оформление, заголовков, фотографии, таблицы, графика, вводная часть, тезис, примеры, заключительная часть, актуальная информация, мнение, рекомендации, исходная информация (бэкграунд), прогнозы, анализ событий, оценка событий, экспрессивность. Аналитическая статья включает в себя следующие жанры: комментарий, передовую статью, критику, дискуссию, мнение эксперта, портрет²³⁴.

С. Ю. Гаврилина и И. В. Сурма обратили внимание на то, что субъектом политического медиадискурса вражды информационного противоборства России оказались политические и военные элиты недружественных стран. Массмедиа США и Великобритании продвигали антироссийскую повестку государственных структур. Под военным руководством этих стран была сформирована информационная структура ЦИПСО в Украине, которая осуществляла информационные операции с использованием манипулятивных технологий. Сюжеты с использованием технологии фейков попадали в издания англоязычной прессы²³⁵.

²³⁴Цит. по: Борисова С.С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста (на материале немецкого языка): дисс. ... к. филол. н. Орел, 2016. – С. 66-108.

²³⁵Гаврилина С.Ю., Сурма И.В. Государство и СМИ Великобритании: форма взаимодействия // Современная Европа. – 2020. – №1. – С. 49-58.; Сурма И.В. Возрастание фактора информационно-психологической войны в условиях эскалации украинского кризиса / И.В. Сурма // Вестник Академии военных наук. – 2022. – № 2 (79). – С. 33-36.

Е. А. Никонова обратила внимание на специфику жанра аналитической статьи в англоязычных массмедиа. С её точки зрения существует различие между этим жанром в отечественных и зарубежных медиаисточниках. Отечественный жанр аналитической статьи обладает такими чертами, как индивидуальность, полемичность, экспрессивность. Англоязычные медиа представляют различные точки зрения, делают обзор фактов и событий. Тут существует свобода жанра. Выделяют такие рубрики жанра, как *analysis* (аналитика), *opinion* (мнение), *comment* (комментарий), *editorial* (редакторская статья), *lead* (аннотация), *cover story* (заглавная статья). По своей структуре автор выделяет в аналитической статье следующие черты: чёткую структуру, разносторонний анализ, оценочность, фактологичность²³⁶.

Если статья представляет жанр обвинения, то в структурном плане нужно выделить обвинителя, пострадавшего, обвиняемого, основание для обвинения, коммуникативную цель, наличие доказательной базы, перлокутивный эффект воздействия, реактивное высказывание оправдания. Признаками жанра является большое количество обвинений в публикации. Для анализа журналистских расследований стоит обращать внимание на их цели и задачи, используемые методы и источники информации, проверку информации, соотношение оценочного и фактического материала, предоставлялось ли мнение всем сторонам конфликта. При этом необходимо учитывать достоверность информации, заинтересованность в поддержке одной из политических сторон, формирование образов противника.

И. В. Фролова на примере российской и британской прессы обозначила принципы предвзятости и субъективности сетевых изданий:

- 1) использование оценочных слов;
- 2) обобщение мнения отдельных лиц в общее мнение;
- 3) выборочный отбор информации;

²³⁶Никонова Е.А. Функциональный аспект аналитической статьи (на примере англоязычного политического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2019. – №2. – С. 43-47.

- 4) прямое указание на маргинальный статус, сомнительность объекта без отсылки к субъекту высказывания;
- 5) использование средств усиления/ослабления категоричности;
- 6) отсутствие связи между тезисом и аргументом;
- 7) цитирование мнений, совпадающих с позицией журналиста или издания массмедиа.

Спецификой политического медиадискурса вражды британских массмедиа стало то, что они часто используют негативно-оценочную лексику, а это отражает степень предвзятости журналистов. Тексты с элементами предвзятости являются широко распространёнными в российском и британском политическом дискурсе²³⁷.

В рамках дискурс-анализа можно выделить следующие параметры медиадискурса: цель публикации, предметная область политических событий, когнитивные процедуры, коммуникативные характеристики, знаково-символьные формы (языковые единицы, речевые акты, средства выражения), текст и контекст, невербальные элементы. Для понимания механизма функционирования политического медиадискурса вражды как инструмента информационного противоборства с Россией проводился комплексный анализ всех составляющих элементов. Ключевыми признаками политического медиадискурса вражды являются коммуникативные стратегии противопоставления, стратегии дискредитации, демонизации, дегуманизации противника, а также наличие сталкивающихся политических образов.

Перед анализом параметров медиадискурса нужно выделить следующие элементы:

1. Издание (характеристика издания, идеология) и автор публикации;
2. Описание событий;
3. Противостоящие политические стороны и их образы;

²³⁷Фролова И.В. О выражении субъективности в аналитических статьях качественной британской и российской прессы // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 138-143.

4. Национальные стереотипы, предрассудки, политические мифы, идеология;
5. Затронутые эмоции;
6. Агональная лексика и риторические средства;
7. Манипулятивные технологии и приёмы.

Признаками политического медиадискурса вражды аналитического жанра публикации будут выступать:

1. Противостоящие образы политических субъектов;
2. Коммуникативные стратегии противопоставления сторон и негативная стратегия к противнику;
3. Лингвистические элементы (коммуникативный акт обвинения, агональная лексика, экспрессивные риторические средства);
4. Враждебная идеология, убеждения, стереотипы, мифы;
5. Манипулятивные технологии и приёмы воздействия;
6. Ограничения и запрет на альтернативные точки зрения для доступа к дискурсу противостоящей стороны.

Для выявления характерных особенностей, функций и приёмов политического медиадискурса вражды использовались англоязычные публикации со страниц сайтов газет. Для анализа выбирались наиболее популярные и влиятельные издания США и Великобритании: The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal, USA Today, The Guardian, The Financial Times, The Daily Mail, The Independent. Выбор изданий также был связан с возможностями доступа. Пять из восьми изданий имеют платную подписку, кроме USA Today, The Daily Mail. Также газета The Guardian при платной подписке сохраняет облегчённый доступ к своим публикациям для читателей. Отбор публикаций проходил по принципу тематической направленности и наличия элементов политического дискурса вражды. При анализе публикаций в некоторых случаях помощь с доступом оказывали сайты ИноСМИ, Инопресса с последующим выходом на англоязычную версию. Они обладали наибольшим объёмом политического медиадискурса вражды. В

описании крымских событий и конфликта на Донбассе анализ доли враждебных публикаций против России определялся по содержанию статей, опубликованных за день на сайте Инопрессы за указанные периоды. После набора базы публикаций проводился анализ на наличие элементов медиадискурса вражды. Структурно-коммуникативный подход осуществлялся для анализа 73 из 185 статей сформированной базы, которые должны показать типичные черты политического медиадискурса вражды значимых событий указанных временных периодов. Трансформация политического медиадискурса вражды против России включала события военно-политического противостояния в Украине в 2014 и 2022 году во время крымских событий, вооружённого конфликта на Донбассе, событиям в городе Буча. Выбор случаев был связан с различной природой противоборства России. Крымский кризис 2014 года носил характер политико-дипломатического и экономического давления на Россию. Вооружённый конфликт на Донбассе 2014 года сочетал в себе применение военных действий и дипломатическое урегулирование. События в Буче 2022 года носили исключительно военный характер, произошёл отказ от дипломатического решения конфликта.

Чтобы определить место и роль сетевых изданий США и Великобритании потребовались социологические исследования и рейтинги. Согласно опросу социологического агентства Pew Research Center, занимающийся исследованиями медиа, в 2020 году еженедельно сайты газет в США посещали 24,3 млн. пользователей, 50 крупнейших газет – 13,9 млн. пользователей²³⁸. В исследовании отмечается, что в 2016 году общий ежегодный тираж газет в США в 2016 году составлял 34,7 млн. изданий, в 2020 году он составил 35,6 млн. газет, из которых 11,3 млн. был у газет The New York Times и The Wall Street Journal. Крупнейшими газетами в США исследование называет The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal. Количество посетителей сайтов топ-50 газет за это время увеличилось с 8,2 до 13,9 млн. пользователей. Читатели с 2014

²³⁸Newspaper fact sheets. — 29.06.2021. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/newspapers/> (дата обращения 05.05.2022г.).

по 2020 год тратят меньше времени на чтение сайтов 50 крупнейших газет – с 2,59 до 1,82 минуты. Эти данные показывают, что в США газеты остаются важным источником информации, всё больше пользователей пользуются сайтами изданий.

По опросу Pew Research Center в октябре 2019 года в США основным источником информации оставались телеканалы. После них следовали издания газет, интерес опрошенных среди них вызывали: The New York Times – 20%, The Washington Post – 17%, The Wall Street Journal – 13%, USA Today – 11%, The Guardian – 6%. По партийно-идеологическому принципу The New York Times, The Washington Post, The Guardian склонны к либеральной идеологии, а USA Today и The Wall Street Journal к умеренно-либеральной идеологии, больше близки к идеологическому центру. По убедительности все указанные издания воспринимались аудиторией, как правдивые. Соотношение доверия и недоверия у изданий прессы США было следующим: The Wall Street Journal (31% доверяли, 13% - не доверяли), у USA Today (28% доверяли, 16% не доверяли), The New York Times (35% доверяли, 22% не доверяли), The Washington Post (30% доверяли, 21% не доверяли), The Guardian (11% доверяли, 8% не доверяли). Общенациональные издания в США имели высокую известность: USA Today знали 85% опрошенных, The New York Times – 83%, The Washington Post – 80%, The Wall Street Journal – 79%, британскую The Guardian – 49%²³⁹.

Институт исследования журналистики «Рейтер» выпустил в 2021 году доклад. Он обратил внимание на тенденции в развитии информационных процессов. В мировом медиапространстве доминировали теленовости, но в США и Великобритании больше всего интересовали новости сайтов массмедиа: в Великобритании – 74%, в США – 66% опрошенных. Платный контент не пользовался популярностью у аудитории: в Великобритании им пользовались 8% опрошенных, в США – 21%. В США среди известных брендов за новости

²³⁹Report Pew Research Center U.S. Media Polarization and the 2020 Election: A Nation Divided. – 24.01.2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/journalism/2020/01/24/u-s-media-polarization-and-the-2020-election-a-nation-divided/> (дата обращения 05.05.2022г.).

платили 31% подписчиков The New York Times, 24% подписчиков у The Washington Post и 7% у The Wall Street Journal. В Великобритании за новости платили 20% подписчиков The Telegraph, 19% – The Times, 15% – The Guardian. Доверие к медиа в этих странах в 2020 году было невысоким: в Великобритании доверяли 36% опрошенных, в США – 29%. Рейтинг популярности сайтов газетных изданий в Великобритании был следующим: The Guardian пользовались 17% опрошенных, Daily Mail – 14%, The Independent – 6%, The Telegraph – 6%, The Sun – 5%, The Mirror – 5%, The Times – для 4% опрошенных. В США популярными были сайты изданий: The New York Times – 15%, The Wall Street Journal – 12%, USA Today – 8%. В Великобритании большинство опрошенных отмечали ложность изданий Daily Mail, The Daily Mirror, The Sun. В США среди газет к таким никто не относился²⁴⁰.

Также был проведён анализ сайтов выбранных газет на платформе Similarweb²⁴¹. В США данные социологии показывают, что 82% интересуются новостями на страницах сайтов газет, лишь 33% читают печатные газеты²⁴². Аудиторией печатной прессы чаще являются пожилые люди, а сайтов газет – молодёжь до 35 лет. Данные сайтов прессы показывают, что все выбранные страницы являются лидерами глобальных медиа. Аудиторией сетевых изданий являются преимущественно мужчины молодого возраста до 45 лет. На глобальном уровне американские медиа ориентируются на свою национальную аудиторию, британские медиа – на британскую и американскую аудиторию. Для британской прессы доля читателей не из ТОП-5 стран оказывается, выше, чем среди американских медиа и составляет от 20% до 40% пользователей. Адресатом ведущих сетевых изданий США и Великобритании становится глобальная англоязычная аудитория США, Великобритании и стран Британского

²⁴⁰Digital News Report 2021. – Reuters Institute. 23.06.2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2021-06/Digital_News_Report_2021_FINAL.pdf (дата обращения 05.05.2022г.).

²⁴¹Платформа анализа интернет-трафика Similarweb. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.similarweb.com/ru/> (дата обращения 07.11.2022г.).

²⁴²News Platform Fact Sheet. – 20.09.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/news-platform-fact-sheet/#panel-5a0b8b87-38bc-42d6-ba8d-2e666200e534> (дата обращения 07.11.2022г.).

содружества (Канада, Австралия, Индия и т.д.). Рейтинг посещения других сайтов пользователей данных газет показывает, что аудитории пересекается между собой.

Таблица 1. Рейтинги и аудитория сайтов страниц изданий прессы США и Великобритании.

Газета	Сайт газеты	Глобальный рейтинг сайта и рейтинг среди СМИ в сентябре 2022 года.	Посещение сайта за месяц	Страны аудитории газеты
The New York Times	www.nytimes.com	79 (Новости США - 2)	618,6 млн. посещений	США 75,84% Канада 3,95% Великобритания 3,11% Австралия 2,05% Германия 0,93%
The Washington Post	www.washingtonpost.com	262 (Новости США - 7)	185,0 млн. посещений	США 84,28% Канада 2,80% Великобритания 1,31% Австралия 1,05% Индия 0,60%
The Wall Street Journal	www.wsj.com	877 (Новости США - 21)	73,3 млн. посещений	США 77,52% Канада 2,23% Япония 1,96% Китай 1,52% Великобритания 1,31%
USA Today	www.usatoday.com	358 (Новости США - 9)	122,7 млн. посещений	США 84,64% Канада 3,49% Великобритания 1,35% Австралия 0,85% Индия 0,60%
The Guardian	www.theguardian.com	111 (Новости Великобритании - 2)	384, 2 млн. посещений	Великобритания 37,50% США 22,70% Австралия 7,13% Канада 3,57% Германия 2,35%
Daily Mail	www.dailymail.com	123 (Новости Великобритании - 3)	411,6 млн. посещений	Великобритания 36,57% США 36,50% Австралия 4,44% Канада 2,67% Германия 1,17%
The Financial Times	www.ft.com	200 (Финансы - 3)	33,5 млн. посещений	Великобритания 36,14%

				США 16,74% Германия 2,86% Франция 2,52% Индия 2,39%
The Independent	www.independent.com	631 (Новости Великобритании – 11)	89,8 млн. посещений	Великобритания 41,70% США 29,69% Канада 3,79% Австралия 2,45% Индия 1,50%
Газета	Половой состав аудитории	Возраст аудитории	Лидер рейтинга интересов аудитории	Рейтинг других посещаемых сайтов.
The New York Times	Женщины 45,4% Мужчины 54,6%;	18-24 года 19,67%; 25-34 года 27,89%; 35-44 лет 18,39%; 45-54 лет 14,43%; 55-64 лет 11,40%; Старше 65 лет 8,22%.	Новости и СМИ	en.wikipedia.org; theguardian.com; washingtonpost.com; twitter.com; bbc.com ²⁴³
The Washington Post	Женщины 40,7% Мужчины 59,3%	18-24 года 15,94%; 25-34 года 24,67%; 35-44 лет 18,42%; 45-54 лет 15,72%; 55-64 лет 14,44%; Старше 65 лет 10,81%.	Новости и СМИ	nytimes.com; theguardian.com; bbc.com; en.wikipedia.org; reuters.com
The Wall Street Journal	Женщины 35,5% Мужчины 64,5%	18-24 года 15,28%; 25-34 года 27,84%; 35-44 лет 19,96%; 45-54 лет 14,97%; 55-64 лет 12,63%; Старше 65 лет 9,32%.	Новости и СМИ	bloomberg.com; nytimes.com; ft.com; reuters.com; cnbc.com
USA Today	Женщины 34,8% Мужчины 65,2%	18-24 года 16,40%; 25-34 года 24,53%; 35-44 лет 18,84%; 45-54 лет 16,61%; 55-64 лет 14,10%; Старше 65 лет 9,52%.	Новости и СМИ	espn.com; nytimes.com; washingtonpost.com; si.com; cbssport.com;
The Guardian	Женщины 41,6% Мужчины 58,4%	18-24 года 18,33%; 25-34 года 27,88%; 35-44 лет 18,57%; 45-54 лет 14,54%; 55-64 лет 11,67%; Старше 65 лет 9,02%.	Новости и СМИ	en.wikipedia.org; bbc.com; nytimes.com; twitter.com; dailymail.co.uk

²⁴³ Сайт внесён Минюстом РФ в реестр СМИ-иностранцев.

Daily Mail	Женщины 39,7% Мужчины 60,3%	18-24 года 16,10%; 25-34 года 25,59%; 35-44 лет 17,96%; 45-54 лет 15,60%; 55-64 лет 13,61%; Старше 65 лет 11,13%.	Новости и СМИ	theguardian.com; en.wikipedia.org; thesun.co.uk; bbc.com; mirror.co.uk
The Financial Times	Женщины 36,1% Мужчины 63,9%	18-24 года 16,84%; 25-34 года 31,87%; 35-44 лет 20,22%; 45-54 лет 13,89%; 55-64 лет 9,94%; Старше 65 лет 7,24%.	Новости и СМИ	bloomberg.com; reuters.com; theguardian.com; wsj.com; nytimes.com
The Independent	Женщины 38,9% Мужчины 61,1%	18-24 года 17,30%; 25-34 года 28,12%; 35-44 лет 18,39%; 45-54 лет 14,94%; 55-64 лет 12,10%; Старше 65 лет 9,15%.	Новости и СМИ	theguardian.com; dailymail.co.uk; bbc.com ²⁴⁴ ; nytimes.com; reuters.com

Из этих исследований и рейтингов можно сделать определённые выводы. Доля англоязычной аудитории читателей сайтов газет растёт, виртуальная пресса по охвату аудитории превосходит телевидение. Но в рейтинге популярности сайты газет уступают телеканалам. Среди читателей интересом пользуются издания с бесплатными новостями. В США среди газет самими популярными остаются The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal, USA Today. В Великобритании на первом месте по интересу аудитории находится The Guardian, она пользуется популярностью и в США. Дальше идёт Daily Mail, а газеты The Independent, The Telegraph, The Sun, The Mirror, The Times близки к минимальным показателям интереса. Поэтому при анализе британских источников выбор делался в пользу The Guardian и Daily Mail, как наиболее влиятельных и популярных газет в виртуальном медиапространстве. Для остальных изданий с условиями платной подписки, анализ был возможен при наличии у публикации альтернативного доступа. К жёсткому режиму чтения относится газета The Financial Times. Большинство мейнстримных массмедиа по

²⁴⁴Сайт внесён Минюстом РФ в реестр СМИ-иностранцев.

идеологическому принципу являются неолиберальными. Рейтинговые массмедиа пользуются относительным доверием аудитории. Эти данные показывают, что известные издания в США и Великобритании имеют влияние на общественное мнение и оказывают воздействие на принятие государственных решений. В нашей работе для анализа политического медиадискурса вражды брались публикации ведущих газет США и Великобритании, занимавших доминирующее положение в медиапространстве своих стран и способных оказать воздействие на общественное мнение и принятие политических решений на национальном и международном уровне. Стоит обратить внимание на то, что в Великобритании позиция массмедиа по вопросам международной политики зависит от правительства²⁴⁵.

Таким образом, за основу была взята модель структурно-коммуникативного анализа медиадискурса Е. А. Кожемякина. К параметрам анализа относятся жанр аналитической публицистики, автор публикации, цель, выбор событий, коммуникативные стратегии, лексика, лингвистические средства и манипулятивные технологии, контекст, невербальные элементы. Анализ источника массмедиа должен включать характеристики по следующим параметрам: автор, призывы к действиям, наличие враждующих сторон, агональные концепты, наличие когнитивных элементов политики и идентичностей (стереотипы, предрассудки, убеждения), текст образует целостную идеологию или использует отдельные идеологемы вражды, использование автором эмоций. Для лингвистических элементов требуется обратить внимание на лексику, риторические средства с особым вниманием к метафорам, использование коммуникативного акта обвинения. Признаками, которые бы относили источник к политическому медиадискурсу вражды, можно считать: коммуникативные стратегии противопоставления, дискредитации, демонизации и дегуманизации; выделение противостоящих групп; наличие побудительных конструкций к конфронтационной группе; использование рядов

²⁴⁵Гаврилова С.Ю., Сурма И.В. Государство и СМИ Великобритании: форма взаимодействия // Современная Европа. – 2020. – №1 (94). – С. 49-59.

агональных терминов и концептов; наличие экспрессивных средств, враждебных убеждений и ограничение доступа для источников с альтернативными точками зрения. Воздействие политического медиадискурса вражды должно фиксироваться на примерах манипулятивных технологий. Для выявления характерных особенностей политического дискурса вражды использовалась база публикаций известных англоязычных изданий США и Великобритании. Выбор случаев для анализа заключался в различном характере событий: крымский кризис 2014 года имел политико-дипломатическое и экономическое давление на Россию, в период конфликта на Донбассе военные действия развивались параллельно с дипломатическим урегулированием, события в Буче 2022 года имели исключительно военный характер с отказом от дипломатического решения.

2.2 Реализация политического медиадискурса вражды при освещении Крымского кризиса 2014 года

После вооружённой смены власти в Украине произошёл переход Крыма в состав России в марте 2014 года, который вызвал политическую конфронтацию России с Украиной и недружественными государствами. Данное событие вызвало широкий международный резонанс. Подбор публикаций ограничен временными рамками от захвата здания крымского парламента до обращения Президента РФ В. Путина Федеральному собранию (период с 27 февраля до 20 марта 2014 года). По теме перехода Крыма в состав России было проанализировано 25 статей известных изданий США и Великобритании: The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal, USA Today, The

Guardian, Daily Mail, The Financial Times²⁴⁶. Они обобщают типичные технологии политического медиадискурса вражды других изданий и обладают важной чертой влияния на медиaprостранство. Выбор публикаций определялся несколькими параметрами: известное и влиятельное издание медиа, тематическое соответствие описания событий крымского кризиса 2014 года, наличие элементов политического медиадискурса вражды. Политическая интерпретация и маркировка событий в массмедиа имела ангажированный характер, что отразилось на лексическом и стилистическом уровне. Обозначение событий в нашей работе учитывает данную специфику англоязычных изданий, оригинальное название событий в медиа из-за их противоречивости имеет политизированный характер, что не отражает позицию автора, придерживающегося принципа нейтрального исследователя.

Среди выбранных сетевых изданий выделяются общенациональные (USA Today), общественно-политические (The New York Times, The Guardian и др.), деловые (The Wall Street Journal, The Financial Times). Деловые газеты отличаются большим интересом к экономическим новостям. Во всех изданиях есть рубрика *opinion* (мнение), где отражается позиция журналистов. Только Daily Mail использует колонки новостей чужих изданий – Reuters и Associated Press (AP). Публикации авторов издания идут под отдельной рубрикой *news article* (новостная статья). Британская газета The Guardian группирует статьи по тематическим названиям (например, Russia, Ukraine, Crimea).

Большинство материалов относилось к жанру аналитической статьи. Их можно сгруппировать по разделам на простой аналитический разбор; мнение и послание политика или эксперта²⁴⁷; статьи с доминирующим приёмом (примеры

²⁴⁶Медиакорпорация The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com> ; Медиаорганизация The Washington Post [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com>; Деловое издание The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.wsj.com>; Медиаорганизация USA Today [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.usatoday.com>; Медиаорганизация The Guardian [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.theguardian.com/international>; Медиаорганизация Daily Mail [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/home/index.html>; Деловое издание The Financial Times [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ft.com>

²⁴⁷Bzhezinski Z. Zbigniew Brzezinski: After Putin's aggression in Ukraine, the West must be ready to respond // Washington Post, 3.03.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

– опровержение ложных высказываний президента России В. Путина²⁴⁸, демонстрация мнений простых жителей Крыма²⁴⁹). Публикации можно разделить на аналитические – с разбором аргументов и позиций сторон и на эмоциональные – с большим количеством призывов, обвинений и экспрессивных оборотов.

Только статью *Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia* («Напряжённость возрастает, Обама старается приструнить Россию») можно отнести к жанру обвинений²⁵⁰. Ключевые параметры раскрыты в приведённой ниже таблице. В большинстве случаев значительное количество обвинений в рамках дискурса вражды крымского кризиса не создавало жанр потому, что переход Крыма в состав России воспринимался неизбежным, поэтому повлиять на исход данного развития событий представлялось невозможным²⁵¹. Поэтому обвинения использовались в качестве коммуникативных актов.

https://www.washingtonpost.com/opinions/zbigniew-brzezinski-after-putins-aggression-in-ukraine-the-west-must-be-ready-to-respond/2014/03/03/25b3f928-a2f5-11e3-84d4-e59b1709222c_story.html (дата обращения 07.05.2022).; Freeland K. We must stop pussyfooting around Putin's regime // The Financial Times, 17.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/11a63228-abad-11e3-90af-00144feab7de#axzz2wDAESuW7> (дата обращения 07.05.2022).; Joffe J. Dear Vladimir: Congratulations! You Read My Book // The Wall Street Journal, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303824204579423133574513024> (дата обращения 07.05.2022).; Saakashvili M. Mikheil Saakashvili: The West must not appease Putin // The Washington Post, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/mikheil-saakashvili-the-west-must-not-appease-putin/2014/03/06/db9e0c82-a4a9-11e3-8466-d34c451760b9_story.html?hpid=z2 (дата обращения 07.05.2022).

²⁴⁸Kessler G. Fact Checking Vladimir Putin's speech on Crimea (video) // The Washington Post, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/fact-checker/wp/2014/03/19/fact-checking-vladimir-putins-speech-on-crimea/> (дата обращения 07.05.2022).; Luhn A. Five fibs from Vladimir: how Putin distorted the facts about Ukraine // The Guardian, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/04/vladimir-putin-interview-five-untruths> (дата обращения 07.05.2022).

²⁴⁹Resneck J., Bhatti J. Crimeans worry Russian takeover may be bad for business // USA Today, 2.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/02/ukraine-russia-crimea-economy-reaction/5945987/> (дата обращения 07.05.2022).; Vartanyan O., Barry E. If history is a guide, Crimeans' celebration may be short-lived // The New York Times, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/03/19/world/europe/south-ossetia-crimea.html?hp&r=0> (дата обращения 07.05.2022).

²⁵⁰Baker P. Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia // The New York Times, 2.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/pressure-rising-as-obama-works-to-rein-in-russia.html?r=0> (дата обращения 07.05.2022).

²⁵¹Ukraine crisis is a poker game: Our view // USA Today, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2014/03/06/ukraine-vladimir-putin-crimea-obama-eu-editorials-debates/6144221/> (дата обращения 07.05.2022).

Таблица 2. Композиционная структура проанализированной публикации с позиции жанра обвинения

Параметр	Признаки
Обвинитель	Руководство США – Б. Обама, Д. Керри.
Пострадавший	Украина.
Обвиняемый	В. Путин и Россия.
Основание для обвинения	«Российская оккупация Крыма», как нарушение международного права.
Коммуникативная цель	Дискредитация России и В. Путина.
Наличие доказательной части обвинения	Примеры – штурм парламента Крыма и наличие военных без опознавательных знаков.
Перлокутивный эффект воздействия	Принятие политических санкций против России.
Реактивное высказывание оправдания	Позиция В. Путина по защите русскоязычного населения в Крыму после переворота в Киеве.

Авторами политического медиадискурса вражды крымского кризиса выступали политики, эксперты, журналисты. Среди политиков мнение и интервью давали З. Бжезинский, М. Саакашвили, К. Фриланд, среди интеллектуалов – Й. Йоффе. Отличительной чертой англоязычной прессы по крымской теме стало большое количество мнений русскоязычных авторов с оппозиционной для официальной власти России точкой зрения – М. Саакашвили, Г. Каспарова²⁵², В. Кара-Мурзы²⁵³ и т.д. Из-за согласованности позиций субъектом медиадискурса крымских событий были политические элиты США и Великобритании. Со структурно-композиционной стороны статьи носят характерный для англоязычного медиадискурса произвольный характер и ориентируются на редакционную политику издания. Самой распространённой композицией аналитических статей является структура тезис – аргументы. Статья может быть построена по принципу послания к политическому лидеру, сравнения ситуаций, обозначения собственного мнения, проверка выступления

²⁵²Внесён Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

²⁵³Признан лицом со статусом иностранного агента.

на достоверность фактов (фактчекинг)²⁵⁴. В газете USA Today используют аннотацию краткого содержания. В отдельном случае публикация автора имела размытый вывод²⁵⁵. Для некоторых статей характерно наличие антитезиса. С содержательной стороны используются такие элементы, как описание фактов, цитаты, мнения, рекомендации, прогнозы, исторические аналогии, опровержения. Строго характера наличия всех элементов структура статей не имеет.

Таблица 3. Композиционная структура проанализированных публикаций с позиции жанра аналитической статьи

Формальные признаки	
размер	короткий, средний, длинный – преимущественно средний
оформление (внешний вид)	не броское
заголовок	основной заголовок
дополнительно	чаще используется одна фотография, реже – подборка фотографий и видеороликов
Структурные признаки	
вводная часть	используется не всегда
тезис	всегда
аргументы/примеры	всегда
заключительная часть	используется не всегда
Содержательные признаки	
актуальная информация	всегда
мнение	присутствует
рекомендации	редко
исходная информация (бэкграунд)	присутствует
прогнозы	редко
оценка событий	всегда
анализ событий	всегда
экспрессивность	присутствует

В рамках целей политического медиадискурса вражды по противостоянию России в рамках крымского кризиса можно выделить следующие цели:

²⁵⁴Корнев М.С. Фактчекинг: от термина и понятия к словоупотреблению // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2020. – № 6. – С. 72-78.

²⁵⁵Kolyandr A. Crimea cold prove expensive acquisition for Russia // The Wall Street Journal, 7.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304732804579425110479303926> (дата обращения 07.05.2022).

дискредитация России, формирование общественного мнения стран Запада по противоборству России и прагматическая аспект воздействия на политическое руководство США, ЕС и НАТО по оказанию мер поддержки Украине в противостоянии России. Цели дискредитации России раскрываются через опровержение слов президента России В. Путина, доказательство нелегитимности референдума в Крыму, а также аргументов того, что включение Крыма в состав России нанесёт ущерб экономике России и региона и неправильным пониманием истории российским руководством. Формирование общественного мнения Запада по противоборству России проявляется в демонстрации военной агрессивности России, нагнетании страха эскалации конфликта между Россией и Украиной, желании нарушить сложившиеся нормы международного права, представлении риторической полемики между странами Запада и Россией. Цель медиадискурса по воздействию на руководство стран Запада по противоборству России выражается через призывы к введению экономических санкций против России и военной помощи Украине. Цели медиадискурса вражды против России в период крымского кризиса можно разделить на два типа: персуазивный – влияние на общественное мнение и политико-прагматический – оказание влияния на исполнительные органы власти и страны.

В указанный период времени были рассмотрены публикации новостной повестки дня. Крымский кризис на указанном временном промежутке усиливался в информационной картине дня в качестве одной из тем. Наблюдались, как нейтральные публикации в англоязычных статьях, так и дискурс вражды. На финальном этапе новостной повестки политический медиадискурс вражды крымского кризиса находился в доминирующем положении, его место в информационной картине изданий США и Великобритании стало подавляющим. Во всех статьях присутствует коммуникативная стратегия противопоставления, дискредитация образа России. Частным образом стратегия дискредитации проявляется в опровержения

публичных выступлений В. Путина, часто используются агональные термины и фразы, используются экспрессивные обороты.

Предметная область дискурса вражды массмедиа против России касалась таких событий, как захват парламента Крыма неизвестными вооружёнными лицами, действия российской армии в Крыму, отношение жителей Крыма к возможному включению в состав России, референдум в Крыму, экономическое положение Крыма после перехода полуострова в состав России, реакция властей США, Великобритании и стран ЕС на вмешательство России в дела Украины, введение санкций против России, заявления американских и российских властей по ситуации на Украине и в Крыму. Особой являлась реакция стран Запада на действия российских войск в Крыму и на пресс-конференцию В. Путина, а также его обращение к Федеральному собранию 18 марта 2014 года. Стоит отметить, что экспертный анализ отношений между Россией и странами Запада (США, ЕС, НАТО) получил в этот период широкое распространение.

Среди проанализированных публикаций можно найти образы, которые вступают между собой в противоборство. Это является одним из признаков политического медиадискурса вражды. Тут присутствуют образы стран, регионов и международных организаций: России, США, Украины, Крыма, ЕС, НАТО, ООН; образы политиков: В. Путин, Б. Обама. Также есть коллективные образы социальных, этнических и национальных групп: украинские чиновники, революционеры, крымские бизнесмены, крымские татары, украинские националисты, российские военные. Стоит обратить внимание на то, что тут выделяются также образы политических действий выделенных объектов, а также образ проведения референдума в Крыму, состояние отношений между Россией и Западом.

С точки зрения коммуникативной стратегии дискурса вражды массмедиа происходит дискредитация образа России, её противопоставление образу стран Запада – США и Европы. Крымский кризис связан с тем, что Россия с позиции недружественных стран нарушила принцип территориальной целостности Украины. Поэтому обвинения против России использовали военный и правовой

дискурс. Образ России разбивается на несколько элементов: образ президента В. Путина и его действий, образ России и её действий. Больше всего англоязычные массмедиа в указанный период времени уделяли внимание В. Путину и агрессивной внешней политике России.

В англоязычных массмедиа был сформирован агрессивный образ России. Страна представлялась как авторитарная и милитаристская. Используется аналогия исторического прошлого, где Россия обвиняется в захвате части грузинской территории в 2008 году через признание независимости Абхазии и Южной Осетии²⁵⁶. Россия нарушила международное право, введя дополнительные войска в Крым для его присоединения. Оценка перехода Крыма в состав России имела негативный характер. Для этого применяется приём навешивания ярлыков на Россию. Используются такие понятия, как «агрессия», «нарушение международного права», «нарушение суверенитета страны», «оккупация», «использование пропаганды». Также задействуются исторические аналогии – сотрудничество с Россией приравнивается к Мюнхенскому сговору с нацистской Германией 1938 года, используется сравнение с опытом «холодной войны». Главная черта политики России в медиадискурсе – мстительность. Она разжигает протесты на юго-востоке Украины, проводит реваншистскую неоимперскую политику, собирается ответить на санкции ЕС ограничениями в сфере энергетики²⁵⁷.

Из выбранных публикаций больше половины в своих заголовках употребляли фамилию российского президента. Сформированный в медиатекстах образ В. Путина носит детальный характер. Он включается в себя описание личных характеристик, образа действий, причин и мотивов произошедших событий – поддержка президента Украины В. Януковича, перехода Крыма в состав России, поддержка русских на юго-востоке Украины.

²⁵⁶Vartanyan O., Barry E. If history is a guide, Crimeans' celebration may be short-lived // The New York Times, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/03/19/world/europe/south-ossetia-crimea.html?hp&r=0> (дата обращения 07.05.2022).

²⁵⁷Crimea: Mr. Putin's imperial act // The Guardian, 18.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/mar/18/ukraine-vladimir-putin> (дата обращения 07.05.2022).

Используется номинация «диктатор» для описания статуса В. Путина²⁵⁸. Упоминается прошлый статус полковника КГБ. В образе большое количество личных черт характера: агрессивный, коварный, волевой человек с психологическими комплексами, безответственный, расчётливый и безжалостный. В представлении англоязычных массмедиа В. Путин сформировал иллюзорную реальность этнического разделения политики Украины для русских и украинцев из-за ошибок в области истории. Используются оскорбительные выражения: «*in another world*» («находится в другом мире»)²⁵⁹, «*schizophrenic of short stature*» («шизофреник невысокого роста»)²⁶⁰. Противопоставлению личных недостатков является описание сильных черт, чтобы показать во В. Путине угрозу. Это стратег с долгосрочными целями, человек с политической волей и военной мощью, его планы заранее подготовлены (план перехода Крыма в состав России)²⁶¹. В неолиберальном дискурсе политической чертой президента России выступает его коррумпированность.

Для представления В. Путина использовались разные форматы массмедиа. В статье Й. Йоффе *Dear Vladimir: Congratulations! You Read My Book* («Дорогой Владимир, поздравляю! Вы прочли мою книгу».) автор написал обращение к президенту России от имени Н. Макиавелли, называя его своим учеником²⁶². В статье Т. Шипмана и Я. Биррелла *Keep off our turf, Putin tells West as he annexes Crimea: Fears of a new Cold War after Russian president's defiant comments to*

²⁵⁸Bzhezinski Z. Zbigniew Brzezinski: After Putin's aggression in Ukraine, the West must be ready to respond // Washington Post, 3.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/zbigniew-brzezinski-after-putins-aggression-in-ukraine-the-west-must-be-ready-to-respond/2014/03/03/25b3f928-a2f5-11e3-84d4-e59b1709222c_story.html (дата обращения 07.05.2022).

²⁵⁹Baker P. Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia // The New York Times, 2.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/pressure-rising-as-obama-works-to-rein-in-russia.html?_r=0 (дата обращения 07.05.2022).

²⁶⁰Kaminski M. Why Putin Fears Ukraine: It's an Alternative Russia // The Wall Street Journal, 7.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303824204579423450214067982> (дата обращения 07.05.2022).

²⁶¹Dorell O. How the West lost Crimea // USA Today, 20.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/20/how-west-lost-crimea/6650567/> (дата обращения 07.05.2022).

²⁶²Joffe J. Dear Vladimir: Congratulations! You Read My Book // The Wall Street Journal, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303824204579423133574513024> (дата обращения 07.05.2022).

parliament («Путин во время аннексии Крыма призвал Запад держаться подальше: страхи новой Холодной войны после вызывающего обращения российского президента парламенту») проводится прямая аналогия между выступлением В. Путина перед Федеральным собранием для подписания договора о включении Крыма в состав России с выступлением А. Гитлера перед рейхстагом по судьбе Судетской области Чехословакии²⁶³.

Отдельно выделяются причины и мотивы действий В. Путина в отношении Крыма. Тут говорится о славянском единстве русских и украинцев, личной обиде за несправедливость Запада к России²⁶⁴. Среди причин выделяют захват земель, желание создать хаос и нарушить порядок²⁶⁵, а также нарастить личное богатство²⁶⁶. Авторы публикаций вступают в спор с позицией В. Путина для противопоставления признания Косово независимым и правом Крыма войти в состав России²⁶⁷.

Противоположными политическим образами выступают Запад и Украина. В медиадискурсе понятие Запад (США, ЕС, НАТО) подразумевает ценностную ориентацию на либеральные свободы. Позиция западных стран в период крымских событий оценивалась критично. Они не готовы были применить силу для сохранения мирового лидерства²⁶⁸. Политические лидеры с одной стороны дипломатичны – ведут переговоры с Россией, а с другой – вводят санкции. Основной призыв авторов публикаций носит политико-прагматический характер

²⁶³Shipman T., Birrell I. Keep off our turf, Putin tells West as he annexes Crimea: Fears of a new Cold War after Russian president's defiant comments to parliament // Daily Mail, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2583935/Keep-turf-Putin-tells-West-annexes-Crimea-Fears-new-Cold-War-Russian-presidents-defiant-comments-parliament.html> (дата обращения 07.05.2022).

²⁶⁴Bzhezinski Z. Zbigniew Brzezinski: After Putin's aggression in Ukraine, the West must be ready to respond // Washington Post, 3.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/zbigniew-brzezinski-after-putins-aggression-in-ukraine-the-west-must-be-ready-to-respond/2014/03/03/25b3f928-a2f5-11e3-84d4-e59b1709222c_story.html (дата обращения 07.05.2022).

²⁶⁵Baker P. Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia // The New York Times, 2.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/pressure-rising-as-obama-works-to-rein-in-russia.html?_r=0 (дата обращения 07.05.2022).

²⁶⁶McCew M., Maniatis G. Playing by Putin's tactics // Washington Post, 9.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/playing-by-putins-tactics/2014/03/09/b5233b90-a558-11e3-a5fa-55f0c77bf39c_story.html?hpid=z3 (дата обращения 07.05.2022).

²⁶⁷Kessler G. Fact Checking Vladimir Putin's speech on Crimea (video) // The Washington Post, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/fact-checker/wp/2014/03/19/fact-checking-vladimir-putins-speech-on-crimea/> (дата обращения 07.05.2022).

²⁶⁸Welcome to the 19-th Century // The Wall Street Journal, 18.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304914904579441752139339602> (дата обращения 07.05.2022).

– нужно отказаться признавать итоги референдума в Крыму, усилить экономическое давление на Россию и оказать Украине военную помощь. Образ США характеризуется, как образ лидера стран Запада. Руководство США показывается с одной стороны слабым – занято пустословием, с другой стороны технологичным – применяет технологические методы в прогнозировании дальнейших шагов России и В. Путина (психология жестов)²⁶⁹. Б. Обама выступает в роли лидера западного мира. Он проявляет решительность в виде угроз России и введении экономических и политических санкций. Используется идеологический ярлык для президента США – «либеральный интернационалист» для давления и перехода США к политике силы.

Образ Украины обозначается в качестве противоположного России. В общем описании страна обозначалась бедной и разделённой. Для президента Украины В. Януковича использовался ярлык «пророссийский». Протестующие, которые совершили революцию, обозначались сторонниками Европы. Правительство, которое было выбрано после революции, называлось легитимным. В противоположность России Украина называлась свободным и демократичным государством. В случае военной агрессии России Украина готова ответить. В подтверждение этого используются лозунги украинских националистов²⁷⁰. Массмедиа положительно оценивали храбрость граждан Украины отстаивать свою независимость. Возможность России давить на Украину представлена по причине её слабости – общего политического и культурного прошлого, зависимости от российского газа. Поэтому в некоторых публикациях Украина представляется в образе разменной монеты между Россией и Западом²⁷¹.

²⁶⁹Locker R. Pentagon studies Putin body language for hint of intent // USA Today, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2014/03/06/pentagon-studying-putins-body-movement-for-clues/6116281/> (дата обращения 07.05.2022).

²⁷⁰McPhedran C. Military tension high as Crimea holds referendum // USA Today, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/16/ukraine-crimea-referendum-politics/6485559/> (дата обращения 07.05.2022).

²⁷¹Ukraine and Russia: flaming the flames // The Guardian, 27.02.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/feb/27/ukraine-russia-crimea-parliament-editorial> (дата обращения 07.05.2022).

Отдельным объектом дискурса стал полуостров Крым и проведение референдума на его территории по вхождению в состав России. Крым представляется экономически слабым, зависимым от украинского бюджета и требующим серьёзных трат России. Референдум определяется как нелегитимный, несоответствующий международному праву. Основная причина такого отношения – Украина не признаёт избранное правительство Крыма, референдум проходил под контролем российской армии. Наиболее пострадавшими от процесса перехода Крыма в состав России назывались крымские татары, которых депортировали в СССР в 1944 году²⁷².

В рамках крымского кризиса коммуникативная структура образов соответствует политическому медиадискурсу вражды. Россия – агрессивное и милитаристское государство, которое покушается на слабое украинское государство и территорию Крыма. В. Путин – диктатор с идеологией реваншизма и империализма. Страны Запада дипломатичные, но решительные в борьбе с Россией. Крым становится объектом противостояния России и Украины, Украина готова сопротивляться, а страны Запада готовы ей помочь. Данная сложная композиция соответствует основной дихотомической модели политического медиадискурса вражды «свой» – «чужой».

Среди коммуникативных стратегий политического медиадискурса вражды информационного противоборства России можно выделить два варианта: дискредитацию образа России и противопоставление. Стратегия дискредитации России строится на демонстрации её агрессивной международной политики через использование армии, осуждение проведения крымского референдума из-за его нарушения международного права, нагнетание страха эскалации конфликта на Украине. Частной стратегией дискредитации на уровне политических элит выступает опровержение слов и публичных выступлений президента России В. Путина, официальной позиции российской власти²⁷³.

²⁷²Crimea: Mr. Putin's imperial act // The Guardian, 18.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/mar/18/ukraine-vladimir-putin> (дата обращения 07.05.2022).

²⁷³Arutunyan A., Serenelli L. Putin appears to blink in Ukraine // USA Today, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/04/putin-appears-to-blink-over->

Статьи строятся на сравнении высказываний с общеизвестными и историческими фактами. Коммуникативная стратегия противопоставления стран и их политики включается следующие пары образов: Россия – Запад, Россия – США, Россия – Украина.

Ключевым аспектом медиадискурса вражды против России выступает речевая форма обвинения. Проанализированные статьи позволили выделить большое количество обвинений. Их можно разделить по источнику: со стороны политических элит и со стороны журналистов. Первые обвинения более конкретны по предмету обсуждения, вторые – затрагивают широкий круг претензий. Дипломатические обвинения касаются нарушений Россией международного права, проведения незаконного референдума в Крыму. Журналисты расширяют вопрос до претензии несоответствия случая Крыма и Косово по проблеме национального самоопределения. Военные обвинения – Россия совершила акт агрессии против Украины, Россия применяет новые методы воздействия – гибридную войну и кибератаки. Обвинения экзистенциального порядка – Россия нарушает международный порядок, России нужен хаос для дестабилизации Украины. Политические обвинения – В. Путин готовится к свержению правительства Украины, хочет разделить Украину, Европа может предать интересы Украины ради компромисса с Россией. Экономические обвинения – Запад должен ввести экономические санкции против России за нарушения; санкции могут сказаться не только на России, но и странах Запада; дестабилизация финансовых рынков нужна В. Путину для увеличения личного богатства; включение Крыма в состав России нанесёт

[ukraine/6016715/](#) (дата обращения 07.05.2022).; Crimea: Mr. Putin's imperial act // The Guardian, 18.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/mar/18/ukraine-vladimir-putin> (дата обращения 07.05.2022).; Kessler G. Fact Checking Vladimir Putin's speech on Crimea (video) // The Washington Post, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/fact-checker/wp/2014/03/19/fact-checking-vladimir-putins-speech-on-crimea/> (дата обращения 07.05.2022).; Luhn A. Five fibs from Vladimir: how Putin distorted the facts about Ukraine // The Guardian, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/04/vladimir-putin-interview-five-untruths> (дата обращения 07.05.2022).; Shipman T., Birrell I. Keep off our turf, Putin tells West as he annexes Crimea: Fears of a new Cold War after Russian president's defiant comments to parliament // Daily Mail, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2583935/Keep-turf-Putin-tells-West-annexes-Crimea-Fears-new-Cold-War-Russian-presidents-defiant-comments-parliament.html> (дата обращения 07.05.2022).

экономический ущерб, Россия может отомстить Европе в сфере энергетики. Пропагандистские обвинения – российские СМИ навязывают Украине искажённый образ страны победившего «неонацизма», Россия отключает украинские телеканалы в Крыму, Россия боится правды об Украине, В. Путин искажает описание фактов о событиях в Украине и оправдывает захват Крыма. Обвинения культурного характера – агрессия России – это удар по свободе и победе над тоталитаризмом в «холодной войне», Россия решает проблемы методами XIX – XX века, Россия вернула мир к культуре «холодной войны».

Процесс перехода Крыма в состав России запустил каскад обвинений, что говорило о том, что медиадискурс вражды англоязычных массмедиа носил комплексный характер информационной кампании против России. Результат информационной кампании массмедиа достигался за счёт большого объёма, постоянного потока и разнообразия обвинений. Для политического медиадискурса вражды были созданы благоприятные условия существования в информационном пространстве. Подавляющее число обвинений нацелено на Россию и В. Путина. Обвинения В. Путина к своим противникам также используется для поддержания общего тона враждебной коммуникации. Наличие апелляций и обоснование мотивов во время обвинений говорит о том, что задача состоит не в простом ущемлении оппонента, а в воздействии на общественное мнение аудитории.

Используемая в статьях лексика может быть разделена по сферам деятельности. Военная лексика и понятия сферы безопасности в медиадискурсе крымского кризиса встречаются чаще всего: *the Russian aggression* (российская агрессия), *military invasion and occupation* (военное вторжение и оккупация), *Cold War* (холодная война), *war crimes* (военные преступления), *a superior enemy* (превосходство врага), *a forces territorial annexation* (насильственная территориальная аннексия), *a Crimean war* (крымская война), *to protect ethnic Russians* (защищать этнических русских) и т.д. Используются термины политического режима и процессов: *dictator* (диктатор), *corrupt* (корруптированный), *authoritarian* (авторитарный). Частыми являются слова

для обозначения статуса законности и порядка: *revolution in Kiev* (революция в Киеве), *legitimate* (законный), *illegitimate* (незаконный), *violating international law* (нарушение международного права), *independent state* (независимое государство), *massive popular protests* (массовые народные протесты), *a sham referendum* (фиктивный референдум), *a sovereign state* (суверенное государство), *secessionists* (сепаратисты) и т.д. В большом количестве присутствуют номинации участников политической борьбы: *nationalists and radical extremists* (националисты и радикальные экстремисты), *the gunman* (боевики), *pro-Europe demonstrators* (проевропейские демонстранты), *pro-Russian leader* (пропороссийский лидер), *the West* (Запад), *pro-Russian «volunteers»* (пропороссийские «добровольцы»), «*fascists*» («фашисты») и т.д. Есть также лексика состояний и отношений: *the crisis* (кризис), *global catastrophes* (глобальная катастрофа), *create a chaos* (создать хаос), *compromise* (компромисс) и т.д. Используется лексика методов принуждения: *provocation* (провокация), *threat* (угроза), *Western pressure* (западное давление), *economic war* (экономическая война), *economic and political sanctions* (экономические и политические санкции), «*economic of force*» («экономика силы») и т.д. К ним добавляется лексика психологической оценки отношений: *19th-century behavior* (поведение 19 века), *the cold logic of political will and military power* (холодная логика политической воли и военной силы), *ecstatic* (восторг), *brazen act* (наглый акт) и т.д. Среди использованных слов заметна лексика оценки информационного пространства: *the mendacious propaganda campaign the Kremlin is waging* (лживая пропагандистская кампания Кремля), *demonizing as «terrorists»* (демонизация «террористов»), *information battle* (информационная битва), *has manufactured a version of reality* (выдуманная версия реальности) и т.д.

Медиаисточники были проанализированы на сайте полного семантического анализа Miratext²⁷⁴. Он позволил определить общий объём текстов в 19997 слов. Чаще всего встречались понятия: *Russia* (Россия) – 205,

²⁷⁴Страница полного семантического анализа текста Miratext. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://miratext.ru> (дата обращения 26.11.2022 г.)

russian (русский) – 203, *Ukraine* (Украина) – 192, *Crimea* (Крым) – 167, *Putin* (Путин) – 142, *military* (военный) – 61, *ukranian* (украинский) – 59, *president* (президент) – 56, *war* (война) – 46, *Kiev* (Киев) – 46. Среди ключевых понятий медиадискурса также можно отметить: *troops* (военные) – 39, *west* (запад) – 36, *referendum* (референдум) – 35, *Yanukovich* (Янукович) – 27, *Obama* (Обама) – 25, *Europe* (Европа) – 24, *Kremlin* (Кремль) – 23, *sanction* (санкции) – 20, *invasion* (вторжение) – 19, *Kosovo* (Косово) – 13, *crisis* (кризис) – 13. Наиболее популярными словами были национально-государственные обозначения, военные понятия, фамилии лидеров, среди которых чаще всего упоминался В. Путин.

В медиадискурсе вражды крымского кризиса среди указанных медиатекстов наиболее частой оказалась военная и правовая лексика. Её использование связано с тем, что главным вопросом обсуждения оказался спор о статусе Крымского полуострова. Употребляемые понятия англоязычными медиа позволяют сформировать единое семантическое поле, которое позволяет осуществить однозначную интерпретацию событий, где России приписывается роль страны-захватчика.

Экспрессивный элемент является обязательной составляющей медиадискурса вражды. В политическом медиадискурсе вражды он присутствует в стилистических средствах выразительности. Стилистические средства выразительности – это языковые средства, тропы и фигуры речи, а также стилистические приёмы, речевые стратегии и тактики, используемые при выражении стиля²⁷⁵. Эти средства нужны для привлечения внимания читателей.

В медиадискурсе вражды крымского кризиса были выявлены более двадцати экспрессивных средств: антитеза, эпитеты, метафора, сравнение, кавычки переносного значения, экспрессивные обороты, гипербола, риторический вопрос, инвектив, вероятная модальность, негативная коннотация,

²⁷⁵ Мерзлякова Е.В. Стилистические средства как инструмент формирования образа России западными СМИ // В сборнике: Язык. Образование. Культура Сборник научных трудов по материалам XII Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием, посвященной 83-летию КГМУ. – 2018. – С. 36-43.

угроза, метонимия, побудительная конструкция, градация, фразеологизм, вопросно-ответная форма, степень прилагательного, повтор, синтаксический параллелизм, период, ирония, оксюморон. Наиболее частыми в текстах оказались такие средства, как антитеза, эпитеты, метафора, сравнение, кавычки переносного значения, экспрессивные обороты, гипербола. Кроме них стоит сделать акцент на обязательном для медиадискурсе вражды средстве – инвективе (оскорблении).

Наиболее частым риторическим средством в статьях стала антитеза – противопоставление. Основными функциями антитезы являются создание контрастных образов, подчёркивание противоположностей, ритмичное членение высказывания для чёткости и ясности речи. Главная задача антитезы – создание эмоционального эффекта²⁷⁶. Антитеза осуществляет суггестивную и когнитивную функцию формирования дихотомической картины мира. Антитеза в медиадискурсе вражды нужна для подчёркивания правоты собственных аргументов, вступающих в противоречие с позицией оппонента²⁷⁷. Антитеза нужна для достижения цели автора. В политическом дискурсе англоязычных медиаисточников антитеза оказалась самым сильным средством, показывающим разницу между Россией и Западом, Россией и Украиной. Антитеза позволяет сделать акцент на принципиальных аргументах для автора публикации, чтобы они оказались заметными для читателей.

Метафора – стилистический приём, основанный на употреблении слова в непрямом значении. Использование метафоры является приёмом завуалированного информационного воздействия. В медиадискурсе вражды крымского кризиса частым оказалось употребление метафоры. Используются

²⁷⁶Гулямова З., Толибова З. Характерные функции, лексическая и семантическая сущность стилистического приёма антитезы. // *European journal of literature and linguistics*, – № 3. – 2015. – С. 22-25.

²⁷⁷Baker P. Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia // *The New York Times*, 2.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/pressure-rising-as-obama-works-to-rein-in-russia.html?_r=0 (дата обращения 07.05.2022).; Walker S., Salem H., MacAskill E. Russian 'invasion' of Crimea fuels fear of Ukraine conflict // *The Guardian*, 1.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/feb/28/russia-crimea-white-house> (дата обращения 07.05.2022).; Kessler G. Fact Checking Vladimir Putin's speech on Crimea (video) // *The Washington Post*, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/fact-checker/wp/2014/03/19/fact-checking-vladimir-putins-speech-on-crimea/> (дата обращения 07.05.2022).

такие метафоры, как *the web of money* (денежная сеть), *a Mafia gangster* (бандит из мафии), *doing experiments on rats* (проводить эксперименты на крысах), *in another world* (в другом мире), *to fan the flames* (раздуть пламя), *a poker game* (игра в покер), «*revolutionary zeal*» («революционный пыл»), *harvested the low-hanging fruit of Crimea* (сорвать созревший фрукт – Крым), *the Maidan spilling* (вирус Майдана). Данные примеры показывают, что используются различные виды метафор – финансовая, криминальная, научно-зооморфная, пространственная, природная, игровая, фитоморфная, морбиальная. Большинство метафор носит в медиадискурсе эпизодический характер, лишь отдельные могут создавать образный мир всей публикации. Например, статья *USA Today Ukraine crisis is a poker game: Our view* («Украинский кризис как игра в покер: наш взгляд») рисует борьбу за Украину между Россией и Западом, как карточную игру, где Украина выступает в качестве разменной монеты²⁷⁸.

Большинство метафор используется для демонстрации отрицательной роли В. Путина во время украинских беспорядков и событий в Крыму. Он играет роль манипулятора финансовыми средствами и бандита. Атмосферу вражды передаёт природная метафора огня. В англоязычном медиадискурсе также присутствуют метафоры из цитат российских политиков: например, цитата депутата С. Миронова – *gathering of Russian lands began* (началось собирание русских земель). Метафора выполняет функцию объяснения и упрощения сложных политических событий. В политическом медиадискурсе вражды она позволяет продвигать идеологическую позицию противоборствующих субъектов и отражать общую эмоциональную атмосферу неприязни. Некоторые метафоры могут выступать в роли оскорбления. Фраза *in another world*²⁷⁹ (в другом мире) потребовалась для того, чтобы показать оторванность президента России от сформированной на Западе политической реальности.

²⁷⁸Ukraine crisis is a poker game: Our view // USA Today, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2014/03/06/ukraine-vladimir-putin-crimea-obama-eu-editorials-debates/6144221/> (дата обращения 07.05.2022).

²⁷⁹Baker P. Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia // The New York Times, 2.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/pressure-rising-as-obama-works-to-rein-in-russia.html?_r=0 (дата обращения 07.05.2022).

В отличие от метафоры, эпитет является экспрессивным определением, отражающим личную характеристику автора дискурса. Эпитет является личностной оценкой. Эпитет в политическом медиадискурсе передаёт идеологическую и ценностную точку зрения в пользу субъекта пропаганды. Чаще всего он показывает негативную коннотацию агрессивности и интолерантности. *Putin's thuggish tactics* (бандитская тактика Путина), *the hypocrisy* (лицемерие), *a far more ominous threat* (гораздо более зловеющая угроза), *a hastily arranged referendum* (наскоро организованный референдум), *a forced territorial annexation* (насильственное территориальное присоединение), *the mendacious propaganda campaign* (лживая пропагандистская кампания), *pro-Russian leader* (пророссийский лидер), *a vassal state* (вассальное государство).

Эпитеты осуществляют суггестивную и идеологическую функцию. Эпитет позволяет зафиксировать предвзятое отношение авторов к происходящим в Крыму событиям, возникновение общей атмосферы недоверия к проводимым Россией политическим действиям. Благодаря указательным определениям осуществляется маркировка противоборствующих сторон: пророссийский, промосковский, проевропейский. Такие формулировки выполняют манипулятивную функцию «навешивания ярлыков», чётко разделяют стороны на «своих» и «чужих».

Коммуникативная стратегия противопоставления в медиадискурсе вражды требует применения сравнения, которое дополняет антитезу. Сравнение выполняет следующие роли: обозначает значимость темы, продвигает аргументы авторов публикации, позволяет проводить исторические аналогии, в сочетании с негативными эпитетами является дискриминирующим для политического образа России. В ходе крымского кризиса примерами являлось сравнение В. Путина и А. Гитлера, перехода Крыма в состав России и признание независимости Южной Осетии²⁸⁰.

²⁸⁰Baker P. Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia // The New York Times, 2.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/pressure-rising-as-obama-works-to-rein-in-russia.html? r=0> (дата обращения 07.05.2022).; Shipman T., Birrell I. Keep off our turf, Putin tells West as he annexes Crimea: Fears of a new Cold War after Russian president's defiant comments to parliament // Daily Mail,

Обязательным средством политического медиадискурса вражды является наличие экспрессивных оборотов. Их цель – передача оценки автора и выражение накопившихся эмоций. В период крымских событий экспрессивные обороты выражали такие чувства, как унижение, иронию, оскорбление, возмущение²⁸¹. Большинство эмоций выражало враждебность по отношению к международной политике России. Экспрессивные средства отражают суггестивную функцию медиадискурса и нацелены на чувственную сферу общества.

Частым оказалось использование знаков препинания – кавычек в переносном значении. В. И. Озюменко обратил внимание на то, что в британской прессе данное средство используется в агрессивных целях массмедиа для манипулятивного воздействия²⁸². Кавычки передают сомнение и пренебрежение позицией противоположной стороны. В англоязычной прессе данный приём используется широко, чаще всего он встречается в британской газете The Guardian.

Ярким примером выступает фрагмент из статьи, где Россия пытается обозначить принцип невмешательства в дела Украины, с которыми журналисты не согласны²⁸³. Среди таких фраз с кавычками в переносном значении оказались: «*a humanitarian mission*» (*гуманитарная миссия*), «*Crimean self-defence units*» (*крымские отряды самообороны*), «*international law*» (*международное право*),

19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2583935/Keep-turf-Putin-tells-West-annexes-Crimea-Fears-new-Cold-War-Russian-presidents-defiant-comments-parliament.html> (дата обращения 07.05.2022).; Walker S., Salem H., MacAskill E. Russian «invasion» of Crimea fuels fear of Ukraine conflict // The Guardian, 1.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/feb/28/russia-crimea-white-house> (дата обращения 07.05.2022).

²⁸¹Vartanyan O., Barry E. If history is a guide, Crimeans' celebration may be short-lived // The New York Times, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/03/19/world/europe/south-ossetia-crimea.html?hp&r=0> (дата обращения 07.05.2022).; Shipman T., Birrell I. Keep off our turf, Putin tells West as he annexes Crimea: Fears of a new Cold War after Russian president's defiant comments to parliament // Daily Mail, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2583935/Keep-turf-Putin-tells-West-annexes-Crimea-Fears-new-Cold-War-Russian-presidents-defiant-comments-parliament.html> (дата обращения 07.05.2022).; Freeland K. We must stop pussyfooting around Putin's regime // The Financial Times, 17.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/11a63228-abad-11e3-90af-00144feab7de#axzz2wDAESuW7> (дата обращения 07.05.2022).

²⁸²Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – №21(1). – С. 203–220.

²⁸³Ukraine and Russia: flaming the flames // The Guardian, 27.02.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/feb/27/ukraine-russia-crimea-parliament-editorial> (дата обращения 07.05.2022).

the «coup» in Kiev («переворот» в Киеве), «well-known Kosovo precedent» (хорошо известный косовский прецедент), «protect» Crimea's ethnic Russian residents («защищать» этнических русских), Russian «invasion» (российское «вторжение»), «reunification» (воссоединение) и т.д. Данный приём носит манипулятивный характер, который должен показать противоположный смысл цитаты оппонента. Они были нужны для дискредитации заявлений российской стороны и выступлений В. Путина. Кавычки создают дихотомию смысла, когда «переворот» в Киеве превращается в революцию несогласных, а «защита» русских становится причиной по плану военного захвата Крыма. Данный эпизод в англоязычных публикациях показывает делегитимацию российских мотивов перехода Крыма в свой состав. В некоторых случаях кавычки применялись для акцентирования внимания на используемых понятиях²⁸⁴.

Манипулятивным потенциалом интерпретации обладают синтаксические средства метонимии и синекдохи. Метонимия – это сравнение на основании смежности. В представленных медиатекстах используется метонимия по переносу состояния, статуса и названия: *the new Bonapartes (новые Бонапарты), the dictator in the Kremlin (диктатор в Кремле)*²⁸⁵.

Метонимия выполняет функцию обозначения предметов. Статус президента России становится авторитарным, а этническая принадлежность обозначается через срочный порядок процедуры выдачи паспортов. Подмена понятий с пристрастной оценкой нужна для стратегии дискредитации России.

Разновидность метонимии синекдоха нужна для обозначения целого по названию части. Синекдоха в политическом дискурсе применяется для

²⁸⁴Dorell O. How the West lost Crimea // USA Today, 20.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/20/how-west-lost-crimea/6650567/> (дата обращения 07.05.2022).; Baker P. Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia // The New York Times, 2.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/pressure-rising-as-obama-works-to-rein-in-russia.html?_r=0 (дата обращения 07.05.2022).; Saakashvili M. Mikheil Saakashvili: The West must not appease Putin // The Washington Post, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/mikheil-saakashvili-the-west-must-not-appease-putin/2014/03/06/db9e0c82-a4a9-11e3-8466-d34c451760b9_story.html?hpid=z2 (дата обращения 07.05.2022).

²⁸⁵Saakashvili M. Mikheil Saakashvili: The West must not appease Putin // The Washington Post, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/mikheil-saakashvili-the-west-must-not-appease-putin/2014/03/06/db9e0c82-a4a9-11e3-8466-d34c451760b9_story.html?hpid=z2 (дата обращения 07.05.2022).

обозначения страны по имени руководителя. Это делается в период военной подготовки. В данном фрагменте понятие «путинская Россия» нужно для обозначения начала процесса конфронтации и отсутствия компромисса со стороны США. В статьях были замечены такие фразы, как *the hand of Kremlin* (рука Кремля), *Putin's Russia* (путинская Россия).

Самым экспрессивными средствами медиадискурса вражды являются призывы, лозунги и инвективы (бранные слова). Это иллокутивные речевые акты, которые обозначают фразы как действие, становятся призывами к насильственному решению проблем. В статьях были отмечены лозунги украинских националистов, передающих настрой против России. Их основная функция – мобилизация людей на политическую борьбу. Большинство оскорблений было направлено против президента России, их экспрессивная функция заключалась в унижении политического руководства противника. Наличие оскорблений говорит о крайней степени и агрессивности противоборства политических сторон. Использовались выражения «шизофреник», «заставим дорого заплатить за то, что российские сапоги топтали землю»²⁸⁶.

Использование синтаксических средств показывает высокую экспрессивность политического медиадискурса крымского кризиса, передающего различные эмоции враждебности, страха, унижения, возмущения, недовольства, иронии. Образные средства позволяют сформировать виртуальную политическую реальность, интерпретация которой сводится к представлению роли России в качестве страны-захватчика, которая прикрывается проведением народного референдума. Высокая степень агрессивности политического медиадискурса достигается через лозунги украинских националистов и инвективы. Синтаксические средства выполняют

²⁸⁶McPhedran C. Military tension high as Crimea holds referendum // USA Today, 16.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/16/ukraine-crimea-referendum-politics/6485559/> (дата обращения 07.05.2022).; Kaminski M. Why Putin Fears Ukraine: It's an Alternative Russia // The Wall Street Journal, 7.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303824204579423450214067982> (дата обращения 07.05.2022).

суггестивную, идеологическую, манипулятивную функции, а также когнитивную функцию обозначения «своих» и «чужих». Коммуникативная стратегия противопоставления делает обязательным использование контрастных средств сравнения, антитезы, а также оксюморона. Данные средства в политическом медиадискурсе вражды крымского кризиса получили широкое распространение в англоязычной прессе. Образность и личные оценки авторов использовались в метафорах, эпитетах и экспрессивных оборотах. Комплексное применение различных синтаксических средств выполняло единую цель – дискредитацию позиции России и её политического руководства.

В период крымского кризиса в англоязычных массмедиа были использованы несколько идеологем: «Россия – противник и угроза Запада», основой политики России является реваншизм и имперские амбиции В. Путина, Россия осуществляет «военную агрессию против Украины и оккупацию Крыма», «референдум – нарушение международного права и фиговый листок насильственной территориальной аннексии Крыма». Каждая идеологема в медиадискурсе продвигалась отдельно, наиболее удачным воплощением стали слова британского премьер-министра Д. Кэмерона после проведения референдума о вхождении Крыма в состав России: *David Cameron yesterday condemned the decision to annex Crimea «on the basis of a sham referendum held at the barrel of a Russian gun»*. (Дэвид Кэмерон вчера осудил решение аннексировать Крым «на основе фиктивного референдума, проведенного под дулом российского оружия»)²⁸⁷. В этой фразе нашли своё воплощение доминирующие понятия медиадискурса вражды «военная агрессия и оккупация», «насильственный территориальный захват», «нарушение международного права», «фиктивный референдум», «фиговый листок».

В рамках анализа публикаций было выявлено большое количество манипулятивных технологий. Наиболее частыми в период крымского кризиса

²⁸⁷Shipman T., Birrell I. Keep off our turf, Putin tells West as he annexes Crimea: Fears of a new Cold War after Russian president's defiant comments to parliament // Daily Mail, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2583935/Keep-turf-Putin-tells-West-annexes-Crimea-Fears-new-Cold-War-Russian-presidents-defiant-comments-parliament.html> (дата обращения 07.05.2022).

оказались приёмы «наклеивания ярлыков», дискурс постпамяти в виде исторических аналогий, цитаты политиков и мнения экспертов, идеологические клише, опровержение и фактчекинг публичных выступлений, простонародье в виде мнения жителей, этические стандарты, нагнетание страха и угроз, тенденциозный порядок подачи аргументов. Данные приёмы выполняют производительную функцию медиадискурса вражды через экспрессивную визуализацию событий (карикатуры, фотографии солдат во время референдума), согласованность оценок ведущих англоязычных изданий о нелегитимности референдума в Крыму, тенденциозном подборе доводов.

1. «Наклеивание ярлыков». Действия России на Украине обозначались разными понятиями – «нарушение международного права», «насильственный территориальный захват», «военная агрессия и оккупация», «военное вторжение». Референдум в Крыму назывался «незаконным», «фальшивым». Президенту России приписывались жёсткие качества и статусы: «диктатор», «тиран», «расчётливый и безжалостный», «безответственный», «великий разрушитель и неудачник», «новый Бонапарт». Все ярлыки носят негативную интерпретацию действий российской армии и процесса вхождения Крыма в состав России. Понятие «аннексии» использовалось из юридического словаря международного права.

2. Дискурс постпамяти (исторические аналогии). Обращение к истории в англоязычных публикациях получило широкое распространение. Оно касалось нескольких тем: общее прошлое между Россией и Украиной со времён Киевской Руси, Мюнхенский сговор 1938 года и передача Судетской области Чехословакии нацистской Германии, депортация крымских татар в СССР в 1944 году, решение Н. С. Хрущёва передать Крым Украинской ССР в 1954 году, признание Косово независимым в 2008 году, война в Южной Осетии в 2008 году. Переход Крыма в состав России уподоблялся передаче Судетской области Германии в 1938 году после Мюнхенского соглашения и предательства представителями Великобритании и Франции интересов Чехословакии. Крымская речь В. Путина 18 марта 2014 года приравнивалась к речи А. Гитлера

перед рейхстагом 1938 года. Данный эпизод использовался для демонстрации общих мотивов политических лидеров, делая их равнозначными. Военный конфликт в Южной Осетии 2008 года и события в Крыму обозначались одним маркером «агрессии России». Апелляция В. Путина к признанию референдума в Крыму о вхождении в состав России и решения признания независимости Косово вызвали волну публикаций медиа о несопоставимости данных случаев. Задача примеров из истории состояла в том, чтобы показать опыт России в нарушении международного права, политику репрессий в СССР, демонизировать президента России.

3. Цитаты и мнения экспертов. В медиаисточниках активно использовался приём интертекста – цитаты действующих политиков, исторических деятелей, мнения политических экспертов и аналитиков. Слово предоставлялось американским, британским, украинским политикам: Б. Обаме, Д. Керри, Д. Кэмерону, У. Хейгу, А. Турчинову, А. Яценюку, А. Авакову, В. Кличко. С российской стороны широко использовались выступления и цитаты В. Путина, а также приводились слова членов правительства – Д. Медведева, С. Лаврова, Д. Рогозина, депутатов С. Миронова, В. Жириновского, Е. Мизулиной, И. Пономарёва, журналиста Д. Кисилёва. Цитировались слова исторических деятелей: И. Сталина, А. Гитлера, Н. Бонапарта и т. д. В англоязычных публикациях сформировалась предвзятая стратегия в области цитирования – происходило продвижение позиции украинской власти, эксперты придерживались позиции интерпретации событий в её пользу. Выступления российских политиков подвергались сомнению или опровержению. Некоторые цитаты (высказывание журналиста Д. Кисилёва о радиоактивном пепле) использовались для демонстрации враждебности российской стороны²⁸⁸. Цитаты исторических деятелей использовались для продвижения позиции авторов публикаций. Для демонстрации странной стратегии В. Путина в отношении

²⁸⁸Shipman T., Stewart W. Defiant Putin paves way for Crimea grab: He ignores Western sanctions after 'sham' vote // Daily Mail, 18.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2583095/Defiant-Putin-paves-way-Crimea-grab-He-ignores-Western-sanctions-sham-vote.html> (дата обращения 07.05.2022).

Украины использовалась цитата из Н. Бонапарта: «Главное – ввязаться в бой, а там видно будет»²⁸⁹.

Привлекаемые эксперты обозначали позицию того, что российская сторона использует новые технологии военного дела и пропаганды – использование тактики гибридной войны и киберугроз, поэтому опасность с российской стороны является серьёзной. Такое мнение было выражено в статье The Washington Post «*Playing by Putin's tactics*» (*Подстраиваясь под тактику Путина*)²⁹⁰.

4. Идеологические клише. Большинство выбранных изданий имеет неолиберальный характер. Обвинения в англоязычных статьях имели идеологический характер: Запад отстаивает демократию и либеральный интернационализм, а Россия – реваншизм, национализм и неоимпериализм. Крымский кризис стал противопоставлением политических идеологий на сайтах газет²⁹¹.

5. Опровержение и фактчекинг. Активно использовался приём оспаривание публичных слов В. Путина. Статья «*Five fibs from Vladimir: how Putin distorted the facts about Ukraine*» (*Пять выдумок от Владимира, как Путин искажил факты об Украине*) построена на рейтинге ложных заявлений российского президента²⁹². Ещё в одной публикации Г. Кесслер выбрал подходящие для опровержения тезисы В. Путина во время речи 18 марта 2014 года. Для этого автор использовал материалы из статьи The Guardian. Примером идеологической ангажированности эксперта выступает аргумент того, что

²⁸⁹Arutunyan A., Serenelli L. Putin appears to blink in Ukraine // USA Today, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/04/putin-appears-to-blink-over-ukraine/6016715/> (дата обращения 07.05.2022).

²⁹⁰McCew M., Maniatis G. Playing by Putin's tactics // Washington Post, 9.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/playing-by-putins-tactics/2014/03/09/b5233b90-a558-11e3-a5fa-55f0c77bf39c_story.html?hpid=z3 (дата обращения 07.05.2022).

²⁹¹Freeland K. We must stop pussyfooting around Putin's regime // The Financial Times, 17.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/11a63228-abad-11e3-90af-00144feab7de#axzz2wDAESuW7> (дата обращения 07.05.2022).

²⁹²Luhn A. Five fibs from Vladimir: how Putin distorted the facts about Ukraine // The Guardian, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/04/vladimir-putin-interview-five-untruths> (дата обращения 07.05.2022).

признание независимости Косово и референдума в Крыму являются несопоставимыми потому, что США не аннексировали Косово²⁹³.

6. Техника простонародья. Частым оказалось использование мнения жителей, чтобы показать сложность жизни в российских условиях. В статьях цитировались преимущественно критические и проблемные взгляды простых людей на официальную позицию России. Данная техника должна убедить читателя, что позиция России и реальная обстановка в Крыму расходятся.

7. Этические стандарты. Некоторые авторы давали процессу перехода Крыма в состав России моральную оценку. Данный принцип используется при недостатке собственных аргументов. Журналист Й. Йоффе обвинил В. Путина в расчётливости, безответственности и безжалостности из-за того, что Россия воспользовалась удобным случаем, чтобы получить Крым в сложный для Украины момент²⁹⁴.

8. Нагнетание страха и угроз. Англоязычные медиа активно создавали у своих читателей чувство страха со стороны России. Эксперты говорили о том, что Россия преследует цели территориальной экспансии, использует новые информационные и военные технологии. Продвигается тезис о стремлении России к разрушению сложившегося международного порядка, созданию политического хаоса. Активную поддержку данной позиции обеспечивали экспрессивные средства – метафоры и эпитеты.

9. Тенденциозный порядок подачи аргументов. Авторы материалов массмедиа использовали подходящие примеры для обозначения собственной позиции, отстаивающей точку зрения представителей стран Запада на происходящие события. В качестве примера враждебности можно привести слова депутата парламента Канады К. Фриланд, которая обозначила цель

²⁹³Kessler G. Fact Checking Vladimir Putin's speech on Crimea (video) // The Washington Post, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/fact-checker/wp/2014/03/19/fact-checking-vladimir-putins-speech-on-crimea/> (дата обращения 07.05.2022).

²⁹⁴Joffe J. Dear Vladimir: Congratulations! You Read My Book // The Wall Street Journal, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303824204579423133574513024> (дата обращения 07.05.2022).

президента России сделать Украину вассальным государством²⁹⁵. Чтобы опровергнуть слова В. Путина о том, что Крым не спрашивали о его статусе, был приведён пример результата референдума о независимости Украины в 1991 году²⁹⁶.

В политическом медиадискурсе вражды по дискредитации России оказалось важным не только разнообразие лексики, стилистических средств, технологий манипуляции, но и постоянный поток этих сообщений. Критика России по включению Крыма в свой состав превратилась в широкомасштабную информационную кампанию. Масштаб кампании создал условия для влияния на общественное мнение англоязычных стран, принятие политических решений против России.

Важным в статьях прессы оказался контекст. Он позволяет раскрыть внешние условия, задаёт смысловую коннотацию дискурса. В период крымского кризиса лежала цель содействия дискредитации образа России и опровержения её мнения и позиции. Наиболее частым оказался исторический, идеологический, правовой контекст.

Используется контекст статуса – политикам и экспертам дают биографические пояснения ради повышения их авторитетности. Медиадискурс крымского кризиса вписан в событийный контекст беспорядков в Украине, действий российской армии и проведения референдума в Крыму, принятия антироссийских санкций. Чтобы показать агрессивность России, после выступления В. Путина перед Федеральным собранием было сказано об убийстве украинского офицера в Симферополе²⁹⁷.

²⁹⁵Freeland K. We must stop pussyfooting around Putin's regime // The Financial Times, 17.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/11a63228-abad-11e3-90af-00144feab7de#axzz2wDAESuW7> (дата обращения 07.05.2022).

²⁹⁶Kessler G. Fact Checking Vladimir Putin's speech on Crimea (video) // The Washington Post, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/fact-checker/wp/2014/03/19/fact-checking-vladimir-putins-speech-on-crimea/> (дата обращения 07.05.2022).

²⁹⁷Shipman T., Birrell I. Keep off our turf, Putin tells West as he annexes Crimea: Fears of a new Cold War after Russian president's defiant comments to parliament // Daily Mail, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2583935/Keep-turf-Putin-tells-West-annexes-Crimea-Fears-new-Cold-War-Russian-presidents-defiant-comments-parliament.html> (дата обращения 07.05.2022).

Исторический контекст событий включал в себя аналогии событий в Крыму и в Грузии в 2008 году, передачу Судетской области Чехословакии в 1938 году. Выступление российского президента приравнивалось к выступлению А. Гитлера в целях демонизации. В публикациях получило широкое распространение обсуждение решения Н. С. Хрущёва передать Крым Украине. Использовались цитаты И. Сталина и Н. Бонапарта.

Экономический контекст включал в себя показатели мировых и российских финансовых рынков, как реакции на введение антироссийских санкций. Учитывались возможные расходы бюджета России на траты в Крыму, меры реагирования России против ЕС в сфере энергетики.

С позиции идеологического контекста субъектов дискурса используются понятия *international law* (международное право), *democracy* (демократия), *freedom* (свобода), которые говорят о приверженности идеологии неолиберализма. Данная идеологическая позиция позволяет в рамках стратегии противопоставления характеризовать образ России как авторитарной и агрессивной страны. Идеологическая борьба в медиадискурсе представляется в противостоянии либерализма и демократии против национализма, реваншизма, неоимпериализма и диктатуры.

Правовой контекст использовал ссылки на правовые документы решения проблемы суверенитета Крыма через апелляцию к Конституции Украины о невозможности референдума в Крыму, решениям СБ ООН по голосованию в Крыму, решению международного суда с признанием независимости Косово 2008 года, Будапештскому меморандуму 1994 года о гарантиях безопасности Украины. Используемые аргументы авторов приводили к одному выводу – проведение референдума в Крыму о переходе в состав России являются нарушением международного права.

Психологический контекст включал передачу тревожных настроений по поводу действий России в Украине. Большое количество материала было посвящено поведению В. Путина – мотивы, особенности его выступления,

методу прогнозирования «языка тела»²⁹⁸. Особый акцент делался на наличие у российского президента политической воли для проведения собственной политики. Доминирующей эмоцией публикаций прессы была агрессивность, которая должна была способствовать передаче данного состояния аудитории.

Невербальный элемент медиадискурса вражды по ситуации в Крыму имел свои особенности. Они были представлены в основном фотографиями. Большинство использовало только несколько изображений, некоторые статьи делали подборку фотографий с видеозаписями. Статья с информацией о проведении референдума в Крыму проходила под фотографией военного без опознавательных знаков, что должно было вызвать ассоциации с тем, что это военный захват.

Рисунок 1. Фотография «Солдаты без опознавательных знаков несут охрану за пределами украинской военной базы в городе Перевальное недалеко от крымского города Симферополь в воскресенье». Статья USA Today «Military tension high as Crimea holds referendum»²⁹⁹.



Фотография ритуала возложения венков госсекретаря США Д. Керри в Киеве должна была вызвать сочувствие к погибшим в Киеве демонстрантам.

²⁹⁸Locker R. Pentagon studies Putin body language for hint of intent // USA Today, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2014/03/06/pentagon-studying-putins-body-movement-for-clues/6116281/> (дата обращения 07.05.2022).

²⁹⁹McPhedran C. Military tension high as Crimea holds referendum // USA Today, 16.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/16/ukraine-crimea-referendum-politics/6485559/> (дата обращения 07.05.2022).

Рисунок 2. Д. Керри возлагает венок к месту гибели протестующих в Киеве в статье The Guardian «Vladimir Putin and Barack Obama engage in war of words over Ukraine»³⁰⁰.



В статье М. Саакашвили используется карикатура В. Путина в коробке. В. В.Путин в каске сидит в ограждённой коробке с надписью «Crimea dead end». (Крымский тупик). Персонаж В. Путина выступает со словами: «Sure i'm crazy! Crazy like a box!» (Конечно, я сумасшедший! Сумасшедший как коробка!). Данная функция носит экспрессивно-оценочный характер. Карикатура имеет характер оскорбительной иронии. Слово *crazy* (сумасшедший) можно отнести к инвективам. Фраза *Crazy like a box!* является игрой слов для привлечения внимания аудитории.

Рисунок 3. Карикатура на В. Путина в статье The Washington Post «The West must not appease Putin»³⁰¹.

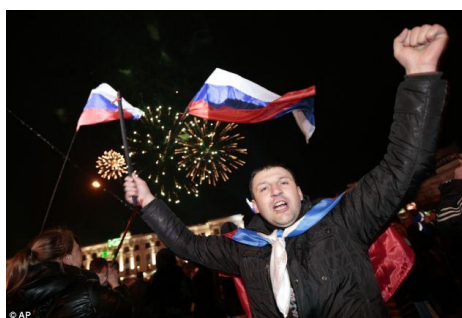


³⁰⁰Traynor I. Vladimir Putin and Barack Obama engage in war of words over Ukraine // The Guardian, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/04/ukraine-crisis-putin-obama-war-of-words> (дата обращения 07.05.2022).

³⁰¹Saakashvili M. Mikheil Saakashvili: The West must not appease Putin // The Washington Post, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/mikheil-saakashvili-the-west-must-not-appease-putin/2014/03/06/db9e0c82-a4a9-11e3-8466-d34c451760b9_story.html?hpid=z2 (дата обращения 07.05.2022).

Во время решения о подписании соглашения о переходе Крыма в состав России были показаны фотографии эйфории демонстрантов на митингах в российских городах, фейерверки в Крыму, что вступало в контраст с тезисом о непризнании референдума со стороны стран Запада.

Рисунок 4. Фотография «Западные лидеры отказались признавать воскресный референдум в Крыму, где 96% поддержало вхождение в состав России» в статье «Defiant Putin paves way for Crimea grab: He ignores Western sanctions after «sham» vote»³⁰².



Небольшое количество публикаций использовало видеозаписи передвижения военных без опознавательных знаков в Крыму, а также короткие фрагменты выступлений В. Путина. Для подтверждения слов президента России используются видеофрагменты его выступлений. Фотографии и видеоролики вносили в медиадискурс подтверждение того, что Крым захвачен военным путём, а референдум – это формальность.

Проведя анализ публикаций англоязычных публикаций США и Великобритании по описанию ситуации в Крыму 2014 года, можно сделать выводы. Были рассмотрены все структурные элементы медиадискурса: цель, события, коммуникативные стратегии, лексика, синтаксические средства, приёмы воздействия, контекст и невербальные элементы. В целом, медиадискурс крымского кризиса в англоязычной прессе Великобритании и США оказался пропагандистской информационной кампанией. Его влияние было обеспечено с

³⁰²Shipman T., Stewart W. Defiant Putin paves way for Crimea grab: He ignores Western sanctions after 'sham' vote // Daily Mail, 18.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2583095/Defiant-Putin-paves-way-Crimea-grab-He-ignores-Western-sanctions-sham-vote.html> (дата обращения 07.05.2022).

помощью разнообразных стилистических средств, манипулятивных технологий, высокой экспрессивности и постоянного потока негатива в адрес России и президента В. Путина. Основной коммуникативной стратегией стала дискредитация России, президента В. Путина и референдума в Крыму, стратегия противопоставления образов конфликтующих сторон. Коммуникативная стратегия дискредитации определяла выбор элементов медиадискурса вражды.

Использовались аналитический жанр и жанр обвинения, аналитический жанр оказался основным. В статьях использовался широкий круг авторов – журналистов, политиков, экспертов. Ключевыми понятиями лексики стали «российская агрессия», «военное вторжение и оккупация», «нарушение международного права» и «фиктивный референдум», которые были использованы в качестве ярлыков против России. Использовалась военная и дипломатическая лексика. Экспрессивность медиадискурса была выражена в большом наборе стилистических средств: антитезы, эпитета, метафоры, сравнения, экспрессивных оборотах, кавычках переносного значения, гиперболе, метонимии и синекдохе. Контрастные синтаксические средства сравнения и антитезы использовались для противопоставления России и стран Запада, России и Украины, а образные средства метафоры и эпитета формировали отрицательный образ В. Путина. Особую агрессивность медиадискурсу придавали инвективы, лозунги и призывы. Стилистические средства выполняли суггестивную функцию внушения, идеологическую, манипулятивную, мобилизующую и когнитивную функцию формирования реальности политического противостояния России и Запада, России и Украины. Выбранные издания США и Великобритании придерживались неолиберальной идеологии, ключевыми идеологемами их публикаций были: «Россия – противник и угроза Запада», в основе политики России лежала идеология реваншизма и имперских амбиций В. Путина, референдум в Крыму нарушал международное право. Среди манипулятивных приёмов воздействия наиболее частыми оказались «наклеивание ярлыков», исторические аналогии дискурса постпамяти, цитаты и мнения экспертов, идеологические клише, опровержения публичных

выступлений и фактчекинг, техника простонародья, этические стандарты, нагнетание страха и угроз, тенденциозный порядок подачи аргументов. Основным для коммуникативной стратегии дискредитации России стал приём «наклеивания ярлыков». Наиболее частым манипулятивным приёмом оказалась историческая аналогия - сопоставление действий России с советскими репрессиями и захватнической политикой нацистской Германии. Производительная функция медиадискурса вражды выражалась в использовании манипулятивных технологий, которые отражали согласованные оценки событий, их неадекватную визуализацию. Различные виды контекста укладывались в стратегию дискредитации России и референдума в Крыму. Место невербального элемента в медиадискурсе оказалось незначительным из-за аналитического жанра статей. Наиболее агрессивными оказались фотографии российских военных при упоминании референдума в Крыму и карикатуры на В. Путина. Эффективность политического медиадискурса вражды отразилась на результатах: непризнание результатов референдума в Крыму, экономическими санкциями США и ЕС, политико-дипломатической поддержкой Украины.

2.3 Реализация политического медиадискурса вражды при освещении конфликта на Донбассе 2014 года

Продолжением эскалации отношений между Россией и недружественными странами после перехода Крыма в состав России стал вооружённый конфликт на Донбассе в 2014 году. В англоязычных сетевых медиа описание данного политического процесса получило широкое распространение. Из большого объёма источников были отобраны 23 статьи, которые показывали типичные

черты политического медиадискурса вражды, зависимость элементов от коммуникативной стратегии. В качестве примеров использовались издания глобального медийного мейнстрима: The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal, USA Today, The Guardian, The Financial Times, Daily Mail, The Independent. Временной срок событий – март-сентябрь 2014 года включал в себя период от начала протестов населения на Донбассе до заключения первых Минских соглашений, который являлся самой острой фазой противостояния сторон до начала Специальной военной операции России в 2022 году. Данный этап конфликта носил военно-дипломатический характер, завершившийся временным перемирием.

Различные исследователи уже внесли свой вклад в проработку медиадискурса информационной войны на Украине. К ним можно отнести работы следующих авторов: Е. В. Кудряшовой, Е. Я. Бергман³⁰³, О. А. Байша³⁰⁴, А. Б. Шатилова³⁰⁵, О. А. Кузиной³⁰⁶, Д. В. Резниченко, Я. В. Каштальяновой³⁰⁷, А. И. Вильямс, Е. Г. Воскресенской³⁰⁸. В данных исследованиях обращают на себя внимание отдельные аспекты медиадискурса вооружённого конфликта на юго-востоке Украины. В нашей работе англоязычный медиадискурс конфликта на Донбассе фиксируется как многосложная дискурсивная система, включающая в себя различные элементы. Данный подход позволяет оценить эффективность воздействия, обозначить пробелы в анализе политического медиапространства со стороны ведущих англоязычных медиа.

³⁰³Кудряшова Е.В., Бергман Е.Я. Информационное противоборство России и Украины (на примере современного политического конфликта) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Политические проблемы международных отношений. – 2019. – №1 (58). – С. 99-102.

³⁰⁴Байша О.А. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 183 с.

³⁰⁵Шатилов А.Б. Современные информационные войны: феномен «диванной мобилизации» (на примере «украинского конфликта» 2014-2017 гг.) // Дискурс-Пи. – 2017. – № 2 (27). – С. 141-145.

³⁰⁶Кузина О.А. Фразеологические единицы как средство отражения политических событий на Украине (на материале англоязычных СМИ) // Политическая лингвистика. – 2016. – №1 (55). – С. 104-110.

³⁰⁷Резниченко Д.В., Каштальянова Я.В. Приёмы информационной войны в современных СМИ (на примере политического конфликта России и Украины в 2014-2015 гг.) // Дискурс-Пи. – 2016. – № 1 (22). – С. 18-26.

³⁰⁸Вильямс А.И., Воскресенская, Е.Г. Метафорическая репрезентация военно-политических событий на Украине и в Сирии в политическом медиадискурсе России и США // Дайджест-2016. Сборник статей (по материалам выпускных квалификационных работ студентов факультета иностранных языков). – Омск. – 2017. – С. 23-32.

Соблюдается выбор ведущих изданий США (The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal, USA Today) и Великобритании (The Guardian, The Financial Times, Daily Mail, The Independent). Все выбранные издания по идеологическому характеру можно отнести к направлению неолиберального мейнстрима. Выбор публикаций соответствовал тематической направленности вооружённого конфликта в Донбассе 2014 года и наличию медиадискурса вражды. Выбор материалов учитывал равномерность распределения во времени происходящих событий. Из-за схожести описания некоторых событий (протесты на Донбассе, референдумы в ДНР и ЛНР, катастрофа самолёта MH17) использовались только отдельные материалы.

Таблица 4. Количество публикаций по времени описания войны на Донбассе 2014 года в СМИ США и Великобритании

Месяц	Март 2014 г.	Апрель 2014 г.	Май 2014 г.	Июнь 2014 г.	Июль 2014 г.	Август 2014 г.	Сентябрь 2014 г.
Количество публикаций	2	3	4	3	3	6	2

Данный обзор решает задачу описания типичных черт и механизма функционирования политического медиадискурса вражды англоязычных медиаисточников вооружённого конфликта на юго-востоке Украины 2014 года.

В медиадискурсе вооружённого конфликта на Донбассе используются статьи аналитического жанра и обвинения. В аналитических статьях зафиксировано использование значительного количества элементов информационного жанра – описания и интерпретации событий. Например, публикация Daily Mail *Humiliation for Ukraine's troops as they roll into restive east in armoured vehicles ... and have them SEIZED by pro-Russian militants* («Унижение для войск Украины, когда они едут на беспокойном востоке на бронетехнике ... и их ЗАХВАТЫВАЮТ пророссийские ополченцы») ³⁰⁹ строилась на описании

³⁰⁹Stewart W., Gayle D. Humiliation for Ukraine's troops as they roll into restive east in armoured vehicles ... and have them SEIZED by pro-Russian militants // Daily Mail, 16.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2605828/Tanks-bearing-Russian-flag-roll-cities-eastern-Ukraine-Vladimir-Putin-warns-country-brink-civil-war.html> (дата обращения 18.05.2022).

целой серии информационных поводов за день. Статьи по-прежнему группируются на аналитический разбор, мнение политика, с доминирующим приёмом. Аналитический жанр статей для эмоционально-чувственного воздействия использует экспрессивные средства.

В медиатекстах содержалось много обвинений, угроз, претензий, лозунгов. Доминирующим жанром медиадискурса вражды конфликта на Донбассе стало обвинение. Чаще всего обвинения использовали риторические апелляции с помощью фактов и примеров, но есть обвинения с эмоциональными и этическими аргументами. Жанр обвинения зависел от конкретной ситуации, поэтому описать общие признаки представлялось затруднительным. Подобный пример можно увидеть в таблице элементов, описывающих статью *The New York Times Ukrainian president ends cease-fire with rebels* («Президент Украины положил конец перемирию с повстанцами»)³¹⁰.

Таблица 5. Композиционная структура проанализированной публикации конфликта на Донбассе 2014 года с позиции жанра обвинения

Параметр	Признаки
Обвинители	Президент Украины П. Порошенко, лидеры ЕС, генерал НАТО Ф. Бридлав.
Пострадавший	Украина.
Обвиняемые	«Боевики» Донбасса, Россия.
Основание для обвинения	Украина завершила режим прекращения огня. Сепаратисты в период режима прекращения огня продолжали убивать украинских военных и сбивать самолёты.
Коммуникативная цель	Дискредитация сепаратистов и России.
Наличие доказательной части обвинения	Статистика гибели украинских солдат, позиция о поставках оружия сепаратистам со стороны России, ссылка на деструктивное влияние «боевиков» на общую ситуацию в Донбассе.
Перлокутивный эффект воздействия	Формирование общественного мнения.
Реактивное высказывание оправдания	Позиция президента России по поддержке режима прекращения огня. Отрицание Россией поставок вооружения сепаратистам.

³¹⁰Herszenhorn D. Ukrainian president ends cease-fire with rebels // The New York Times, 30.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/07/01/world/europe/ukrainian-president-ends-cess-fire-with-rebels.html?_r=0 (дата обращения 23.05.2022).

Основными обвинителями в медиадискурсе выступили массмедиа, политическое руководство недружественных стран и Украины. Одновременно Украина и население Донбасса оказались пострадавшей стороной. Обвиняемой стороной выступили Россия, президент В. Путин, руководство республик Донбасса и вооружённые формирования ополченцев. Поток обвинений можно разделить на группы. Политические обвинения: Россия провоцирует протесты на востоке Украины, требование федерализации Украины – путь к расчленению Украины, Россия препятствует членству Украины в ЕС и НАТО. Военные обвинения: Россия готовит вторжение на Украину, Россия поставляет военную технику ополченцам, повстанцы виновны в крушении самолёта МН17, Россия начала военное вмешательство на востоке Украины. Информационные обвинения: российская пропаганда создаёт выдуманную реальность; российские медиа раздувают влияние фашистов и кровавое насилие на востоке Украины; обвинения России – это пропаганда Геббельса; В. Путин лжёт, что в Украине нет российских войск. Антигуманные обвинения: повстанцы используют мирных жителей в качестве «живого щита», лидеры повстанцев не смогли передать все тела погибших после крушения самолёта МН17, Россия использует гуманитарный конвой в Донбассе для подготовки военного вторжения. Данный список примеров обвинений в англоязычных статьях является неполным.

Основной коммуникативной целью обвинительного жанра являлась дискредитация ополченцев, России и В. Путина. Негатив по отношению к России позволил распространить его к сторонникам протестов на востоке Украины, а потом и к повстанцам. Каждое обвинение сопровождалось наличием доказательной базы, что свидетельствовало о том, что перлокутивным эффектом воздействия выступало формирование общественного мнения. Данное утверждение нашло отражение в ухудшении отношения к России в общественном мнении не только в США и в Великобритании, но и в мире в

опросе Pew Research³¹¹. Наличие реактивного высказывания со стороны президента России и руководства Донбасса в статьях говорит о предоставлении альтернативного мнения. Поэтому политический медиадискурс вражды вооружённого конфликта в Донбассе считать полноценной пропагандой нельзя. Реактивное мнение описывает позицию В. Путина в виде оправдания того, что российская армия отсутствует в Украине, для лидеров Донбасса она выражалась в постоянном обращении признать независимость ДНР и ЛНР. Представлена реактивная позиция МИД РФ с требованием прекратить насилие на востоке Украины.

Авторами публикаций выступали журналисты. Они регулярно освещали военные события на Донбассе и предоставляли возможность для публикаций украинским политикам. Для большинства газет события вооружённого конфликта на Донбассе входили в рубрики: world (мир), Europe (Европа), opinion (мнение), editorial board (редакторская колонка). В некоторых публикациях возникала разница между оценками журналистов и политиков. О влиянии журналистов говорили случаи с требованиями поставок оружия Украине. При лексической разнице журналисты использовали слова, которыми пользовались представители политической элиты США, Великобритании и НАТО. На этом основании во время конфликта на Донбассе статус субъекта медиадискурса переходил от журналистов к представителям военно-политических элит.

Композиция аналитических статей соответствовала схеме «тезис – аргументы». В некоторых публикациях использовался антитезис. Структура аналитического жанра американских и британских источников при описании конфликта на Донбассе 2014 года имела однородный характер. Статьи с принципом одного приёма использовали мнение и опрос экспертов, интервью, мнение жителей, комментирование спутниковых фотоснимков, сравнение

³¹¹Pew Research Center. Russia's Global Image Negative amid Crisis in Ukraine. – 09.07.2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/global/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine/> (дата обращения 04.06.2024г.).

событий. В отдельных случаях публикации имели размытый вывод³¹². С содержательной стороны использовались такие элементы, как описание событий, цитаты, мнения, рекомендации, прогнозы, сравнения, исторические аналогии, опровержения, комментирование аудиозаписей и фотоснимков. Структура публикаций использовала различные технологии. При этом конкретный информационный повод приводил к тому, что большинство англоязычных медиа использовали одни и те же примеры.

Таблица 6. Композиционная структура проанализированных публикаций с позиции жанра аналитической статьи

Формальные признаки	
размер	короткий, средний, длинный – преимущественно средний и короткий
оформление (внешний вид)	разнообразное, чаще неброское
заголовок	основной заголовок
дополнительно	есть статьи без фотографий, с одной фотографией, с подборкой фотографий, карты боевых действий с видеозаписями и аудиозаписями
Структурные признаки	
вводная часть	используется не всегда
тезис	всегда
аргументы/примеры	всегда
заключительная часть	используется не всегда
Содержательные признаки	
актуальная информация	всегда
мнение	присутствует
рекомендации	редко
исходная информация (бэкграунд)	присутствует
прогнозы	редко
оценка событий	всегда
анализ событий	всегда
экспрессивность	присутствует

³¹²Herszenhorn D. Ukrainian president ends cease-fire with rebels // The New York Times, 30.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/07/01/world/europe/ukrainian-president-ends-cease-fire-with-rebels.html?_r=0 (дата обращения 23.05.2022).; Witte G., Morello C. In Ukraine, fierce border fight reflects insurgency's growing strength // The Washington Post, 02.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/pro-russian-rebels-attack-eastern-guard-post-in-ukraine/2014/06/02/c5a41c16-e331-4f66-bfbd-ce2dc97d874b_story.html (дата обращения 23.05.2022).

Цели политического медиадискурса вражды определялись конкретной ситуацией. В наиболее общем плане целью выступало доказательство влияния России на конфликт в Донбассе. Большинство целей относились к влиянию на общественное мнение, а также политико-прагматическое влияние на политическое руководство США, ЕС и НАТО. Влияние на общественное мнение оказалось эффективным. Согласно опросу американского социологического центра Pew Research Center, проведённому в 44 государствах мира с 17 марта по 5 июня 2014 года, позитивное отношение к России в мире испытывали 34% опрошенных, негативное – 43%. В 29 странах отношение респондентов к России было преимущественно негативным, за год ухудшение отношения жителей к России произошло в 26 странах. Самое худшее отношение к России было зафиксировано в США, Польше и Великобритании³¹³. Этот опрос показывает, что влияние англоязычных медиа изменило общественное мнение к России в мире и больше всего ухудшило отношение в США и Великобритании.

В информационной повестке англоязычных массмедиа в указанный период (март-сентябрь 2014 года), тема Украины и конфликта на Донбассе носила фоновый характер, усиливаясь в период кризисных событий. Нацеленность на противоборство России привело к тому, что газете The New York Times пришлось опровергать доказательства наличия российских военных на основе украинских фотографий, которые Государственный департамент США распространил через газетные издания³¹⁴. Политический медиадискурс вражды против России и независимости республик Донбасса в англоязычной прессе преобладал³¹⁵.

³¹³Pew Research Center. Russia's Global Image Negative amid Crisis in Ukraine. – 09.07.2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/global/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine/> (дата обращения 28.05.2022г.).

³¹⁴Sullivan M. Aftermath of Ukraine photo story shows need for more caution // The New York Times, 24.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://publiceditor.blogs.nytimes.com/2014/04/24/aftermath-of-ukraine-photo-story-shows-need-for-more-caution/?_php=true&_type=blogs&_r=0 (дата обращения 28.05.2022).

³¹⁵Milne S. It's not Russia that's pushed Ukraine to the brink of war // The Guardian, 30.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/30/russia-ukraine-war-kiev-conflict> (дата обращения 28.05.2022).

В рамках политического медиадискурса вражды в американских и британских статьях по теме конфликта на Донбассе выделялись различные цели. Главной целью выступало возложение ответственности за агрессивные действия повстанцев на Россию и президента В. Путина. Она раскрывалась через тезисы журналистов: протестами украинцев на востоке Украины руководили граждане России, военная сила мятежников росла из-за поддержки России, самолёт МН17 «боевикам из Донбасса» помогла сбить Россия. Также можно выделить группы второстепенных целей: политическая дискредитация руководства Донбасса и России, презентация Украины через обозначение позиции руководства и демонстрации успехов и поражений украинской армии. Аналитическая цель включала разбор основных версий событий и прогноза развития ситуации. Политико-прагматическая цель медиадискурса вражды заключалась в требованиях к руководству стран Запада и международным организациям оказать Украине военную поддержку и предотвратить военную угрозу со стороны России. Эти цели соответствуют выработанному в данной работе персуазивному и политико-прагматическому типу медиадискурса.

Предметная область медиадискурса конфликта на Донбассе включала описание событий острой фазы конфликта с марта по сентябрь 2014 года: протесты на юго-востоке Украины, начало антитеррористической операции Украины в апреле 2014 года, проведение референдумов о независимости ДНР и ЛНР, президентские выборы в Украине, ход боевых действий в Донбассе (апрель-сентябрь 2014 года), крушение самолёта МН17 в июле 2014 года, доставка гуманитарных грузов России в Донбасс, эскалация боевых действий в конце августа 2014 года, заключение первых Минских соглашений. Данные события выступали в качестве информационных поводов, поэтому количество публикаций англоязычных газет в этот период увеличивалось. Случай с трагедией пожара в Доме профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 года для прессы США и Великобритании оказался незамеченным. Поскольку данное событие указывалось в качестве одного из примеров, происходивших на территории Украины политического противостояния. Поражение украинской армии в

августе 2014 года и переход к дипломатическому урегулированию конфликта изменили политический медиадискурс, нагнетание враждебности снизилось.

За время острой фазы политической борьбы на Украине и Донбассе сформировалась сложная структура коммуникативных образов. В медиадискурсе можно выделить образы стран и организаций: России, Украины, Запада, США, ЕС, НАТО, Донбасса. Были обозначены идентичности коллективных групп: украинцев, русских, протестующих, украинской и российской армии, бойцов подразделений повстанцев. Среди политических лидеров выделялись образы В. Путина, Б. Обамы, П. Порошенко, И. Стрелкова, П. Губарева. Также выделился образ действий политических противников.

Таблица 7. Описание характеристик образов объектов политического медиадискурса конфликта на Донбассе 2014 года

Объект описания	Характеристики образа
Россия	1. «Страна-агрессор»; 2. нарушает международный порядок после Второй Мировой войны; 3. стремление не допустить членства Украины в НАТО и ЕС; 4. поддерживает сепаратизм и дестабилизацию Украины; 5. осуществляет экономическое давление в сфере газа на Украину; 6. поставляет военную технику и осуществляет вмешательство в войну на Донбассе; 7. отрицает участие в конфликте; 8. конфликт на Донбассе для России является внутренним вопросом Украины; 9. превращение войны на Донбассе в «спящий конфликт»; 10. политическая дезинформация в массмедиа.
Украина	1. Прозападная, проевропейская; 2. цель – членство в НАТО и ЕС; 3. стремление к освобождению от влияния России; 4. против проведения референдумов в Донбассе и признания их результатов; 5. разделённая страна; 6. Минские соглашения – политическая уступка после военного поражения.
Запад (США, ЕС, НАТО)	1. Запад;

	2. поддерживает Украину и её территориальную целостность; 3. обвинение в организации сепаратизма на Донбассе; 4. нежелание США осуществить полную военную поддержку Украине, выделение сначала нелетальной, а потом оборонительной военной поддержки; 5. непризнание итогов референдумов в ДНР и ЛНР; 6. поддержка и принятие США и ЕС экономических санкций против России; 7. ЕС выступает за дипломатическое решение войны на Донбассе и переговоры; 8. Европа является единой перед вызовом со стороны России; 9. НАТО использует высокие технологии (спутниковые снимки) для разоблачения России по дестабилизации Украины; 10. НАТО поддерживает безопасность собственных членов; 11. скепсис по поводу продолжительности решения конфликта в результате Минских соглашений.
Донбасс	1. Требование признать автономию в составе Украины, а потом и независимость; 2. регион с большинством русскоязычного населения; 3. жители придерживаются разных взглядов на вопрос политической самостоятельности Донбасса; 4. жители Донбасса – граждане «второго сорта».
В. Путин	1. Коварный президент; 2. имидж «сильного лидера»; 3. преследует цель восстановления царской и постсоветской империи и контроля юго-восточной Украины; 4. образ действий – помог объединить Украину, результат противоположен затраченным усилиям; 5. отрицает участие российской армии в конфликте на Донбассе; 6. контролирует сепаратистов через политические призывы; 7. ведёт двойную стратегию через совмещение дипломатии и поддержки сепаратистов; 8. «доктрина Путина» – внешнеполитическая экспансия под предлогом защиты русскоязычных жителей; 9. выбор стратегии между признанием поражения сепаратистов в Донбассе и полноценным вторжением российской армии на восток Украины.
П. Порошенко	1. Легитимный президент Украины;

	2. цель – восстановление мира и территориальной целостности в Украине через победу над сепаратистами; 3. выбор между дипломатическим урегулированием и поддержкой наступления украинской армии; 4. удовлетворённость подписанием Минских соглашений.
Б. Обама	1. Негативное равнодушие через комментарии к заявлениям руководства России; 2. отказ от военного решения со стороны США в период августовской эскалации; 3. поддержка и углубление экономических санкций против России; 4. поддержка безопасности восточной Европы в рамках НАТО;
Политическое руководство Донбасса	1. сепаратисты; 2. диверсионно-террористическая и криминальная группировка; 3. требование признания независимости ДНР и ЛНР; 4. давление на независимых журналистов; 5. находятся в зависимости от России; 6. организовали показательный парад украинских военнопленных в Донецке; 7. недовольны Минскими соглашениями из-за неудовлетворения части политических требований.
Украинцы	1. Требовательные и отважные; 2. имеют взгляды за Украину и за сближение с Россией.
Пророссийские демонстранты на митингах протеста	1. Меркантильны (получают деньги); 2. митинги организованы гражданами России; 3. агрессивны; 4. преследуют цель защиты русскоязычных жителей и сближения России.
Проукраинские демонстранты на митингах в восточной Украине	1. Защищают интересы Украины; 2. придерживаются идеологии крайнего национализма.
Украинская армия	1. Военные дружелюбны к жителям Донбасса; 2. наносит точечные удары по противнику; 3. демонстрирует успех в ходе июльского наступления на Славянск; 4. для России и руководства Донбасса – «банда фашистов»; 5. недовольство руководством из-за того, что оно не добилося полной победы; 6. жалкое состояние разгромленной армии после окружения под Илловайском.

Военные ДНР и ЛНР	1. Пророссийские «боевики», «ополченцы», «повстанцы», «диверсионные группы», «криминальные группировки», превращение бойцов ДНР и ЛНР из партизанских в организованные отряды; 2. виновники гибели самолёта МН17; 3. находятся в обороне в период июльского наступления украинской армии; 4. издеваются в плену над военными украинской армии.
Российская армия	1. Проводит «военные учения» на границе с Украиной; 2. участие принимают бойцы, находящиеся в отпуске; 3. проводит обстрел украинской армии через границу в Донбассе; 4. храбрость и мужество в боях по защите Донбасса; 5. сожаление о секретности миссии.
Конфликт на Донбассе	1. Описание демонстраций на востоке Украины – «беспорядки», «восстание», сепаратистский мятеж; 2. Украина – антитеррористическая операция; 3. Россия – «гражданская война»; 4. Конфликт – украинский кризис, хаос, вторжение России, «гибридная война», оккупация и интервенция России, военное вмешательство России, эскалация войны; 5. Падение самолёта МН17 – катастрофа.
Символы	1. Сторонники России и независимого Донбасса – георгиевская лента, праздник 9 мая, лозунги против Украины «фашисты!». 2. Сторонники Украины – вышиванка, лозунг «Слава Украине!», праздник Дня независимости Украины.

Рассмотренные образы находятся в сложной структуре коммуникативных отношений и менялись по мере развития конфликта. Наблюдалось устойчивое негативное отношение к России, президенту В. Путину, идее независимости Донбасса, военным подразделениям повстанцев. Образы большинства субъектов являлись достаточно устойчивыми, кроме обозначения сторонников автономии и независимости Донбасса. Сначала они обозначались, как *пророссийские демонстранты* (*pro-Russia demonstrators*), *протестующие* (*the protestors*), одновременно с ним использовалось понятие *протестующие туристы* («*protest tourists*»), *самопровозглашённые группы местной самообороны* (*self-declared municipal self-defense groups*). С периодом начала вооружённого противостояния нейтральным использовалось понятие *пророссийское ополчение* (*pro-Russian*

militants), потом устойчиво использовались понятия *вооружённые боевики-сепаратисты* (*armed separatist militants*), *террористы* (*the terrorists*), *спонсируемые Россией бойцы* (*Russian-sponsored fighters*), *боевики* (*the rebels, the insurgents*). Наиболее частым в медиадискурсе было обозначение военных мятежников как «боевиков», остальные понятия использовались редко.

Наблюдалась неопределённость в обозначении общего названия для событий конфликта в Донбассе. На первом этапе наиболее частым было понятие *восстания* (*the uprising*), «*сепаратистские беспорядки*» («*separatist disorder*»). Понятия «*гибридная война*» («*hybrid war*») и *хаос* (*chaos*) использовались без широкого распространения. На финальной стадии возник спор между понятиями *вторжение* (*invasion*) и военное «*вмешательство*» России на Украину (*Russia's military «interference» in Ukraine*), в котором предпочтение было отдано последнему. Это было связано с обозначением ограниченного ввода регулярной российской армии в Украину³¹⁶. Стоит обратить внимание на частое употребление в публикациях понятия *кризис* (*the crisis*). Этот термин позволял уйти от политизированной трактовки события и обозначить его как разгар политического противостояния.

Образы в англоязычной прессе носили агональный характер. Недружественные страны противопоставлялись России, украинская армия – российской армии и подразделениям ополчения, власти Украины – руководству России и Донбасса. Между сторонниками сближения с Россией и украинскими националистами в ходе уличных беспорядков особое внимание уделялось вооружённому насилию. Если сторонники независимости Донбасса получали разные обозначения идентичности («сепаратисты», «боевики», «ополченцы»), то общим обозначением их противников стало название страны – Украина. Противопоставление большого количества участников в конфликте позволило отнести публикации к политическому медиадискурсу вражды.

³¹⁶Mr. Putin tests the West in Ukraine // The New York Times, 28.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/08/29/opinion/mr-putin-tests-the-west-in-ukraine.html?partner=rss&emc=rss&r=0> (дата обращения 25.05.2022).

Основными коммуникативными стратегиями политического медиадискурса выступали стратегии противопоставления и дискредитации. Коммуникативная стратегия противопоставления сторон включала следующие пары образов: Россия – Украина, Россия – Запад, Украина – Донбасс, украинская армия – армия России и Донбасса, пророссийские демонстранты – украинские националисты. Осуществлялась дискредитация планов и действий России, политического руководства ДНР и ЛНР, проведения референдумов об автономии Донбасса. В военной сфере происходила демонизация армии сторонников независимости Донбасса. Стратегия дискредитации строилась на формировании постоянного потока обвинений в сторону России и президента В. Путина, имевших назидательный характер.

Основной лексикой медиадискурса вооруженного конфликта на Донбассе выступали понятия идентичностей противоборствующих групп, военные и дипломатические термины, слова по описанию общего состояния конфликта. Доминирование военной и дипломатической лексики свидетельствует о том, что основной фокус внимания был сосредоточен на боевых действиях в Донбассе и возможности дипломатического решения. В отношении России, В. Путина, Донбасса, вооружённых формирований повстанцев использовались слова с негативной коннотацией, в отношении Украины – с нейтральной и положительной коннотацией. Понятия, используемые в англоязычных массмедиа, отличались от терминов конфликтующих сторон. Позиция России обозначалась со словами в кавычках, а понятия украинской стороны употреблялась эпизодически (например, «гибридная война» или АТО). Изменчивость терминов зависела от политических элит. Например, в период августовской эскалации генерал Н. Так предложил называть введение российской регулярной армии в Донбасс не «вторжением» («*the invasion*»), а «вмешательством» («*the interference*»). После этого «вмешательство» получило распространение в прессе США и Великобритании. Данный пример показывает, что субъектность медиадискурса принадлежала политическим элитам.

Также стоит обратить внимание на часто встречающиеся слова в текстах по данным портала Miratext³¹⁷. Всего было зафиксировано 20999 слов. Из них самыми популярными оказались: *Ukraine (Украина)* – 249, *russian (русский)* – 213, *Russia (Россия)* – 178, *ukrainian (украинский)* – 141, *military (военный)* – 71, *Putin (Путин)* – 71, *Moscow (Москва)* – 65, *Donetsk (Донецк)* – 64, *rebels (повстанцы/боевики)* – 54, *NATO (НАТО)* – 53, *troops (военные)* – 48, *border (граница)* – 47, *separatists (сепаратисты)* – 45, *forces (силы)* – 41, *soldiers (солдаты)* – 38, *Poroshenko (Порошенко)* – 34, *war (война)* – 32, *tanks (танки)* – 27, *sanctions (санкции)* – 23, *conflict (конфликт)* – 23, *Obama (Обама)* – 19, *independence (независимость)* – 18, *Luhansk (Луганск)* – 18, *militants (ополчение)* – 16, *crisis (кризис)* – 13, *fascists (фашисты)* – 7, *nationalists (националисты)* – 5, *propaganda (пропаганда)* – 4. Доминировало обозначение сторон, военная лексика, обозначение противостояния. Используемые понятия показывают, что конфликт на Донбассе – это «российско-украинская война».

Таблица 8. Лексика медиадискурса конфликта на Донбассе 2014 года в англоязычных публикациях

Типы идентичности	Номинации
Идентичность протестующих на востоке Украины весной 2014 года с требованиями защиты русского языка и автономии Донбасса.	Ethnic russians (этнические русские), «protest tourists» («протестующие туристы»), pro-Russia demonstrators (пророссийские демонстранты), self-declared municipal self-defense groups (самопровозглашённые местные группы самообороны), protesters (протестующие), «supporters of federalization» («сторонники федерализации»), the demonstrators (демонстранты).
Идентичность участников столкновений во время протестов на востоке Украины весной 2014 года с проукраинским взглядами.	Pro-Kiev demonstrators (прокиевские демонстранты), far-right Ukrainian nationalists (ультраправые украинские националисты), fascists (фашисты), pro-European demonstrations (проевропейские демонстранты).
Идентичность вооружённых формирований Донбасса.	A Russian diversionary-terrorist group (российская диверсионно-террористическая группа), extremists (экстремисты), armed separatist militants (вооружённые боевики-сепаратисты), the terrorists

³¹⁷Страница полного семантического анализа текста Miratext. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://miratext.ru> (дата обращения 26.11.2022 г.)

	(террористы), the rebels (повстанцы, боевики), a «gang of Russian terrorists» («банда российских террористов»), separatists (сепаратисты), pro-Russia gunmen (пророссийские боевики), pro-Russian insurgents (пророссийские повстанцы), rebel fighters (борцы сопротивления), marauders (мародёры), militia fighters (бойцы ополчения).
Идентичность украинской армии.	Ukrainian forces (украинские силы), ukrainian troops (украинские военные), ukrainian anti-terrorist forces (украинские антитеррористические силы), prisoners (военнопленные), ukrainian soldiers (украинские солдаты), ukrainian fighters (украинские бойцы).
Военная лексика.	The first battle of of an «anti-terrorist operation» (первый бой «антитеррористической операции»), the assault (атака), a furious battle (ожесточённый бой), the military equipment (военная техника), battle tanks (боевые танки), a military parade (военный парад), the front (фронт), victory (победа), change in the military balance (изменение военного баланса), «stealth» offensive («невидимое» наступление), to capture territory in southern Ukraine (захватить территорию на юго-востоке Украины), regular units of the Russian army (регулярные части российской армии), encirclement in the town of Ilovaysk (окружение под Илловайском), were captured (сдались в плен), exercises (учения), «going to war» («идти на войну»), a halt to hostilities (прекращение боевых действий), turned the tide of battle (переломить ход сражения), missiles (ракеты), military support (военная поддержка).
Дипломатические термины.	A diplomatic solution (дипломатическое решение), the agreement (соглашение), the cease-fire deal (соглашение о прекращении огня), aimed at promoting the peace process (нацеленность на продвижение мирных переговоров), on outlines of a peace deal (наброски мирного плана).
Номинации состояний конфликта на Донбассе 2014 года.	Ukraine's offensive against separatists (наступление Украины против сепаратистов), «anti-terrorist operation» («антитеррористическая операция»), civil war (гражданская война), chaos (хаос), uprising (восстание), bloody insurgency (кровавый мятеж), peace (мир), the truce (перемирие) «hybrid war» («гибридная война»), escalate the violence (эскалация насилия), to quash an uprising (подавить восстание), the crisis (кризис), rising tension (пост

	напряжённости), an incursion (вторжение), disastrous (катастрофа), Russia's military «interference» in Ukraine (военное «вмешательство» России на Украину), Russia's aggression against Ukraine (российская агрессия против Украины), russian invasion (российское вторжение), occupation (оккупация), the ukraine crisis (украинский кризис), bloody conflict (кровавый конфликт), dormant conflict (спящий конфликт), a proxy military conflict with Russia (опосредованный военный конфликт с Россией), horrible tragedy (ужасная трагедия).
--	---

Среди стилистических средств выразительности политического медиадискурса конфликта на Донбассе можно выделить антитезу, метафору, эпитеты, кавычки переносного значения, экспрессивные обороты, сравнение, гиперболу, риторический вопрос, период, метонимию, синекдоху, градацию, литоту, иронию. Чаще всего в публикациях использовались такие средства, как антитеза, эпитет, кавычки переносного значения, метафора, экспрессивные обороты, сравнение. В числе тактических приёмов коммуникации применялись: обвинение, угроза, цитата, идеологическое клише, историческая аналогия, мнение жителей и экспертов, пример, психологические приёмы, лозунг, обращение, требование, опровержение. Наиболее частыми стали тактики обвинения, цитаты, угрозы и идеологические клише.

Чаще всего в медиадискурсе конфликта на Донбассе использовалась антитеза. Основной функцией антитезы в данном случае было противопоставление действий конфликтующих сторон, опровержение политических заявлений представителей России и Донбасса, изображение угрозы со стороны вооружённых формирований повстанцев³¹⁸.

³¹⁸Witte G., Morello C. In Ukraine, fierce border fight reflects insurgency's growing strength // The Washington Post, 02.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/pro-russian-rebels-attack-eastern-guard-post-in-ukraine/2014/06/02/c5a41c16-e331-4f66-bfbd-ce2dc97d874b_story.html (дата обращения 23.05.2022).; Gowen A. As Ukraine celebrates Independence Day, rebels march prisoners of war // The Washington Post, 24.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/as-ukraine-celebrates-independence-day-rebels-march-prisoners-of-war/2014/08/24/7389b815-b710-414e-affa-a1d122cbcb3d_story.html (дата обращения 25.05.2022).; Mr. Putin tests the West in Ukraine // The New York Times, 28.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/08/29/opinion/mr-putin-tests-the-west-in-ukraine.html?partner=rss&emc=rss&r=0> (дата обращения 25.05.2022).

Неоднократно в медиадискурсе встречался эпитет, который играл роль негативной коннотации и создавал атмосферу страха, обозначал статус политической принадлежности России, давал негативную оценку работы российских массмедиа. Для демонстрации жестокости часто употреблялось определение «кровавый». Эпитет приукрашивал образ врага. В статьях эпитет дополнял аргумент обвинения этической апелляцией³¹⁹. Также эпитет помогал создавать эмоциональный эффект угрозы со стороны президента России³²⁰.

Pro-western leadership (прозападное руководство), *pro-Russia separatists* (пророссийские сепаратисты), *Russia's aggressive behavior* (российское агрессивное поведение), *bloody conflict* (кровавый конфликт), *bloody insurgency* (кровавый мятеж), *the public frenzy* (общественное безумие), *an impromptu referendum* (импровизированный референдум), *aggressive Russian propaganda* (агрессивная российская пропаганда), *intimidating military exercises* (устрашающие военные учения), *horrible tragedy* (ужасная трагедия), *tougher economic sanctions* (жесткие экономические санкции).

Роль метафоры в медиадискурсе конфликта на Донбассе оказалась эпизодической, только в отдельных материалах с её помощью создавался образный мир. В статье *The Independent War between Russia and Ukraine could be imminent* («Возможно, надвигается война между Россией и Украиной») использовалась игровая метафора театра³²¹. Она должна была показать, что гуманитарный конвой из России – это прикрытие для военных провокаций со стороны президента России: *piece of Putin theatre* (пьеса путинского театра), *the curtain* (кулисы), *a game of «armed politics»* (игра в «вооружённую политику»).

³¹⁹Stewart W., Gayle D. Humiliation for Ukraine's troops as they roll into restive east in armoured vehicles ... and have them SEIZED by pro-Russian militants // Daily Mail, 16.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2605828/Tanks-bearing-Russian-flag-roll-cities-eastern-Ukraine-Vladimir-Putin-warns-country-brink-civil-war.html> (дата обращения 18.05.2022).

³²⁰Mr. Putin tests the West in Ukraine // The New York Times, 28.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/08/29/opinion/mr-putin-tests-the-west-in-ukraine.html?partner=rss&emc=rss&r=0> (дата обращения 25.05.2022).

³²¹War between Russia and Ukraine could be imminent // The Independent, 12.08.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/voices/editorials/war-between-russia-and-ukraine-could-be-imminent-9665006.html> (дата обращения 21.05.2022).

В политическом медиадискурсе войны на Донбассе используются метафоры: *US foreign policy hawks* (внешинополитические ястребы США), *to chop off the rotten west of Ukraine* (отсечь гнилой запад Украины), *furious battle that raged throughout the day and into the night* (ожесточённый бой, бушевавший днём и ночью), *the dangerous game* (опасная игра), *the fun ends* (веселье заканчивается), *Ukraine would be amputated* (Украина была бы ампутирована), *eastern europeans would be scared out of their wits* (восточные европейцы были бы напуганы до смерти), *a «criminal farce»* («криминальный фарс»), *recipe for trouble* (рецепт неприятностей), *has placed the situation on a knife-edge* (поставит ситуацию на острие ножа), *«embarked on an anti-constitutional course»* («встать на антиконституционный курс»), *raise the price for Russia* (повышать цену для России).

Среди типов метафоры использовались зооморфная, фитоморфная, природная, антропоморфная, социоморфная, экономическая, метафора пути и артефакта. Антропоморфная метафора включала категории анатомии и болезни. Социоморфная метафора представляла различные сферы деятельности людей: игру, спорт, развлечение, криминала, кулинарии, экономики. Метафора выполняла несколько функций: номинативную – название вещей и явлений, характеризующую – обозначения признака. Игровая метафора позволяла обозначить отрицательную роль президента России. Из-за вооружённого конфликта к описанию образного мира оказалась близка метафора анатомии и медицины, которая должна подчеркнуть близость смерти. Криминальная метафора создавала негативный образ для вооружённых формирований сторонников независимости Донбасса. Экономическая метафора должна была подчеркнуть серьёзность настроя стран Запада на нанесение ущерба России за её действия на Украине.

Использование различных метафор и их эпизодический характер не создавали целостной картины образного мира противостояния России и Донбасса против Украины и Запада. Наличие большого числа обвинений мешало их сочетаемости с метафорой. Такое использование метафоры авторами

удавалось в редких случаях, например – *fomenting a separatist rebellion* (разжигание сепаратистского мятежа)³²². С этим связано то, что в политическом медиадискурсе конфликта на Донбассе метафоре отводилась второстепенная роль.

Значительное место в публикациях прессы США и Великобритании занял приём кавычек с переносным значением. Его основная задача – создание сомнений при цитировании политических представителей России и Донбасса в период конфликта. Таким средством осуществлялась дискредитация публичной позиции России, когда слова приобретали противоположный смысл. В их число вошли следующие фразы: *to «protect» Crimea* («защищать» Крым), *«protect Russians and Ukrainians»* («защищать русских и украинцев»), *«aid»* («помощь»), *«supporters of federalization»* («сторонники федерализации»), *«humanitarian aid»* («гуманитарная помощь»), *«fascists»* («фашисты»), *«sovereign» republics* («суверенные» республики), *«protesters»* («протестующие»), *military «exercises»* (военные «учения»), *Russia's military «interference» in Ukraine* (военное «вмешательство» России на Украину), *crossed «accidentally»* (пересечь «случайно»), *«on holiday»* («в отпуске»), *«a specially organized conspiracy by the Kiev junta»* («специально организованный заговор киевской хунты»).

Также частым оказалось использование экспрессивных оборотов. Основными эмоциями выступали возмущение, нагнетание страха и угрозы, сочувствие солдатам украинской армии, как жертвам действий российских войск. Наиболее частыми средствами экспрессивных оборотов оказались эпитет, метафора, градация, период³²³.

³²²Russian invasion marks end of era: our view // USA Today, 28.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2014/08/28/russia-ukraine-nato-vladimir-putin-president-obama-editorials-debates/14766425/> (дата обращения 26.05.2022).

³²³Ukraine needs U.S. military aid // The Wall Street Journal, 5.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303678404579537971371803670> (дата обращения 22.05.2022).; Herszenhorn D. Ukrainian president ends cease-fire with rebels // The New York Times, 30.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/07/01/world/europe/ukrainian-president-ends-cease-fire-with-rebels.html?_r=0 (дата обращения 23.05.2022).; Walker S., Gritsenko O., Rogozin L. «Russian soldier: you're better clueless because the truth is horrible» // The Guardian, 3.09.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/sep/03/ukraine-soldier-youre-better-clueless-because-truth-horrible-moscow-ilovaysk> (дата обращения 26.05.2022).

Сравнение в статьях требовалось для того, чтобы сопоставить произошедшие события. Призыв лидеров сторонников независимости Донбасса провести референдум в регионе сопоставлялся с референдумом в Крыму, военные подразделения ополченцев сравнивались с российской армией без опознавательных знаков в Крыму, возможные варианты статуса Донбасса на минских переговорах со статусом Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии³²⁴. Такое средство позволяет восстановить ассоциативные связи в памяти читателей. Только одно сравнение носило оскорбительный характер в заявлении президента Украины, где цель повстанцев объяснялась в превращении Донбасса в Сомали³²⁵.

В публикациях прессы угрозы и обвинения заменили инвективы. Конфликт на Донбассе оказался наполнен серией угроз: возможностью вторжения России в Украину; принятием жёстких экономических санкций странами Запада против России; подготовкой поставок военной техники стран НАТО Украине; наступлением украинской армии для подавления восстания; возможностью политических уступок Украины в пользу ДНР и ЛНР в ходе мирных переговоров³²⁶. Специфика угрозы в источниках массмедиа заключалась в их лёгком обнаружении, а их реализация происходила по мере развития событий в будущем.

³²⁴Kusich L, Grove T. Russia is quick to bend truth about Ukraine // The Washington Post, 6.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/europe/pro-russia-protesters-seize-buildings-in-eastern-ukraine-kiev-blames-putin/2014/04/06/68f8ba04-bdc4-11e3-bcec-b71ee10e9bc3_story.html (дата обращения 21.05.2022).

³²⁵Stanglin D. Ukraine airport battle erupts; new leader seeks talks // USA Today, 26.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/05/26/russia-new-ukrainian-president/9588549/> (дата обращения 23.05.2022).

³²⁶Roth A. From Russia, "Tourists" Stir the Protests // The New York Times, 04.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/03/04/world/europe/russias-hand-can-be-seen-in-the-protests.html> (дата обращения 18.05.2022).; Kusich L, Grove T. Russia is quick to bend truth about Ukraine // The Washington Post, 6.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/europe/pro-russia-protesters-seize-buildings-in-eastern-ukraine-kiev-blames-putin/2014/04/06/68f8ba04-bdc4-11e3-bcec-b71ee10e9bc3_story.html (дата обращения 21.05.2022).; Denyer S., Nemtsova A. Eastern ukrainians vote for self-rule in referendum opposed by West // The Washington Post, 11.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/europe/ukraines-rebels-say-they-are-seeking-a-mandate-not-independence-in-referendum/2014/05/11/ac02688a-d8dc-11e3-aae8-c2d44bd79778_story.html?hpid=z1 (дата обращения 22.05.2022).; Newtown D. Ukraine ignores pressure to call a truce with pro-Russian rebels and vows to end their bloody insurgency with force // Daily Mail, 08.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2685079/Ukraine-ignores-pressure-call-truce-pro-Russian-rebels-vows-end-bloody-insurgency-force.html> (дата обращения 24.05.2022).

Стилистические средства медиадискурса выполняли суггестивную, идеологическую, манипулятивную и когнитивную функцию противостояния «своих» и «чужих». Функция легитимации противостояния обозначала мотивы того, почему Россия должна использовать армию в Украине. Для стран Запада данная функция отражалась в виде мотивов для принятия жёстких экономических санкций против России и поставки Украине военной техники.

Политический медиадискурс конфликта на Донбассе оказался наполнен манипулятивными технологиями. Наиболее частыми приёмами оказались техника простонародья (мнения жителей, военных), ссылка на авторитеты (цитаты экспертов, политиков), дискурс постпамяти в виде исторических аналогий, создание «образа врага» через обвинения в связях с Россией, «навешивание ярлыков», фейковый дискурс, использование идеологических клише, дискурс постправды, технология импринтинга. Производительная функция медиадискурса вражды осуществлялась с помощью визуализации событий. Использовались спутниковые снимки российских военных баз ради доказательства передачи их вооружённым силам формирований повстанцев.

1. Техника простонародья. Часто использовалось мнение простых людей. Во время протестов в Харькове в пример приводился ответ жительницы города о том, что протестующим за укрепление связей с Россией платят деньги. В период референдума в Донбассе к кадрам очередей на избирательные участки использовалось мнение несогласного с проведением данного голосования. Для подтверждения присутствия российской армии в Донбассе достаточным оказалось мнение солдата украинской армии и российского военного, вернувшегося из мест боевых действий.

2. Цитаты экспертов и политиков. В англоязычном медиадискурсе слово предоставлялось представителям всех враждующих сторон: стран Запада (Б. Обама, Д. Кэмерон, М. Земан, Д. Шолле и т.д.), представителям и военным НАТО (А. фон Расмуссен, Ф. Бридлав), Украине (П. Порошенко, А. Яценюк, А. Парубий, А. Аваков, В. Гелетей, О. Слободян и т.д.), России (В. Путин, Д. Медведев, С. Лавров, Д. Песков, В. Жириновский и т.д.), Донбассу

(П. Губарев, Д. Пушилин, И. Плотницкий, В. Болотов). Альтернативное мнение в англоязычных медиаисточниках было представлено, что свидетельствует о расхождении с базовым принципом дискурса вражды. Оно выполняло информационную функцию описания событий. Чаще всего цитаты политиков Украины и Запада были представлены в виде требований, угроз, обвинений, которые нагнетали атмосферу страха. Наиболее жёсткие выступления в публикациях отдавались представителям Украины – П. Порошенко и А. Яценюку. В заявлениях представителей украинской власти понятие мира оказывалось в роли эвфемизма, которое имело основание для обозначения проведения АТО³²⁷. Исключением были цитаты В. Путина, которые отражали дипломатический и миролюбивый характер решения конфликта. Из-за расхождения с доминирующей версией событий их опровергали.

3. Идеологические клише. Они представлены в различных формах: идеологической лексике, лозунгах, идеологемах. Представители Донбасса и России называли вооружённые формирования и власть Украины националистической и фашистской. Доминирующие в англоязычных статьях идеологемы были близки к идеологии русофобии. Во время референдума об автономии республик Донбасса отвергалось их право на самостоятельность, процедуры проведения представлялись непрозрачными. За период конфликта список основных идеологем был следующим:

1. нападения на русских во время протестов на востоке Украины не были систематическими и массовыми;

2. Украина борется за освобождение от влияния России и построения европейской демократии³²⁸;

³²⁷Stanglin D. Ukraine airport battle erupts; new leader seeks talks // USA Today, 26.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/05/26/russia-new-ukrainian-president/9588549/> (дата обращения 23.05.2022).

³²⁸Ukraine needs U.S. military aid // The Wall Street Journal, 5.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303678404579537971371803670> (дата обращения 22.05.2022).

3. «доктрина Путина» – политика завоевания под предлогом защиты русскоязычных³²⁹;

4. Украина имеет право на защиту собственной территории;

5. США борются за территориальную целостность Украины и против возрождения империи под руководством В. Путина;

6. референдум в Донбассе не был демократическим, дипломатическое решение конфликта не должно дать ему право на самостоятельность³³⁰;

7. Россия отрицает свою причастность к поставкам военной техники на Донбасс;

8. Украина – это бесконечный кризис;

9. страны США и ЕС будут ужесточать санкции против России за вмешательства в дела Украины.

4. Дискурс постпамяти. Присутствует несколько примеров исторической аналогии. Убийство активистов, выступавших за сближение с Россией, сравнивалось с убийством Франца Фердинанда в Сараево, как повод для начала войны России против Украины. Парад украинских военнопленных в Донецке сравнивался с парадом немецких военнопленных в Москве в 1944 году. Во время крушения самолёта МН17 трагедия сравнивалась с катастрофой сбитого СССР корейского Боинга-747 в 1983 году и трагедией уничтожения Украиной российского самолёта во время учений в 2001 году. Наиболее частой аналогией являлось сравнение работы российских массмедиа с пропагандой Геббельса, для подчёркивания оскорбительного характера их работы³³¹.

5. Образ врага. Формирование враждебности осуществлялось с помощью нескольких приёмов. В их основе лежал политико-идеологический

³²⁹Russian invasion marks end of era: our view // USA Today, 28.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2014/08/28/russia-ukraine-nato-vladimir-putin-president-obama-editorials-debates/14766425/> (дата обращения 26.05.2022).

³³⁰Denyer S., Nemtsova A. Eastern ukrainians vote for self-rule in referendum opposed by West // The Washington Post, 11.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/europe/ukraines-rebels-say-they-are-seeking-a-mandate-not-independence-in-referendum/2014/05/11/ac02688a-d8dc-11e3-aae8-c2d44bd79778_story.html?hpid=z1 (дата обращения 22.05.2022).

³³¹Harding L. Ukraine nationalist attacks on Russia supporters – fact or Kremlin fairytale? // The Guardian, 20.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/20/ukraine-nationalist-attacks-russia-supporters-kremlin-deaths> (дата обращения 18.05.2022).

антагонизм, обвинение в связях с Россией. Против вооружённых сил Донбасса применялась стратегия дегуманизации. Обвинение в связях с Россией оказалось главным в формировании такого образа³³².

6. «Наклеивание ярлыков». В ходе протестов и боевых действий на Донбассе активно использовалось обозначение сторонников сближения с Россией и автономии региона разными терминами. Протестующие на востоке Украины назывались «туристами», а сами публичные акции «рукой России». Сторонники независимости Донбасса имели различные и сменявшиеся в процессе развития конфликта названия: «ополчение», «боевики», «повстанцы», «террористы», «мародёры», «криминальные банды», «диверсионно-разведывательные группы». Наиболее резкие ярлыки присутствовали в цитатах украинских политиков – «террористы», авторы публикаций обозначали повстанцев «боевиками». Действия России назывались «агрессией»³³³.

7. Фейковый дискурс. Специфика материалов прессы показывает, что в рамках аналитического жанра встреча с ложными и спорными материалами происходит крайне редко, влияние обеспечивается за счёт продвижения аргументов. Среди проанализированных материалов встречалась ссылка на оправдание налёта украинской авиации на Луганск с помощью цитаты украинского командования³³⁴. Была зафиксирована интернет-ссылка на место запуска ракеты «Бук» по самолёту из района Снежного³³⁵.

³³²Walker S., Gritsenko O., Rogozin L. «Russian soldier: you're better clueless because the truth is horrible» // The Guardian, 3.09.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/sep/03/ukraine-soldier-youre-better-clueless-because-truth-horrible-moscow-ilovaysk> (дата обращения 26.05.2022).

³³³Roth A. From Russia, "Tourists" Stir the Protests // The New York Times, 04.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/03/04/world/europe/russias-hand-can-be-seen-in-the-protests.html> (дата обращения 18.05.2022).; Stewert W., Gayle D. Humiliation for Ukraine's troops as they roll into restive east in armoured vehicles ... and have them SEIZED by pro-Russian militants // Daily Mail, 16.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2605828/Tanks-bearing-Russian-flag-roll-cities-eastern-Ukraine-Vladimir-Putin-warns-country-brink-civil-war.html> (дата обращения 18.05.2022).

³³⁴Witte G., Morello C. In Ukraine, fierce border fight reflects insurgency's growing strength // The Washington Post, 02.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/pro-russian-rebels-attack-eastern-guard-post-in-ukraine/2014/06/02/c5a41c16-e331-4f66-bfbd-ce2dc97d874b_story.html (дата обращения 23.05.2022).

³³⁵Ackerman S., Walker S. MH17: US intelligence says Russia 'created conditions' for plane disaster // The Guardian, 22.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/jul/22/mh17-us-intelligence-russia-separatists-report> (дата обращения 24.05.2022).

8. Дискурс постправды. Весь период конфликта на Донбассе 2014 года можно отнести к дискурсу вторжения российской регулярной армии на восток Украины. Он имел последовательные этапы: накачивание перед аудиторией угрозы со стороны России, попытка идентификации воюющих с Украиной бойцов, обвинение России в поставках военной техники во время поставок гуманитарной помощи и обвинение России в военном вторжении во время военной эскалации. Это действие получило название «военное вмешательство». Признаком дискурса постправды является отрицание Россией поставок техники и введение армии в Донбасс, англоязычная пресса активно критиковала позицию России. В представлении влиятельных сетевых изданий газет конфликт в регионе прошёл этап от угрозы до реального вторжения России. Для создания эмоционального эффекта российского вторжения был использован приём признания бойцов украинской армии³³⁶.

9. Технология медиаэффекта импринтинга. Эта технология отражает комбинированное аудиовизуальное сообщение. Вооружённый конфликт на Донбассе сопровождался использованием прессой большого количества графического, аудио и видеоматериала. После катастрофы самолёта МН17 украинская сторона представила аудиоролик признания повстанцев о том, что они причастны к поражению самолёта. Перемещение ракеты «Бук» по территории Украины обозначалось при помощи фотографий из социальных сетей и роликов с сайта Youtube. Более значительное место в политическом медиадискурсе занимало объяснение о перемещении танков с военных баз России на Донбасс при помощи спутниковых снимков. Для этого использовались комментарии военных НАТО и выделение мест расположения техники с подписями на снимках. Комментарии и пояснения к снимкам были нужны из-за сложности различения объектов с высоты, что давало возможности для

³³⁶Walker S., Gritsenko O., Rogozin L. «Russian soldier: you're better clueless because the truth is horrible» // The Guardian, 3.09.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/sep/03/ukraine-soldier-youre-better-clueless-because-truth-horrible-moscow-ilovaysk> (дата обращения 26.05.2022).

манипуляции. Российская сторона опровергала факт перемещения военной техники в Донбасс.

Рисунок 5. Иллюстрация «В субботу НАТО предоставило спутниковые снимки российской военной базы недалеко от Украины. На левом снимке, датированном 30 мая, изображено российское подразделение на месте. На среднем снимке, датированном 6 июня, видно, что большая часть машин исчезла. На третьем снимке, датированном 11 июня, видно 10 боевых танков на месте, сообщают военные НАТО». Статья The Wall Street Journal «NATO says images show russian tanks in Ukraine»³³⁷.



Кроме этих технологий использовались также социологические опросы, данные статистики. Чтобы объяснить стратегию России, применялся приём ложного выбора В. Путина в международной политике между защитой экономики от санкций и поддержкой ополченцев. Большое количество методов воздействия на массовое сознание и эмоции показывает, что в США и Великобритании продвигалась собственная политическая интерпретация версий событий в рамках широкой информационной кампании против России.

В политическом медиадискурсе войны на Донбассе применялся географический, событийный, исторический, идеологический, психологический, экономический, дипломатический контекст. Можно отметить наличие манипулятивного контекста - причина войны на Донбассе со стороны России связывалась со свержением президента Украины В. Януковича и его тесной связью с В. Путиным. Географический контекст предполагал разъяснение, где

³³⁷Norman N. NATO says images show russian tanks in Ukraine // The Wall Street Journal, 15.06.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/nato-says-images-show-russian-tanks-in-ukraine-1402760713?tesla=y&mg=reno64-wsj> (дата обращения 24.05.2022).

находится регион Донбасса. Событийный контекст строился на ссылках на предыдущие или предполагаемые события, в некоторых случаях представлялся в описании хронологии событий. Исторический контекст опирался на метод исторической аналогии, сравнении войны на Донбассе с конфликтами на постсоветском пространстве. Идеологический контекст включал опору на лозунги, упоминание украинского национализма. Объяснение поведения России в медиа находило причины в идеологии неоимпериализма. В основе авторов публикаций лежали антироссийские убеждения. Психологический контекст отражался в передаче эмоций восторга, вражды, тревоги, страха, возмущения, шока. Экономический контекст присутствовал в виде упоминаний о продолжении политики санкций недружественных стран против России. Использовался дипломатический контекст, чтобы показать ведение боёв с возможностью политического решения конфликта через встречу в Нормандии и Минске. Использование контекстов отражало враждебный характер США и Великобритании к позиции России в конфликте на Донбассе, на финальном этапе дипломатического решения острой фазы вооружённого конфликта отвергалась идея автономии Донбасса от Украины.

Невербальный элемент статей прессы США и Великобритании включал в себя: инфографику в виде карт протестов на востоке Украины, спутниковые фотографии передвижения российской военной техники, фотографии боевых действий и их последствий, видеозаписи и аудиозаписи. Самый распространённый невербальный элемент медиадискурса – фотографии. Во время протестов для передачи атмосферы противостояния использовались изображения боёв и сожжения флагов, во время боевых действий на Донбассе – фотографии солдат украинской армии и армии непризнанных республик Донбасса. Если солдаты украинской армии были показаны открытыми, то солдаты подразделений ополченцев изображались в масках и с оружием, создавая ощущение агрессивности и опасности. Протесты сопровождалась картами места их прохождения, карты боевых действий показывали изменение зоны контроля со стороны повстанцев. Акцент на разрушительности конфликта

делался при помощи кадров, повреждённых от обстрелов украинской армии зданий. Наибольшее воздействие на читателя должны были оказать спутниковые снимки изменения количества военной техники на базах в России, фиксация перемещения российских ракет по территории Украины с помощью фотографий из социальных сетей. Аудиозаписи представляли собой записанные со стороны Украины переговоры руководителей ополчения с расшифровкой их слов. Данные фрагменты рассчитаны на создание эффекта эксклюзивности и раскрытия агрессивных планов противника. Большая часть публикаций использовала одну фотографию под заголовком, часть – обошлись без снимков. Это связано со спецификой аналитического жанра медиадискурса, когда основой убеждения становятся исключительно тезис и аргументы автора статьи.

Рисунок 6. Фотография «Жители Славянска в восточной Украине пытаются починить окно, разбитое от обстрелов» в статье The New York Times «Ukrainian president ends cease-fire with rebels»³³⁸.



Рисунок 7. Фотография «Пророссийские протестующие тянут раненых товарищей в Харькове после столкновений со сторонниками нового правительства Украины 1 марта» в статье The Guardian «Ukraine nationalist attacks on Russia supporters – fact or Kremlin fairytale?»³³⁹.

³³⁸Herszenhorn D. Ukrainian president ends cease-fire with rebels // The New York Times, 30.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/07/01/world/europe/ukrainian-president-ends-cease-fire-with-rebels.html?_r=0 (дата обращения 23.05.2022).

³³⁹Harding L. Ukraine nationalist attacks on Russia supporters – fact or Kremlin fairytale? // The Guardian, 20.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/20/ukraine-nationalist-attacks-russia-supporters-kremlin-deaths> (дата обращения 18.05.2022).



Рисунок 8. Фотография «Вооруженные люди патрулируют улицу возле здания Донецкой городской администрации. В других районах города протестующие построили баррикады и установили блокпосты» в статье газеты Daily Mail «Humiliation for Ukraine's troops as they roll into restive east in armoured vehicles ... and have them SEIZED by pro-Russian militants»³⁴⁰.



Проведя анализ англоязычных источников массмедиа США и Великобритании по конфликту на Донбассе 2014 года, можно сделать выводы. Были рассмотрены все элементы плана анализа. В рамках событий с марта по сентябрь 2014 года их освещение происходило во время информационной кампании англоязычных медиа, которая включала в себя различные средства. События конфликта на Донбассе, завершившиеся временным урегулированием, носили военно-дипломатический характер. Основной коммуникативной стратегией стала дискредитация ополчения Донбасса и России, противопоставление враждующих сторон. Структура медиадискурса вражды учитывала параллельное развитие боевых действий и дипломатического урегулирования. Авторами статей оказались журналисты и политики.

³⁴⁰Stewart W., Gayle D. Humiliation for Ukraine's troops as they roll into restive east in armoured vehicles ... and have them SEIZED by pro-Russian militants // Daily Mail, 16.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2605828/Tanks-bearing-Russian-flag-roll-cities-eastern-Ukraine-Vladimir-Putin-warns-country-brink-civil-war.html> (дата обращения 18.05.2022).

Публикации включали в себя аналитический жанр и жанр обвинения. Приём обвинения России и ополченцев оказался доминирующим. В описании событий для англоязычных медиа осталась незаметной трагедия сожжения Дома профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 года. Политический медиадискурс представлял собой сложную систему противостоящих коммуникативных образов: России и Украины, России и Запада, Украины и Донбасса.

В лингвистической области доминировала военная и дипломатическая лексики, номинации идентичности противостоящих сторон. Ключевым описанием вооружённого конфликта на Донбассе было понятие «война» и «кризис», действий России – «агрессия» и «военное вмешательство». Изменение употребляемых слов происходило под влиянием представителей политических элит. Экспрессивность достигалась за счёт средств антитезы, метафоры, эпитетов, кавычек переносного значения, экспрессивных оборотов, сравнений. Частыми в условиях проведения боевых действий оказались коммуникативные тактики обвинения и угроз. Особо значимым приёмом оказались кавычки, которые придавали употребляемой со стороны России и Донбасса лексике переносное значение. Из-за большого количества обвинений снизилась роль метафоры в создании образной картины мира войны на Донбассе. Стилистические средства выполняли агональную, суггестивную, идеологическую, манипулятивную функции, когнитивную функцию обозначения «своих» и «чужих», легитимации противостояния. Причина участия России в военно-политическом украинском конфликте виделась авторами рассматриваемых публикаций в выполнении на практике «доктрины Путина», которая была, якобы, направлена на обеспечение геополитической безопасности России путем вооруженного захвата территорий украинского государства. Данная трактовка конфликта легла в основу принятия государствами Запада жестких экономических санкций против России.

Политический медиадискурс войны на Донбассе был наполнен манипулятивными технологиями – техникой простонародья, ссылкой на авторитеты, дискурсом постпамяти, образом врага, «навешивании ярлыков»,

использованием идеологических клише, дискурсом фейков, дискурсом постправды, технологией импринтинга. Манипулятивные приёмы выполняли производительную функцию политического медиадискурса вражды. Использование различных видов контекста должно было обосновать борьбу Украины и стран Запада с Россией на Донбассе. Присутствие невербального элемента в медиадискурсе имело различные форматы: фотографии, спутниковые снимки, аудио и видеозаписи. Наибольшим признаком манипуляции обладали спутниковые снимки перемещения российской военной техники для доказательства участия России в конфликте. Эффективность политического медиадискурса вражды против России и республик Донбасса отразился на результатах: формирование глобального негативного общественного мнения к России в США и Великобритании, непризнание референдумов о независимости ДНР и ЛНР, военная поддержка Украины, принятие экономических санкций против России. Дипломатическое урегулирование в Минске создавало сдержанность политического медиадискурса вражды англоязычной прессы. Для сторонников независимости Донбасса применялась номинация не «ополченцы» и «террористы», а «боевики».

2.4 Реализация политического медиадискурса вражды по освещению событий в Буче 2022 года

Продолжением конфликта на Донбассе с 2014 года стало проведение специальной военной операции России в Украине в 2022 году. Заметное место в прессе США и Великобритании заняло описание событий в Буче, которым уделялось повышенное внимание в апреле-мае 2022 года. В ходе анализа в рамках структурно-коммуникативного подхода было рассмотрено 25

медиаисточников изданий The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal, USA Today, The Guardian, Daily Mail, The Financial Times, The Independent. Используемые материалы прессы США и Великобритании включали описание событий в Буче 5-30 марта 2022 года и соответствовали политическому медиадискурсу вражды потому, что основной коммуникативной стратегией стала дискредитация российской армии и создание образа событий, как «Бучинская резня». Специфика ситуации в Буче имела военный характер с отказом от дипломатического решения. Описание данных событий было связано с раскрытием механизма функционирования политического медиадискурса вражды.

Все издания с идеологической точки зрения относятся к направлению влиятельной неолиберальной публицистики. Описание событий в Буче в прессе относилось к аналитическому жанру, жанру обвинения и журналистскому расследованию. Наиболее частым в политическом медиадискурсе оказался жанр обвинения. К аналитическому жанру можно отнести три статьи: *Ukraine isn't yet a «strategic defeat» for Putin* («Украина – это ещё не стратегическое поражение Путина»)³⁴¹, *Lethal darts were fired into a Ukrainian neighborhood by the thousands* («Тысячи смертоносных дротиков были выпущены в украинский квартал»)³⁴², *Atrocities in Ukraine war have deep roots in russian military* («Зверства на войне в Украине имеют глубокие корни в российской армии»)³⁴³. Композиция аналитической статьи в целом соответствует структуре тезис–аргументы. Для описания событий в Буче авторы использовали различные тезисы для характеристики военно-политической обстановки, описания и исторического

³⁴¹Ukraine isn't yet a «strategic defeat» for Putin // The Wall Street Journal, 03.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/strategic-defeat-putin-russia-blinken-biden-zelensky-bucha-war-crime-kyiv-mass-grave-atrocities-united-nations-un-human-rights-shelling-odessa-ukraine-11649016865> (дата обращения 07.06.2022).

³⁴²Horton A. Lethal darts were fired into a Ukrainian neighborhood by the thousands // The Washington Post, 18.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/18/flechette-projectile-ukraine-russia/> (дата обращения 10.06.2022).

³⁴³Troianowski A. Atrocities in Ukraine war have deep roots in russian military // The New York Times, 17.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/04/17/world/europe/ukraine-war-russia-atrocities.html> (дата обращения 12.06.2022).

обзора используемого вооружения, объяснения причин использования насилия российской армией против мирного населения.

Большинство публикаций по освещению трагедии в Буче относились к жанру обвинения. Ввиду того, что все материалы описывали одни и те же события, их описание можно представить в таблице. Доминирующим медиадискурсом стало описание военной обстановки в городе и эпизодов насилия со стороны российской армии. Только одна статья обвиняла российские власти, массмедиа и социальные сети в игнорировании освещения событий³⁴⁴. Основной коммуникативной целью обвинения стала дегуманизация российской армии. Также использовалась стратегия демонизации России. Особенностью обвинения стало большое количество обвинителей, в некоторых статьях отсутствовала реакция России. Основным приёмом доказательства стал нарратив жертв. Среди публикаций прессы можно обозначить образцовую статью *The Financial Times Retreating Russian troops leave trail of carnage on Kyiv's outskirts* («Отступающие российские войска оставляют следы бойни на подступах к Киеву») со всеми элементами и большим количеством обвинений³⁴⁵.

Таблица 9. Композиционная структура проанализированной статьи о событиях в Буче 2022 года с позиции жанра обвинения

Параметр	Признаки
Обвинители	Украина, США, Франция, Германия, Великобритания, Международный Уголовный Суд (МУС), ООН, Human Rights Watch, Amnesty International, немецкая разведка, СБУ, Генеральная прокуратура Украины, В. Зеленский, И. Венедиктова, Л. Денисова.
Пострадавшие	Жертвы насилия и расстрелов.
Обвиняемые	Подразделения российской армии, В. Путин, Россия, Министерство обороны РФ.
Основание для обвинения	Военные преступления российской армии – пытки, расстрелы мирных граждан и пленных, изнасилование

³⁴⁴Wahlen J., Dixon R., Ilyshina M. Russia denies and deflects in reaction to Bucha atrocities // The Washington Post, 04.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/04/russia-bucha-atrocities-war-crimes/> (дата обращения 07.06.2022).

³⁴⁵Olearchyk R., Schipani A., Reed J. Retreating russian troops leave trail of carnage on Kyiv's outskirts // The Financial Times, 02.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/3bb2ce56-ae93-48c8-ba89-40aec21cb6aa> (дата обращения 06.06.2022).

	женщин. Военные преступления российской армии были преднамеренными.
Коммуникативная цель	Дегуманизация российской армии и дискредитация России.
Наличие доказательной части обвинения	Свидетельские показания жертв насилия, эмоциональные и этические высказывания, фотографии, спутниковые снимки, видеозаписи, радиоперехваты.
Перлокутивный эффект воздействия	Формирование общественного мнения против России и российской армии.
Реактивное высказывание оправдания	Россия отрицает военные преступления (позиция «ни один мирный житель не пострадал»). Доказательства против российской армии являются фальшивыми. Провокация в Буче направлена на срыв мирных переговоров. В некоторых статьях реакция России отсутствует.

Особенностью политического медиадискурса вражды ситуации в Буче стала заметная доля публикаций в жанре журналистского расследования. Они присутствовали в издании The New York Times³⁴⁶, Daily Mail скопировало расследование Reuters³⁴⁷. Цель расследований имела политизированный характер – установить ответственных за «военные преступления» в Буче военные подразделения России, собрать доказательства для их демонстрации, зафиксировать имена конкретных исполнителей. Источником доказательств стали сведения, предоставленные со стороны официальных лиц Украины, истории свидетелей событий. Некоторые источники – карты и списки военнослужащих обозначались, как оставленные российскими военнослужащими. На основе этих сведений попытка журналистов наладить взаимодействие с большинством собеседников оказалась неудачной. Остальные

³⁴⁶Al-Hlou Y., Froliak M., Hill E., Browne M., Botti D. New evidence shows how russian soldiers executed men in Bucha // The New York Times, 19.05.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/05/19/world/europe/russia-bucha-ukraine-executions.html> (дата обращения 11.06.2022).; Gall C. «Such bad guys will come»: how one russian brigade terrorized Bucha // The New York Times, 22.05.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/05/22/world/europe/ukraine-bucha-war-crimes-russia.html> (дата обращения 12.06.2022).

³⁴⁷Love letters and social media graffiti tags left behind by Russian soldiers in Bucha unmask the troops that tortured and massacred civilians // Daily Mail, 05.05.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10785615/Love-letter-ID-card-point-Russian-units-terrorised-Bucha.html> (дата обращения 11.06.2022).

участники давали ответы, иногда с оскорблениями в адрес Украины. Во всех расследованиях было продемонстрировано, что запрос на ответы был предоставлен официальным органам власти России, от которых они уклонились. Оценочность дискурса расследований определяла действия российской армии, как «военное преступление». Идентичность российских военных определялась их формальным статусом и военным подразделением несения военной службы. Эмоциональность и образность в журналистских расследованиях формировалась за счёт историй свидетелей трагедии, описание сцен насилия происходило за счёт видеоматериалов и рассказов жертв событий в Буче. Вывод журналистов, который делался из этих расследований, носил вероятностный характер – расстрел мирных жителей со стороны российской армии мог быть запланированным и выполняться по приказу со стороны командования. Данные расследования можно отнести к медиадискурсу вражды из-за наличия заинтересованной стороны и обвинительного уклона журналистов в сторону России.

Только журналисты являлись авторами политического медиадискурса. Большинство сетевых медиа сделали специальную колонку для описания военных действий на Украине. В The Guardian она называлась Ukraine invasion (вторжение в Украину), в The Financial Times и The Washington Post – War in Ukraine (война в Украине), в The New York Times и Daily Mail – Russia-Ukraine War (Российско-украинская война). Согласованность позиций позволяет говорить о том, что субъектом медиадискурса были политические элиты. После появления сообщений о нахождении погибших на улицах города 2-4 апреля 2022 года вышло 15 статей в 8 указанных изданиях США и Великобритании, до конца апреля – ещё 27, в мае 2022 года только 5. Подача материала Украиной, как расстрела мирных граждан российской армией вызвала интерес мировых массмедиа к информационному поводу, который резко упал уже в следующем месяце. На следующем этапе интерес поддерживался за счёт журналистских расследований.

Пропагандистское воздействие отразилось на общественном мнении в США, где 53% респондентов YouGov в опросе 2-5 апреля 2022 года назвали Россию врагом, а 28% – недружественным государством³⁴⁸. Социологический опрос группы Latano с 30 марта по 10 мая 2022 года показал, что негативно к России относятся в 42 из 53 странах, в Великобритании – 74%, в США – 70% респондентов. В 31 из 52 стран большинство опрошенных респондентов поддержало разрыв экономических отношений с Россией. По опросу Pew Research Center в июне 2022 года средний рейтинг недоверия к России в 18 странах составил 85% опрошенных респондентов, произошло резкое снижение доверия к российской политике³⁴⁹. Информационная кампания по описанию событий в Буче позволила закрепить за Россией негативное отношение в большом количестве стран³⁵⁰.

Основной целью медиадискурса публикаций выступали обвинение российской армии в убийстве, пытках и изнасиловании мирных граждан города Буча. Также целями выступали дискредитация официальной позиции России по несогласию с обвинениями, информационное игнорирование произошедших событий и их ложная интерпретация. В некоторых статьях целью ставилось убеждение политического руководства стран Запада выделять Украине больше вооружений. Данные цели соответствуют коммуникативной стратегии политического медиадискурса вражды по дегуманизации российской армии и демонизации России. Предметная область медиадискурса включала описание нахождения российской армии в Буче с 3 по 31 марта 2022 года и причины трагедии, которые нашли своё отражение в англоязычных медиаисточниках в апреле-мае 2022 года.

³⁴⁸The Economist/YouGov Poll April 2 - 5, 2022 - 1500 U.S. Adult Citizens. – 05.04.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docs.cdn.yougov.com/sjgq52uivh/econTabReport.pdf#page=16> (дата обращения 19.06.2022г.).

³⁴⁹Pew Research Center. Ratings for Russia drop to record lows. – 22.06.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/global/2022/06/22/ratings-for-russia-drop-to-record-lows/> (дата обращения 25.03.2023г.).

³⁵⁰Не разрываются любя [Электронный ресурс] - // Коммерсант. 1.06.2022. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5381033> (дата обращения 19.06.2022г.).

В списке образов медиадискурса ситуации в Буче встречаются: со стороны России – российская армия, её подразделения и солдаты, президент В. Путин; со стороны Украины – украинская армия, жертвы трагедии, представители органов власти, президент В. Зеленский, со стороны международных организаций – США, Великобритания, ЕС, Франция, Германия, Международный Уголовный Суд (МУС), ООН, правозащитные организации Human Rights Watch и Amnesty International, руководство стран и международных организаций – Д. Байден, Б. Джонсон, У. фон дер Ляйен, Э. Макрон, О. Шольц и др. Также присутствуют образы действий России, российской и украинской армии, образ событий в Буче.

Определяющими для описания событий оказались «ярлыки». Центральным для медиадискурса стал образ ситуации в Буче – *Бучинская резня (Bucha massacre)*, «геноцид» («genocide»). Действия России определялись агрессивными терминами – *месячная оккупация Россией (Russia's month-long occupation)*, *российское вторжение (the Russian invasion)*, *вторжение В. Путина (Vladimir Putin's invasion)*, *терроризм («terrorism»)*; в единственном случае использовалось формальное название действий со стороны России – *специальная операция по демилитаризации Украины и искоренению опасных националистов (a special operation to demilitarise Ukraine and eradicate dangerous nationalists)*. Образ России, определялся, как *глобальный изгой (global outcast)*, который дополнил образ *российской агрессии (Russian aggression)*. Действия российской армии обозначались словами обвинительного и экспрессивного тона: *зверства (atrocities)*, *кампания террора и мести (campaign of terror and revenge)*, *военные преступления (war crimes)*, *преступления против человечности (crimes against humanity)*. В некоторых случаях действия российской армии фиксировались в вероятностном характере – *возможно, геноцид (possibly genocide)*, *потенциальное военное преступление – (potential war crime)*. Российские солдаты обозначались по статусу подразделения – *российские войска (the russian troops, the russian forces, the russian military)*, *десантники – (paratroopers)*, *спецназ – (special forces)*, а также носили агрессивный образ захватчиков через ярлыки *оккупантов (an occupant)* и «мясников Бучи» («butchers of Bucha»). Вывод

русской армии из Бучи характеризовался как *отступление (the retreat of russian troops)* и *вывод российских войск (Russian troops withdrew)*.

В медиадискурсе прессы США и Великобритании выстраивался подробный образ русской армии: название подразделений, внешний вид солдат и их форма. Российская армия была показана в дезорганизованном состоянии. Большинство оценок действий русской армии давались жителями города Бучи, которые с ними взаимодействовали. Стратегия дегуманизации русской армии строилась на описании причастности российских военнослужащих к *расстрелам (shooting)*, *пыткам (torture)*, *изнасилованиям (rape)*, *взятию в заложники мирных граждан (taking civilians hostage)*, *казням задержанных (executions of detainees)*, использованию орудий неизбирательного действия – *флэшеттов (fléchettes)* и *т.п.* Отдельно выделялась целенаправленность преступных действий русской армии.

В большинстве статей уделялось внимание официальной позиции России по ситуации в Буче. Она находилась в последовательно меняющихся позициях отрицания: «ни один мирный житель в Буче не пострадал», «доказательства убийств мирных граждан являются вымышленными и фейковыми», «провокация» со стороны Украины по срыву мирных переговоров, «инсценировка» киевского режима. В источниках массмедиа давалась оценка позиции России, как нелепой и ложной информации, носящей характер пропаганды, а также делалось заключение о том, что увеличение доказательств опровергает позицию России.

Украинская армия носила формальный статус *украинских военных (Ukraine's military)* и *солдат (Ukrainian soldiers)*, *сил территориальной обороны (the territorial defense force)*, а их действия определялись через приём героизации – *украинское сопротивление (the ukrainian resistance)* и *контратака (a counterattack)*. В описании событий в Буче для подтверждения определения военных преступлений русской армии использовалась история о пытках и убийствах безоружных членов территориальной обороны Украины.

Пострадавшие от действий русской армии определялись понятиями *граждане (civilians)*, *жертвы (the victims)*. Особо подчёркивалась незащищённость

мирных граждан перед российскими военными. В качестве жертв показывались, как отдельные люди (велосипедист), так и представители коллективных групп - женщины, дети, пенсионеры. Уделялось большое внимание описанию тел погибших и сценам похорон. Подчёркивалось, что погибшие являются жертвами расстрелов российских солдат. Для поддержки атмосферы трагизма использовались фотографии трупов, печальных взглядов людей и лиц со слезами на глазах.

Уделяется внимание месту нахождения тел погибших – Яблонской улице, которая оказалась ближе всего к участку боевого соприкосновения. В англоязычных источниках она получила название «место ужаса», самым смертоносным участком дороги для жителей Бучи.

Образ западных стран и международных организаций носил агрессивно враждебный характер. Со стороны элит отступление российских войск из Бучи называлось «неудачей Путина», а убийство мирных граждан – «варварство» («*barbarity*»), *гнусное зверство (vile atrocity)*, военное преступление. Президент США обозначал трагедию в Буче геноцидом, а премьер-министр Великобритании – близко к геноциду. В статьях обозначалась поддержка США и стран ЕС в поставках военной техники Украине, жёстких экономических санкциях против России, начало расследования со стороны Международного Уголовного Суда. Также было обозначено исключение России из Совета по правам человека ООН и призывы Совета Европы к международному трибуналу против России. Образ ЕС строился на расколе между странами по поддержке жёстких экономических санкций против России. Частым в материалах оказалось обвинение России со стороны руководства недружественных стран.

Среди персональных образов большое внимание уделялось президенту Украины В. Зеленскому. Понятие «геноцид» первым получило распространение в речи президента Украины. Использовались цитаты президента с критикой отсутствия единой позиции ЕС в поддержке жёстких санкций против России, оскорбления российских солдат, призыв отомстить за расправу в Буче в боевых действиях на Донбассе. Внимание к президенту России В. Путину в англоязычных

медиа было незначительным. Обозначалась оценка статуса его положения – диктатор и виновник вторжения в Украину.

В целом, коммуникативная система образом трагедии в Буче имела враждебный характер, основанный на композиции «свой» - «чужой». Руководство Украины, страны Запада, международные организации играли роль обвинителя, пострадавшими были жители города Буча. Россия, президент В. Путин и российская армия выступали в роли обвиняемых в военных преступлениях. Сам политический медиадискурс прессы США и Великобритании можно определить, как представление доказательств преступлений российской армии.

Политический медиадискурс событий в Буче использовал военную, криминальную, судебно-правовую, дипломатическую лексику и слова описания военно-политических состояний. В криминальную лексику входили следующие слова: *mass atrocities carried out by the invaders* (массовые зверства, совершаемые захватчиками), *Russian war crimes and crimes against humanity* (российские военные преступления и преступления против человечности), *murder* (убийство), *torture* (пытки), *rape* (изнасилование), *looting* (грабёж), *corpses* (трупы), *civilian executions* (гражданские казни), *a mass grave* (братская могила), *shooting* (расстрел), *sexual abuses* (сексуальное насилие), *the victims* (жертвы), *Bucha massacre* (Бучинская резня). В состав военной лексики входило описание оружия, статуса военных подразделений, военных положений: *the territorial defense force* (силы территориальной обороны), *russian tanks and artillery* (российские танки и артиллерия), *war* (война), *snipers* (снайперы), *a counterattack* (контратака), *russian soldiers* (российские солдаты), *russian forces retreating* (отступление российской армии), *fléchettes* (флэшетты). В судебно-правовой лексике встречаются слова: *investigators* (следователи), *admissible evidence in court* (допустимые доказательства в суде), *the International Criminal Court's chief prosecutor* (главный прокурор Международного Уголовного Суда), *the evidence* (доказательства), *the law* (закон), *forensic doctor* (судебно-медицинский эксперт), *an investigative process* (процесс расследования), *the rule of law* (верховенство закона). Встречалась в статьях дипломатическая лексика: *peace*

negotiations, peace talks (мирные переговоры), *a humanitarian corridor* (гуманитарный коридор). В описание военно-политических состояний входили понятия: «*genocide*» («геноцид»), *the russian invasion* (российское вторжение), *Vladimir Putin's invasion* (вторжение В. Путина), «*strategic defeat*» for Mr. Putin («стратегическое поражение» В. Путина), а «*provocation*» («провокация»), «*another staged performance by the Kyiv regime*» («инсценировка киевского режима»), the «*New Srebrenica*» («Новая Сребреница»), «*denazification*» («денацификация»), *Kremlin's plan for a lightning offensive* (кремлёвский план молниеносного наступления), *russian occupation* (российская оккупация), а *a special operation to demilitarise Ukraine and eradicate dangerous nationalists* (специальная операция по демилитаризации Украины и искоренению опасных националистов). Доминирующей в медиадискурсе оказалась военная и криминальная лексика, наиболее используемыми стали понятия «*genocide*» («геноцид»), *war crimes* (военные преступления), *atrocities* (зверства).

Данные страницы полного семантического анализа текста Miratext показывают, что было зафиксировано в публикациях 40201 слов³⁵¹. Наиболее частыми оказались понятия: *russian* (русский) – 517, *Bucha* (Буча) – 355, *Ukraine* (Украина) – 200, *soldiers* (солдаты) – 187, *war* (война) – 184, *bodies* (тела) – 170, *Ukrainians* (украинский) – 157, *civilians* (гражданский) – 138, *Kyiv* (Киев) – 127, *Russia* (Россия) – 122. Также характерными для медиадискурса вражды ситуации в Буче были слова: *street* (улица) – 115, *troops* (военные) – 114, *crimes* (преступления) – 103, *military* (военные) – 95, *shot* (выстрел) – 82, *killed* (убитый) – 82, *evidence* (доказательства) – 75, *dead* (умерший) – 64, *Putin* (Путин) – 63, *images* (изображения) – 61, *Yablunska* (Яблонская) – 57, *body* (тела) – 56, *atrocities* (зверства) – 53, *killings* (убитые) – 44, *army* (армия) – 43, *investigators* (следователи) – 43, *civilians* (гражданские) – 42, *violence* (насилие) – 35, *occupation* (оккупация) – 22, *genocide* (геноцид) – 17, *massacre* (резня) – 15.

³⁵¹Страница полного семантического анализа текста Miratext. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://miratext.ru> (дата обращения 26.11.2022 г.)

Ситуация в Буче в целом описывается словами военного насилия, острые понятия зверства, геноцида и резни находятся в конце списка.

Среди стилистических средств выразительности политического медиадискурса событий в Буче можно выделить метафору, антитезу, эпитеты, экспрессивные обороты, кавычки переносного значения, сравнение, гиперболу, риторический вопрос, синекдоху, градацию, парцелляцию. Наиболее частыми в публикациях оказались такие средства, как метафора, антитеза, эпитеты, экспрессивные обороты, кавычки переносного значения, сравнение. Были тактические приёмы коммуникации: свидетельский нарратив жителей Бучи и комментарии экспертов, идеологическое клише (политическая установка), обвинение, отрицание, цитата, психологические приёмы, историческая аналогия, инвектив, требование. Больше всего применялись приёмы историй жертв трагедии, идеологическое клише, обвинения, отрицания, цитаты политиков. В отличие от истории вооружённого конфликта на Донбассе 2014 года, было зафиксировано присутствие инвектива, демонстрирующего агрессивность медиадискурса вражды.

Использование метафоры позволяет сформировать целостную картину образа трагедии в Буче. Ведущей метафорой выступала концептуальная теоморфная метафора «конца света», которая включала в себя фреймы «смерти», «зла» и «жестокости». Использовался фрейм «ужас» и метафора жестокости – *a «21st century hell» («ад XXI века»)*, *photo archive of hell (фотоархив ада)*, *evil (зло)*, *apocalyptic scenes (апокалипсические сцены)*, *the atrocities (зверства)*, *Putin's barbarity (путинское варварство)*, *«smell of death» («запах смерти»)*, *a nightmare (кошмарный сон)*, *«the torture of the whole nation» («пытка всей нации»)*. Фрейм «ужаса» соотносился с творческими метафорами, чтобы передать атмосферу, которая показывала последствия нахождения российской армии в Буче на фотографиях: *a horror show (шоу ужасов)*, *a horror film (фильм ужасов)*, *the horrific scenes (ужасные сцены)*, *Bucha is a landscape of horrors (Буча – это*

пейзаж ужасов). Для описания российских солдат использовалась зооморфная метафора животных³⁵².

Для описания проблемы подсчёта жертв изнасилования российскими солдатами использовалась метафора *the tip of the iceberg* (верхушка айсберга). Для включения такого вида преступления в обвинение против России использовалась механическая метафора *an instrument of war* (инструмент войны). Для создания ясности и противостояния российской пропаганде в описании событий в Буче использовалась природная метафора *to pierce the fog of war* (развеешь туман войны). Инструментальная метафора *Putin's war machine* (военная машина Путина) показывала сложность борьбы Украины и поддерживающих её стран с российской армией. Метафора выполняла когнитивную функцию дихотомической картины мира «военные преступники» - «невинные жертвы». Манипулятивность метафоры позволяла отвлечь внимание от альтернативных версий трагедии, заменив их картиной «конца света». Суггестивная функция метафоры позволяла создать эмоциональную атмосферу ужаса.

Роль антитезы для описания событий в Буче заключалась в том, чтобы продемонстрировать угрозу со стороны России, показать нереализованность плана «молниеносной победы» российской армии, противопоставить отрицание убийств мирных граждан доказательствам³⁵³. Антитеза выполняла задачу опровержения официальной позиции России. Основная функция антитезы в медиадискурсе заключалась в создании агональных образов и позиций сторон.

³⁵²Bunyan B., Pleasance C. Zelensky says he finds it «difficult to talk» as he surveys Bucha // Daily Mail, 04.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10684331/Emotional-Zelensky-says-finds-difficult-talk-surveys-carnage-Bucha.html> (дата обращения 08.06.2022).

³⁵³Olearchyk R., Schipani A., Reed J. Retreating russian troops leave trail of carnage on Kyiv's outskirts // The Financial Times, 02.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/3bb2ce56-ae93-48c8-ba89-40aec21cb6aa> (дата обращения 06.06.2022).; Sullivan R. Chief ICC prosecutor declares Ukraine a 'crime scene' after visiting Bucha to investigate Russia's war // The Independent, 14.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/icc-investigation-bucha-war-crimes-b2057997.html> (дата обращения 10.06.2022).; Tondo L., Koshiw I. Evidence some Ukrainian women raped before being killed, say doctors // The Guardian, 25.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/25/evidence-ukraine-women-raped-before-being-killed-say-doctors-russia-war> (дата обращения 11.06.2022).; Forrest B., Marson J. Horrors of Ukraine's Bucha laid bare on Yablunska street // The Wall Street Journal, 07.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/russian-invasion-war-crimes-horrors-of-ukraines-bucha-laid-bare-on-yablunska-street-11649365202> (дата обращения 09.06.2022).

Например, цели России состоят в денацификации Украины, а Украины – в применении Россией опыта преступления нацистов.

Основная роль используемых эпитетов заключалась в создании ужасов перед российской армией и сочувствии погибшим жертвам, которая относится к суггестивной функции политического медиадискурса вражды. Наиболее частым определением в медиадискурсе стало слово «ужасный». Примеры эпитетов: *the images from Bucha «unbearable»* (снимки из Бучи «невыносимые»), *silent, eerie scene* (тихая, жуткая сцена), *the gruesome legacy of Vladimir Putin's invasion* (ужасное наследие вторжения В. Путина), *the brutal reality of horrific war crimes* (жестокая реальность ужасных военных преступлений), *the horrific human suffering in Bucha* (ужасные человеческие страдания в Буче), *the gravest atrocities* (тяжкие зверства), *the shocking killings* (шокирующие убийства), *worse atrocities* (ужасные злодеяния), *the violence seemed cynical* (циничные акты насилия).

Также эпитеты придавали негативную оценку официальной позиции сторон: *the extreme propaganda the Kremlin* (экстремальная пропаганда Кремля), *the West an accomplice of this cynical and immoral crime* (Запад соучастник циничного и безнравственного преступления), *the most bizarre claims* (самые странные заявления). Давались определения политических режимов России и Украины: *a vibrant democracy* (энергичная демократия), *a pariah state* (государство-изгой). Эпитет позволял давать оценку тяжести прошедших боёв, создавал образ российской армии, как неудачника военного противостояния: *a defeated and demoralized russian army finally retreated* (нобеждённая и деморализованная российская армия отступила), *fighting is fierce* (ожесточённые бои), *Russia's failed bid to take the capital* (неудачная попытка России захватить столицу).

Экспрессивные обороты в медиадискурсе играли роль сострадания к жертвам расстрелов, создавали ощущение угрозы со стороны России для Запада и осуществляли дегуманизацию её армии. Экспрессивный оборот включил в себя разнообразные стилистические средства: сравнение, градацию, эпитеты, синтаксический параллелизм, повтор, эпифору. Суггестивная функция

экспрессивных оборотов позволяла создать для читателей атмосферу трагизма существования жителей Бучи в период нахождения там российских солдат³⁵⁴.

По сравнению с медиадискурсом конфликта на Донбассе 2014 года частота кавычек переносного значения снизилась. Уменьшилось количество кавычек для обозначения особой позиции России и создания ей негативной коннотации. Примеры такой роли кавычек: а «*provocation*» («провокация»), «*another staged performance by the Kyiv regime*» («инсценировка киевского режима»), «*fakes*» («фейки»), «*denazification*» («денацификация»). В большой степени кавычки нужны были для выделения особой позиции и цитат украинских политиков: «*strategic defeat*» for Mr. Putin («стратегическое поражение» В. Путина), «*terrible and horrifying*» footage («ужасные и ужасающие» кадры), а «*deliberate massacre*» («преднамеренная резня»), а «*torture chamber*» («камера пыток»), а «*war criminal*» («военный преступник»), «*an unspeakable horror*» («невыразимый ужас»), *russian* «*war crimes*» (русские «военные преступления»), «*concentrated evil*» («концентрированное зло»), «*despicable attacks*» («отвратительные атаки»), «*his invasion is failing*» («вторжение терпит неудачу»), «*human shields*» («живой щит»). Иногда кавычки использовались для относительности употребления В. Зеленским понятия «геноцид», Б. Джонсоном – *the events as not* «*far short of genocide*» (события, «недалёкие от геноцида»). В неологизме «мясники Бучи» кавычки подчёркивали роль метонимии – «*butchers of Bucha*» («мясники Бучи»).

Заметное место в медиадискурсе событий в Буче занимало сравнение. Происходило сравнение российских солдат с животными, России с ИГИЛ, расстрела мирных граждан в Буче с трагедией в Сребренице, с фильмом ужасов,

³⁵⁴Ukraine isn't yet a «strategic defeat» for Putin // The Wall Street Journal, 03.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/strategic-defeat-putin-russia-blinken-biden-zelensky-bucha-war-crime-kyiv-mass-grave-atrocities-united-nations-un-human-rights-shelling-odessa-ukraine-11649016865> (дата обращения 07.06.2022).; Connolly K., McCernan B. Russian soldiers 'discussed killing civilians' in Ukraine in radio intercepts // The Guardian, 07.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/07/russian-soldiers-discussed-killing-civilians-in-radio-intercepts> (дата обращения 09.06.2022).; Kingsley T. Putin awards medals to soldiers accused of Bucha massacre as victims buried in mass graves // The Independent, 19.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/ukraine-war-putin-medals-bucha-b2060568.html> (дата обращения 10.06.2022).

варварством³⁵⁵. Основой сравнения являлась коммуникативная стратегия демонизации России и дегуманизации российской армии.

В медиадискурс вошёл самый экспрессивный элемент – оскорбительная лексика и лозунги. Инвектив использовался для описания общения жителей и российских военных и высказывания В. Зеленского. В жанре расследования журналистов в адрес украинцев прозвучало оскорбление со стороны российского солдата из списка СБУ, что должно было навести подозрение на его причастность к участию в расстрелах в Буче. Для эвфемизации оскорблений использовались тире, которые скрывали слова: *Are you f—ing crazy?*³⁵⁶ (*Ты с ума сошёл?*), *None of these b-----s will avoid responsibility*³⁵⁷ (*Ни один из ублюдков не уйдёт от ответственности*), «*F**k the Ukies*»³⁵⁸ («*К чёрту укры*»).

Стилистические средства медиадискурса выполняли агональную, суггестивную, идеологическую, манипулятивную и когнитивную функцию противостояния «своих» и «чужих». Функция легитимации противостояния отражалась в том, что боевые действия на Донбассе для Украины стали мстью за расстрел мирных граждан со стороны российской армии.

Политический медиадискурс вражды событий в Буче для влияния на аудиторию использовал манипулятивные технологии. Центральное место в нём занимала техника простонародья через многочисленные истории жертв насилия со стороны российской армии и технология импринтинга – использовала аудиовизуальные элементы для доказательства позиции того, что российская армия занималась убийством мирных жителей в Буче. Также использовались

³⁵⁵Rankin J., Boffey D. Killing of civilians in Bucha and Kyiv condemned as «terrible war crime» // The Guardian, 03.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/03/eu-leaders-condemn-killing-of-unarmed-civilians-in-bucha-and-kyiv> (дата обращения 06.06.2022).; Bunyan B., Pleasance C. Zelensky says he finds it «difficult to talk» as he surveys Bucha // Daily Mail, 04.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10684331/Emotional-Zelensky-says-finds-difficult-talk-surveys-carnage-Bucha.html> (дата обращения 08.06.2022).

³⁵⁶Forrest B., Marson J. Horrors of Ukraine's Bucha laid bare on Yablunska street // The Wall Street Journal, 07.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/russian-invasion-war-crimes-horrors-of-ukraines-bucha-laid-bare-on-yablunska-street-11649365202> (дата обращения 09.06.2022).

³⁵⁷Love letters and social media graffiti tags left behind by Russian soldiers in Bucha unmask the troops that tortured and massacred civilians // Daily Mail, 05.05.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10785615/Love-letter-ID-card-point-Russian-units-terrorised-Bucha.html> (дата обращения 11.06.2022).

³⁵⁸Там же.

технологии ссылки на авторитеты (цитаты политиков и комментарии экспертов), идеологическое клише, дискурс постпамяти, создание «образа врага», «навешивание ярлыков», фейковый дискурс. В данных приёмах выполнялась производительная функция политического медиадискурса вражды, которая выражалась в согласованности оценок ведущих изданий и неадекватной визуализации событий через чрезмерную концентрацию на изображениях погибших и жертв в городе Буча.

1. Техника простонародья. Ведущим местом медиадискурса событий в Буче стали истории жертв насилия со стороны российской армии. Англоязычные публикации сообщали о количестве опрошенных жителей города, передавали истории выживших жителей, которые описывали опыт взаимодействия с российскими военными и сообщали о методах применяемого против них насильственного воздействия³⁵⁹. Основная цель таких историй – создать эмоциональное ощущение трагедии, вызвать сочувствие к жертвам. Основой обвинений против российской армии являлась смысловая рамка того, что в марте 2022 года никого, кроме российской армии в городе не было.

2. Технология медиаэффекта импринтинга. В её основе лежало создание впечатления об ужасе трагедии через фотографии тел погибших на улицах Бучи, похорон на братских могилах, плачущих родственников. Для доказательств применялись спутниковые снимки российской техники во дворах жителей, места нахождения трупов, карты нахождения тел погибших на улицах города. Использовалась также аудиозапись немецкой разведки, которая была нужна для подтверждения участия «группы Вагнера» в убийстве жителей Бучи.

³⁵⁹Hauck G., Kenning K. Ukrainians begin grim work of investigating 'absolute horror' near Kyiv: «It is a hell» // USA Today, 06.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2022/04/06/investigators-ukrainians-document-atrocities-against-civilians-kyiv-bucha/9471041002/?gnt-cfr=1> (дата обращения 08.06.2022).; Forrest B., Marson J. Horrors of Ukraine's Bucha laid bare on Yablunska street // The Wall Street Journal, 07.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/russian-invasion-war-crimes-horrors-of-ukraines-bucha-laid-bare-on-yablunska-street-11649365202> (дата обращения 09.06.2022).; Gall C. Bucha's month of terror // The New York Times, 11.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/interactive/2022/04/11/world/europe/bucha-terror.html> (дата обращения 09.06.2022).

В качестве доказательства применялась видеозапись сопровождения пленных членов территориальной обороны Украины российскими солдатами.

3. Цитаты политиков и комментарии экспертов. Среди политиков больше всего цитат использовалось со стороны руководства Украины – президента В. Зеленского, генерального прокурора И. Венедиктовой, уполномоченного по правам человека Л. Денисовой; со стороны западных стран – президента США Д. Байдена, премьер-министра Великобритании Б. Джонсона, канцлера ФРГ О. Шольца, председателя Европейского совета ЕС Ш. Мишеля, президента России В. Путина и др.³⁶⁰. Цитаты представителей России в массмедиа оказались в небольшом количестве. Представители стран Запада и Украины использовали приём обвинения, представители России – отрицания. Приводимые заявления отличались повышенной агрессивностью. Для того, чтобы сделать вывод о том, что расстрел пленных членов территориальной обороны в Буче являлся военным преступлением, потребовался комментарий эксперта³⁶¹. Для рассказа об изнасилованиях женщин привлекались комментарии судебно-медицинских экспертов, которые говорили о сложностях процесса по причине плохого состояния тел³⁶².

4. Идеологические клише. Они представлены в виде идеологической лексики, политических и национальных идеологем. В медиадискурсе трагедии в Буче присутствовали следующие клише:

1. Российская армия совершает убийство и насилие над мирными гражданами, что является военным преступлением, геноцидом и терроризмом.

2. Президент России В. Путин развязал войну против Украины ради установления «русского мира» и борьбы с украинской демократией.

³⁶⁰Rankin J., Boffey D. Killing of civilians in Bucha and Kyiv condemned as «terrible war crime» // The Guardian, 03.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/03/eu-leaders-condemn-killing-of-unarmed-civilians-in-bucha-and-kyiv> (дата обращения 06.06.2022).

³⁶¹Al-Hlou Y., Froliak M., Hill E., Browne M., Botti D. New evidence shows how russian soldiers executed men in Bucha // The New York Times, 19.05.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/05/19/world/europe/russia-bucha-ukraine-executions.html> (дата обращения 11.06.2022).

³⁶²Tondo L., Koshiw I. Evidence some ukrainian women raped before being killed, say doctors // The Guardian, 25.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/25/evidence-ukraine-women-raped-before-being-killed-say-doctors-russia-war> (дата обращения 11.06.2022).

3. Причина войны со стороны России заключается в отказе Украины подчиняться России. Насилие со стороны России – месть за украинское сопротивление.

4. Убийство мирных граждан в Буче – преднамеренный план со стороны России. Русские стремятся уничтожить как можно больше украинцев. Российская армия убивала всех украинских чиновников, которые отказались с ней сотрудничать³⁶³.

5. Сексуальное насилие против женщин является военным инструментом России³⁶⁴.

6. Россия считает доказательства убийств мирных граждан российской армией в Буче вымышленными, пропаганда создаёт в обществе ложное представление о событиях на Украине.

5. Дискурс постпамяти. В медиадискурсе присутствует несколько примеров исторической аналогии. Действия российской армии сравнивались с её разрушительным опытом войны в Чечне 1999-2000 годов, войной с ИГИЛ в Сирии с 2015 года. Война в Украине по масштабам сравнивалась с Второй Мировой войной. Действия России интерпретировались, как наследие сталинского террора против украинцев. В контексте геноцида мирного населения ситуация в Буче приравнивалась к ситуации в югославской Сребренице 1995 года³⁶⁵.

6. Образ врага. Россия представлялась в образе врага. Этическая оценка восприятия страны обозначала, что она распространяет зло. Цель России – подчинение Украины. В. Путин – виновник в развязывании войны. Позиция России по расстрелам гражданских лиц являлась ложной, пропаганда

³⁶³Bunyan B., Pleasance C. Zelensky says he finds it «difficult to talk» as he surveys Bucha // Daily Mail, 04.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10684331/Emotional-Zelensky-says-finds-difficult-talk-surveys-carnage-Bucha.html> (дата обращения 08.06.2022).

³⁶⁴Tondo L., Koshiw I. Evidence some ukrainian women raped before being killed, say doctors // The Guardian, 25.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/25/evidence-ukraine-women-raped-before-being-killed-say-doctors-russia-war> (дата обращения 11.06.2022).

³⁶⁵Bunyan B., Pleasance C. Zelensky says he finds it «difficult to talk» as he surveys Bucha // Daily Mail, 04.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10684331/Emotional-Zelensky-says-finds-difficult-talk-surveys-carnage-Bucha.html> (дата обращения 08.06.2022).

обманывала население о том, что произошло в Буче. Российская армия с начала военных действий стала более жестокой из-за усиления сопротивления украинцев. Для дегуманизации использовался широкий набор характеристик: применялись жестокие методы – убийство мирных граждан, изнасилование женщин, пытки пленных, показательные расстрелы, мародёрство имущества жителей. В армии воевали агрессивные солдаты. Происхождение солдат – депрессивные регионы России. Особое место занимало описание жестокости бойцов, причины которой объяснялись типичным поведением российской армии, военной пропагандой и дедовщиной.

7. «Наклеивание ярлыков». В медиадискурсе широко использовалось разнообразное обозначение событий и сторон противостояния по ситуации в Буче. Россия описывалась понятиями страна-изгой и агрессор, российская армия – оккупанты, насильники, «мясники Бучи», животные. Действия российской армии назывались зверством, «военным преступлением», геноцидом. Ситуация в Буче называлась резнёй, «Новой Сребреницей». В массмедиа возник спор о применимости понятия «геноцид». Если позиция Украины чётко обозначала ситуацию данной категорией, то в США и Великобритании делались оговорки – близко к геноциду, «удар под дых». Для фиксирования данного понятия представители элит стран Запада выдвигали требование сбора доказательств, чтобы начать расследование в суде. Пострадавшие от насилия назывались жертвами и невинными гражданами.

8. Фейковый дискурс. Российская позиция обозначала ситуацию в Буче провокацией, доказательства убийств мирных граждан назывались ложными. В странах Запада основой для обвинений в «военных преступлениях» России послужили фотографии тел погибших в массмедиа. По фотографиям делался вывод о том, что связанные руки являлись признаком пыток с российской стороны. У российской стороны возникли вопросы к спутниковым фотографиям Махаг, которые показывали нахождение тел погибших на улицах Бучи 10 марта. Не было подтверждений о том, что российские солдаты убили мэра города Мочин О. Сухенко. Претензии вызывало обвинение в изнасилованиях женщин

со стороны российских солдат. Уполномоченная по правам человека Украины Л. Денисова призналась в том, что вброс об изнасиловании женщин в Буче был нужен для привлечения внимания к трагедии³⁶⁶.

В политическом медиадискурсе событий в Буче применялся географический, событийный, военный, исторический, идеологический, психологический, экономический, дипломатический, правовой и символический контекст. Географический контекст описывал города, которые находились под контролем российской армии в марте 2022 года. В него также входило расположение улиц в городе Буча, на которых первыми нашли тела погибших. Событийный контекст включал в себя описание этапов боевых действий в районе Бучи и сравнение с ситуацией в Мариуполе, описание событий в России и мире. Военный контекст – описание подразделений российской армии и используемой вооружённой техники. Исторический контекст использовал сравнение ситуации в Буче с ситуацией геноцида в Сребренице в 1995 году. Опыт российской армии сопоставлялся с боевыми действиями в Чечне в 1999-2000 годах и Сирии в 2015-2016 годах. Происходило сравнение войны в Украине со Второй Мировой войной. Идеологический контекст – обоюдное использование противостоящими сторонами обвинений в применении идеологии нацизма, использование политических убеждений во враждебности Запада к России и России к Западу и Украине. Психологический контекст включает в себя передачу эмоций печали, тревоги, переживаний, и возмущения жертв насилия, шока и ужаса от состояния города после вывода российских войск, стыда от фактов изнасилования женщин российскими солдатами, устрашения большим количеством жертв расстрелов и изнасилований, общим трагизмом ситуации. Экономический контекст включал в себя описание принимаемых против России санкций со стороны США и ЕС. Дипломатический контекст – описание дипломатической поддержки стран Запада и международных организаций

³⁶⁶Генпрокуратура Украины: большинство заявлений омбудсмена Денисовой об изнасилованиях были ложью [Электронный ресурс] - // Коммерсант. 27.06.2022. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5434698> (дата обращения 19.06.2022г.).

(МУС, СЕ, Human Rights Watch, Amnesty International) Украины, описание безуспешного состояния переговоров по решению споров между Украиной и Россией. Правовой – запуск расследования военных преступлений российской армии в Буче с опорой на нормы международного права. Символический контекст – использование трактовки используемых символов. Белая лента – признак выхода мирных граждан из города по гуманитарному коридору. Поиск татуировок российскими солдатами – признак участия пленных украинских солдат в националистических батальонах. Опознавательными признаками российской армии были буквы V и Z. Чаще всего в медиадискурсе трагедии в Буче использовался событийный, военный, идеологический и психологический контекст. Использование различных видов контекста подчёркивали противоположность стран Запада и Украины с Россией.

Невербальный элемент статей прессы США и Великобритании включал в себя разнообразные элементы. Инфографику была представлена в виде карт улиц города Бучи с описанием мест нахождения тел погибших и расположения российских военных, а также путь пленных украинцев до их расстрела. Использовались фотографии, которые касались жертв насилия – трупов, похорон погибших и братских могил. Пейзажи города Бучи сопровождались фотографиями украинских военных в городе, разрушенных улиц. Приём натурализации обозначал жертв в печальном и трагическом виде, чтобы вызвать жалость и сочувствие. В видеозаписях брались обращения президента Украины В. Зеленского, проведения пленных украинцев по городу Буча российскими солдатами, сопоставление расположения тел погибших 28 февраля и 19 марта 2022 года. Добытая немецкой разведкой аудиозапись разговоров «группы Вагнер» присутствовала только в описании содержания. Характерной особенностью медиадискурса трагедии в Буче стало пояснение фотографий из Бучи в статье Daily Mail³⁶⁷, видеозапись с сопровождением пленных украинцев

³⁶⁷Bunyan B., Pleasance C. Zelensky says he finds it «difficult to talk» as he surveys Bucha // Daily Mail, 04.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10684331/Emotional-Zelensky-says-finds-difficult-talk-surveys-carnage-Bucha.html> (дата обращения 08.06.2022).

по городу Буча стала основой для расследования газеты The New York Times³⁶⁸. Большое количество фотографий использовали газеты Daily Mail, The New York Times. Остальные издания использовали от одной до пяти фотографий. Первоначальное изображение событий в Буче с помощью фото и видео вызвал критику со стороны России в ложности обвинений со стороны Украины. Вызванная фотографиями трупов в Буче атмосфера шока, привела медиа США и Великобритании к расследованию убийств и объяснению причин произошедшего. На каждом этапе расследования делался вывод о том, что российская армия совершила военное преступление.

Рисунок 9. Фотография «Мужчина с огнестрельным ранением в голову на обочине дороги за пределами Бучи в воскресенье» в статье The New York Times «In a Kyiv suburb, «they shot everyone they saw»»³⁶⁹.



Рисунок 10. Карта расположения тел погибших и мест дислокации российских войск в городе Буча в статье The Washington Post «In Bucha, the story of one man's body left on a Russian killing field»³⁷⁰.

³⁶⁸Al-Hlou Y., Froliak M., Hill E., Browne M., Botti D. New evidence shows how russian soldiers executed men in Bucha // The New York Times, 19.05.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/05/19/world/europe/russia-bucha-ukraine-executions.html> (дата обращения 11.06.2022).

³⁶⁹Gall C., Cramer E. In a Kyiv suburb, «they shot everyone they saw» // The New York Times, 03.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/04/03/world/europe/ukraine-russia-war-civilian-deaths.html> (дата обращения 06.06.2022).

³⁷⁰Lovelyck L., Morgumov S. In Bucha, the story of one man's body left on a Russian killing field // The Washington Post, 16.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/interactive/2022/bucha-atrocities-civilian-killings/> (дата обращения 10.06.2022).



Рисунок 11. Фотография «Семья скорбит о пропавшем родственнике перед братской могилой в городе Буча» в статье The Guardian «Russian soldiers «discussed killing civilians» in Ukraine in radio intercepts»³⁷¹.



Проведя анализ англоязычных публикаций по трагедии в Буче 2022 года, можно считать, что данные события получили широкий международный резонанс и превратились в широкую информационную кампанию по противоборству России. Особенностью событий стали военные действия с отказом от дипломатического решения. Определяющей структуру политического медиадискурса вражды стала коммуникативная стратегия демонизации России и дегуманизации российской армии. В рамках медиадискурса использовались статьи жанров аналитической статьи, жанра обвинения и расследования. Доминирующим стал жанр обвинения России в военных преступлениях против мирных граждан, для поддержки резонанса

³⁷¹Connolly K., McCernan B. Russian soldiers 'discussed killing civilians' in Ukraine in radio intercepts // The Guardian, 07.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/07/russian-soldiers-discussed-killing-civilians-in-radio-intercepts> (дата обращения 09.06.2022).

использовался жанр журналистского расследования. Авторами статей являлись исключительно журналисты. Образ ситуации описывался, как «Бучинская резня» и «геноцид». Россия представлялась, как страна-изгой и агрессор, а российская армия, как насильник и оккупант, жители Бучи выступали в роли невинных жертв насилия. Использовалась военная, криминальная, судебно-правовая, дипломатическая лексика и лексика военно-политических состояний. Наиболее частыми словами в медиадискурсе были «геноцид», «военное преступление» и «зверство». Экспрессивность информационной кампании достигалась за счёт стилистических средств метафоры, антитезы, эпитетов, экспрессивных оборотов, кавычек переносного значения, сравнения, инвективов. Метафора должна была обеспечить апокалиптическую картину трагедии, как «конца света» с элементами жестокости, смерти и зла. Наиболее частым в описании событий в Буче стал эпитет «ужасный». Из-за большого потока обвинений против России и армии снизилось количество кавычек переносного значения, которые показывали негативную коннотацию позиции России. Самым экспрессивным средством медиадискурса стали инвективы, одним из которых было национальное оскорбление русских украинцами. Экспрессивные средства выполняли агональную, суггестивную, идеологическую, манипулятивную функцию, когнитивную функцию противостояния «своих» и «чужих», легитимации противостояния.

Среди манипулятивных приёмов использовались техника простонародья, медиаэффект импринтинга, ссылки на авторитеты, идеологических клише, историческая аналогия дискурса постпамяти в виде сопоставления событий в Буче и геноцида в Сребренице, образа врага России и жесткой российской армии, фейкового дискурса. Манипулятивные технологии выполняли производительную функцию согласованности оценок и интерпретаций, неадекватной визуализации событий. Центральными приёмами воздействия оказались нарративы жертв насилия, а также фотографии тел погибших и видеозаписи причастности российских военных к гибели жителей Бучи. Основными идеологическими клише в медиадискурсе стали политические

убеждения противостояния России с Украиной и странами Запада. Причиной войны России против Украины объяснялось желанием установить «русский мир» и подчинить страну. Убийство гражданских лиц в Буче российскими солдатами представлялось преднамеренным планом со стороны России. Различные виды контекстов подчёркивали противоборство недружественных стран и Украины с Россией. Особенностью использования невербальных элементов в медиадискурсе стало обвинение России в военных преступлениях. Эффективность политического медиадискурса вражды против России можно оценить по результатам усиления недоверия в общественном мнении недружественных стран и отказа от дипломатических переговоров России и Украины. Политический медиадискурс вражды по описанию событий в Буче являлся информационной кампанией англоязычных медиа по подготовке международного уголовного процесса против России с предъявлением ей обвинений в военных преступлениях. В публикациях англоязычных медиа частым оказался повтор позиции России о том, что обвинения и доказательства в её адрес являются несостоятельными.

Подводя итог главы, можно сделать выводы по анализу в рамках структурно-коммуникативного и инструментального подхода медиадискурса вражды англоязычных публикаций США и Великобритании военно-политического противостояния на Украине в 2014-2022 годах. Были проанализированы 73 из 185 статей изданий The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal, USA Today, The Guardian, The Financial Times, Daily Mail, The Independent. Данные газеты обладают глобальным влиянием на новостную повестку. К параметрам анализа относятся жанр аналитической публицистики, автор публикации, цель, выбор событий, коммуникативные стратегии, лексика, лингвистические средства и манипулятивные приёмы, контекст, невербальные элементы. События крымского кризиса и вооружённого конфликта в Донбассе 2014 года, трагических событий в Буче 2022 года носили характер целенаправленной пропагандистской информационной кампании. Специфика данных примеров заключалась в характере событий: крымский

кризис 2014 года определялся политико-дипломатическим давлением, конфликт на Донбассе 2014 года – боевыми действиями с дипломатическим решением, событий в Буче 2022 года – военными действиями с отказом от урегулирования. Определяющей структуру и механизм функционирования политического медиадискурса вражды, как инструмента информационного противоборства выступала коммуникативная стратегия. В 2014 году происходила дискредитация России, противопоставление России и Донбасса Западу и Украине. Стратегия демонизации России и российской армии во время событий в Буче 2022 года привела к отказу от дипломатии. Авторами статей выступали журналисты, эксперты, представители политических элит. Субъектом политического медиадискурса вражды по военно-политическим событиям Украины являлись политические элиты, англоязычные массмедиа выступали проводником их тезисов и лексики. Использовались жанры аналитической статьи, обвинения и журналистского расследования. Аналитическая публицистика в политическом медиадискурсе вражды выполняла персуазивную функцию, когда аргументы использовались для продвижения заявленного тезиса публикации. В медиадискурсе крымского кризиса доминировал жанр аналитической статьи, во время войны на Донбассе 2014 года и в период событий в Буче – жанр обвинения. Использование жанра журналистского расследования поддерживало демонизацию России и дегуманизацию российской армии, придавало ситуации в Буче характер эксклюзивности, который усиливал внимание к искусственно нагнетаемой новостной повестке.

Рассмотрение нескольких случаев военно-политического противостояния на Украине показало нарастание обвинительного уклона по отношению к России. Многосложная коммуникативная система конфликта на Украине представлена в виде противостоящих политических образов России и Донбасса против Украины и стран Запада. Изображение России осуществлялось при помощи ярлыков «страны-агрессора» и «страны-изгоя». Украина представлялась страной, которая имеет право борьбы за независимость от России. США, ЕС и НАТО обозначались в образе Запада, оказывающего поддержку Украине.

Президент России В. Путин представлялся в негативной роли. Отрицательными чертами наделялось описание происходящих событий в Украине: «аннексия Крыма Россией», «военное вмешательство России», «Бучинская резня». Ключевыми понятиями лексики крымского кризиса и войны на Донбассе было понятие «российской агрессии», события в Буче – «геноцид» и «военное преступление» России.

Экспрессивность политического медиадискурса вражды достигалось за счёт использования стилистических средств, среди которых высокую долю занимали антитеза, метафора, эпитеты, кавычки переносного значения, экспрессивные обороты и сравнения. Контрастные средства антитезы и сравнения подчёркивали политическую противоположность России и Украины, России и Запада, Украины и Донбасса. Наиболее удачным средством для создания образов выступили эпитет и метафора. В изображении ситуации в Буче концептуальная метафора помогла создать апокалиптическую картину «конца света», в которой Россия играла роль зла, а российские солдаты описывались зооморфной метафорой животных. Кавычки переносного значения нужны были для того, чтобы подчёркивать негативную коннотацию официальной позиции России. Экспрессивные обороты позволяли передать эмоции сторон противостояния – разочарования, возмущения, осуждения, состояния шока и страха перед различными угрозами. Среди наиболее частых коммуникативных тактик англоязычного медиадискурса встречались приёмы обвинения, угроз, требований, оскорблений и лозунгов. Наиболее агрессивным приёмом в медиадискурсе среди стилистических средств оказались инвективы в сторону В. Путина и российской армии. Прямые обвинения в сторону России снижали частоту использования кавычек переносного значения и метафор, которые были вызвано замещением образных средств прагмалингвистическими приёмами. Стилистические средства выполняли агональную, суггестивную, идеологическую, манипулятивную, мобилизующую функцию и функцию легитимации противостояния и когнитивной дихотомии «своих» и «чужих».

Среди приёмов воздействия использовались, как традиционные (техника простонародья, ссылка на авторитеты, образ врага, навешивание ярлыков, идеологические клише), так и современные технологии манипулирования (дискурс постпамяти, дискурс постправды, фейковый дискурс и технология медиаэффекта импринтинга). Коммуникативная стратегия дискредитации России во время крымского кризиса 2014 года ставила в основу PR-приёмы «навешивания ярлыков», образа врага и исторических аналогий. Дискурс постпамяти использовал метод исторической аналогии, который сравнивал действия России в Крыму с нацистской Германией и трагедию в Буче с геноцидом мусульман в Сребренице. Вооружённый конфликт на Донбассе 2014 года строился на технологии дискурса постправды о вторжении российской армии на Донбасс. Для поддержки коммуникативной стратегии демонизации России и дегуманизации российской армии по событиям в Буче 2022 года использовались техника простонародья и медиаэффект импринтинга. Аналитическая публицистика менее склонна к использованию фейковых новостей, но использовала отдельные истории. Медиаэффект импринтинга использовал спутниковые снимки, фотографии и видеозаписи в качестве аргументов обвинения. Он позволял создавать впечатление в виновности российской стороны. Манипулятивные приёмы выполняли производительную функцию политического медиадискурса вражды через согласованность оценок и интерпретаций событий и неадекватной визуализации.

В медиадискурсе политического противостояния на Украине применялся широкий круг контекстов, который ставил задачу подчеркнуть враждебность по отношению к политическим действиям России. Роль использования невербальных элементов (фотографий, видеозаписей, карт, инфографики) заключалась в выделении внимания важных деталей медиадискурса. Во время крымского кризиса фотографии делали акцент на присутствии российской армии, во время войны на Донбассе спутниковые снимки должны были показать участие российской боевой техники в вооружённом конфликте. Во время событий в Буче снимки погибших мирных жителей должны были вызвать

сочувствие жертвам погибших, а видеозаписи пленения украинских защитников – подтверждение участия российских солдат в публичных казнях. Роль использования невербальных элементов заключалась в создании эмоционального резонанса медиаисточника и продвижения политической позиции авторов.

Политический медиадискурс вражды в рамках военно-политического противостояния на Украине оказался инструментом информационного противоборства политических элит. Структура медиадискурса вражды оказалась пластичной и зависела от выбора коммуникативной стратегии и характера политических событий (политико-дипломатических, военно-дипломатических, военных). Эффективность политического медиадискурса вражды определяется по результату. Создание негативного отношения к России и президенту В. Путину в мире, принятие экономических санкций, непризнание итогов референдумов в Крыму и Донбассе, военно-дипломатическая поддержка Украины показывают эффективность данного медиадискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках диссертационного исследования автором достигнуты поставленные цель и задачи, проведён анализ в рамках структурно-коммуникативный и инструментального подхода публикаций прессы США и Великобритании. Было установлено, что политический медиадискурс вражды является инструментом информационного противоборства США и Великобритании с Россией. На основе материалов крупных сетевых изданий удалось зафиксировать механизм функционирования и способности политического медиадискурса вражды влиять и противодействовать России с помощью формирования отрицательного образа России, экспрессивных стилистических средств и новых манипулятивных технологий.

Для решения задачи был проведён комплексный анализ понятия «политический медиадискурс вражды» на основе концептов «языка вражды», образа врага, дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Были зафиксированы общие характеристики данных теорий:

- дихотомическая модель оппозиции «свой» – «чужой»;
- противостояние политических культур национальных, религиозных групп и государств;
- набор коммуникативных стратегий;
- каналом выражения дискурса стали массмедиа;
- средством выражения стала лексика и стилистические приёмы оскорблений и призывов к насилию;
- психологический эффект в виде эмоций страха, гнева, ненависти;
- манипулятивные технологии стереотипов и предрассудков.

Формы агрессивной политической борьбы «свой» – «чужой», «иной», «другой», противник, враг не носят принципиальной разницы, поэтому могут выступать эманациями одного понятия. Политический медиадискурс вражды подразумевает властный ресурс по формированию виртуальной политической реальности в массовом сознании политических медиаобразов событий на основе

дихотомической модели «свой» – «чужой» посредством использования манипулятивных технологий и экспрессивных риторических средств. Политический медиадискурс вражды осуществляется в рамках масштабных информационных кампаний. Политический медиадискурс вражды представляет собой деструктивную разновидность пропаганды по формированию негативного, дегуманистического образа противника. Формирование виртуальной политической реальности осуществляется за счёт вырванных из повестки событий, которым придаётся особая значимость и ангажированная интерпретация субъектов коммуникации. Политический медиадискурс вражды является политическим инструментом, механизм которого раскрывается через принципы, структуры и функции. Цели политических элит США и Великобритании стали возможны с помощью описания изображения событий военно-политического противостояния на Украине англоязычными сетевыми изданиями.

Были рассмотрены основные теоретико-методологические подходы к политическому медиадискурсу вражды: кратологический, структурно-коммуникативный, медиатехнологический. Использование структурно-коммуникативного подхода к политическому медиадискурсу вражды позволяет раскрыть характерные черты многосложной коммуникативной системы. Для этого понадобилось провести структурный анализ теоретических разработок данного феномена среди отечественных и зарубежных исследователей. Удалось выделить следующие элементы: субъектов политической коммуникации, ценностные и идеологические установки, коммуникативные стратегии, ментальную модель идентификации «свой» – «чужой», манипулятивные медиатехнологии продвижения образа врага, формирование эмоционально-психологического состояния враждебности и страха, лингвистические средства, жанр медиадискурса. Удалось установить характерные особенности политического медиадискурса вражды. Субъектами политического медиадискурса вражды являются политические элиты, журналисты, интеллектуалы. Обязательным элементом политического медиадискурса вражды

является когнитивная дихотомическая модель «свой» – «чужой». Субъекты используют коммуникативные стратегии противопоставления сторон и стратегии дискредитации, демонизации и дегуманизации противника. В публикациях политический медиадискурс вражды реализуется в жанрах аналитической публицистики: аналитической статье, обвинении, журналистском расследовании. Были выделены информационная, кратологическая, агональная, персуазивная, суггестивная, идеологическая, манипулятивная, производительная, мобилизующая, легитимации противостояния, когнитивная функции формирования дихотомической политической реальности. Выделение структурных компонентов и функций медиадискурса позволило построить авторскую методику дискурс-анализа публикаций массмедиа.

Была решена задача раскрытия технологического инструментария политического медиадискурса вражды в качестве главного инструмента информационного противостояния стран Запада с Россией через описание роли используемого набора политических технологий. Средой существования политического медиадискурса вражды является информационная война. Она является наиболее агрессивной и антигуманной формой информационного противоборства.

Направленность на изменение общественного сознания стала основой для выработки типологии манипулятивных технологий: уровень когнитивных архетипов (идеологемы, мифологемы, стереотипы, «наклеивание ярлыков»), лингвистических средств (слова-классификаторы, метафора, эвфемизмы, синекдоха), где происходит подмена понятий при помощи ассоциативного мышления. Также выделяются технологии психологического уровня, управление информационными потоками, технологии социального контроля, логические и психологические уловки. Интенсивное развитие виртуального политического пространства привело к распространению новых информационных приёмов, как технологии медиаэффектов (интерпретация повестки дня, прайминг, фрейминг, импринтинг), а также дискурс фейков, постпамяти, постправды. Задача этих современных технологий – в обеспечении

эффективного продвижения повестки заинтересованной стороны и установление враждебного эмоционального фона.

Была решена задача разработки проведения методики структурно-коммуникативного подхода при дискурс-анализе англоязычных медиаисточников. При анализе медиадискурса выделяются следующие параметры: жанр аналитической публицистики, автор публикации, цель, выбор событий, коммуникативные стратегии, лексика, лингвистические средства и манипулятивные приёмы, контекст, невербальные элементы. Разбор конкретного источника текста должен включать следующие характеристики: описание издания и автора публикации, призывы к действиям, наличие враждующих сторон, агональные концепты, наличие элементов когнитивного уровня политики и идентичностей (стереотипы, предрассудки, убеждения), в тексте содержатся идеологемы вражды, автор использует эмоции. Для лингвистических элементов требуется обратить внимание на лексику, экспрессивные речевые средства, коммуникативный акт обвинения. Признаками, которые бы относили источник к политическому медиадискурсу вражды, можно считать: коммуникативные стратегии противопоставления, дискредитации, демонизации и дегуманизации противника; выделение противостоящих групп; наличие побудительных конструкций к конфронтационной группе; использование рядов агональных терминов и концептов; наличие экспрессивных средств, враждебных убеждений и ограничение доступа для источников с альтернативными точками зрения. Влияние политического медиадискурса вражды должно раскрываться на формировании отрицательного образа России, экспрессивных стилистических средствах и новых манипулятивных технологиях.

Политический медиадискурс вражды как инструмент информационного противоборства раскрывался на примерах военно-политического противостояния на Украине в публикациях прессы США и Великобритании. Для этого были отобраны 73 статьи из базы 185 источников наиболее влиятельных на национальном и глобальном уровне газет: The New York Times, The

Washington Post, The Wall Street Journal, USA Today, The Guardian, The Financial Times, Daily Mail, The Independent. Все выбранные издания относились к идеологии неолиберального мейнстрима.

Задачи выявления характерных черт и механизма функционирования политического медиадискурса вражды были продемонстрированы на информационных кейсах публикаций медиа во время крымского кризиса и войны на Донбассе 2014 года и трагедии в Буче 2022 года. Примеры оказались разными по характеру противостояния: крымский кризис 2014 года (политико-дипломатическое противостояние), вооружённый конфликт на Донбассе (военно-политическое противостояние с урегулированием), события в Буче 2022 года (военное противостояние без урегулирования). Кампания по использованию политического медиадискурса вражды против России носила регулярный широкомасштабный пропагандистский характер. Влияние медиадискурса обеспечивалось с помощью разнообразных стилистических средств, манипулятивных технологий, высокой экспрессивности, постоянного потока негатива и обвинений в сторону России, непризнанных республик Донбасса, российской армии и президента В. Путина. Задачи выявления характерных черт и механизма функционирования политического медиадискурса вражды по информационному противоборству России в конфликте на Украине продемонстрируем на структурных элементах.

Структура политического медиадискурса вражды оказалась пластичной, набор элементов определялся коммуникативной стратегией и расположением описываемых событий на шкале «война – дипломатия». В крымском кризисе 2014 года ввиду неизбежности перехода Крыма в состав России применялась стратегия дискредитации России и президента В. Путина, противопоставление конфликтующих сторон. Для этого использовался широкий набор авторов, основным стал жанр аналитической статьи, использовались понятия «агрессия России» и «аннексия Крыма», военная и дипломатическая лексика. Стилистические средства выражали экспрессивность, особо заметными были метафора и инвективы. В числе манипулятивных технологий доминировали PR-

эффекты «наклеивания ярлыков», создания образа врага и дискурса постпамяти. Объяснительной идеологемой медиадискурса стала концепция российского реваншизма и неоимпериализма. В медиадискурсе доминировал исторический контекст – сравнение произошедших событий с советским прошлым и нацисткой Германией. Количество невербальных элементов было незначительным, самой агрессивной формой стала карикатура.

Основной коммуникативной стратегией англоязычного медиадискурса вражды конфликта на Донбассе 2014 года стала дискредитация России и Донбасса, противопоставление России и Запада, Донбасса и Украины. Характер событий имел параллельное развитие военных и дипломатических действий, завершившихся временным урегулированием. Среди авторов выступали журналисты и политики, доминирующим оказался жанр обвинения. Для описания образов России употреблялось понятие «страна-агрессор» и «военное вмешательство», для борцов за независимость Донбасса – «боевики». Чаще всего использовалась военная и дипломатическая лексика. Экспрессивность создавалась при помощи антитезы сторон, эпитетов, кавычек переносного значения, экспрессивных оборотов, сравнения. Обвинительный уклон медиадискурса через требования и угрозы привёл к снижению использования метафоры. Объяснительной идеологемой медиадискурса стала «доктрина Путина» - стратегия экспансионизма под предлогом защиты русских. Среди манипулятивных технологий использовались традиционные и новые приёмы. Англоязычный медиадискурс конфликта на Донбассе 2014 года на всём этапе превратился в медиадискурс постправды о вторжении российской армии. Различные виды контекстов подчёркивали политическое противостояние сторон в конфликте. Невербальные элементы выступали в роли доказательств агрессивного поведения России. Развитие дипломатического урегулирования выступало ограничителем политического медиадискурса вражды. Для идентичности борцов за независимость Донбасса применялось понятие «боевики», а не «террористы» и «ополченцы». Для обозначения действий

русской армии применялось понятие «военное вмешательство», а не «военное вторжение».

Основной коммуникативной стратегией англоязычного медиадискурса событий в Буче 2022 года стала демонизация России и дегуманизация русской армии. Трагедия в Буче развивалась в условиях боевых действий и привела к отказу от дипломатического урегулирования конфликта между Россией и Украиной. Авторами публикаций выступали исключительно журналисты, доминирующим оказался жанр обвинения. Для поддержки обвинения и сбора доказательств преступлений русской армии использовался жанр журналистского расследования. Образ России описывался понятиями «агрессия России» и «страна-изгой», действия русской армии – «военное преступление». События в Буче получили название «геноцид» и «Бучинская резня». Экспрессивность медиадискурса достигалась за счёт различных стилистических средств. Наиболее значимым оказались контрастные средства антитезы и сравнения, которые позволили противопоставлять образы России и Украины, России и стран Запада, Украины и Донбасса. Среди образных средств чаще всего использовался эпитет «ужасный». В рамках информационной кампании в Буче метафора сформировала апокалиптическую картину «конца света», в которой российские солдаты описывались зооморфной метафорой животных. Основными манипулятивными технологиями стали техника простонародья в виде историй простых жителей и медиаэффект импринтинга. Медиаэффект импринтинга при помощи спутниковых снимков, фотографий и видеозаписей создавал впечатление виновности русской стороны. В публикациях использовались ссылки на фейковые новости. Использовались различные виды контекстов, историческая аналогия сопоставляла действия России в Буче с действиями нацистской Германии и геноцидом в югославской Сребренице 1995 года. Использование различных невербальных элементов служило для создания эмоционального резонанса публикаций. Политический медиадискурс вражды по описанию событий в Буче являлся информационной кампанией англоязычных медиа по подготовке международного уголовного

процесса против России с предъявлениями ей обвинений в военных преступлениях.

Экспрессивность медиадискурса достигалась за счёт использования стилистических средств. В выбранных примерах событий они были представлены в большом количестве тропов и фигур. Наиболее частым оказалось использование антитезы, метафоры, эпитетов, кавычек переносного значения, экспрессивных оборотов и сравнения. Наиболее значимым оказались контрастные средства антитезы и сравнения, которые позволили противопоставлять образы России и Украины, России и стран Запада, Украины и Донбасса. Среди образных средств употреблялись эпитеты агрессивного характера и метафоры. Кавычки переносного значения подчёркивали негативную коннотацию официальной позиции России. Экспрессивные обороты позволяли передать эмоции сторон противостояния – разочарования, возмущения, осуждения, состояния шока и страха. Среди наиболее частых коммуникативных тактик англоязычного медиадискурса встречались приёмы обвинения, угроз, требований, оскорблений и лозунгов. Наиболее агрессивными приёмами в медиадискурсе оказались инвективы в сторону В. Путина и российской армии.

Функции политического медиадискурса вражды распределялись между разными уровнями структуры. Информационную функцию выполнял событийный контекст. Персуазивная функция политического медиадискурса вражды определялась с помощью аргументов доказательства ангажированного тезиса. Стилистические средства выполняли агональную, суггестивную, идеологическую, манипулятивную, мобилизующую функцию и функцию легитимации противостояния и когнитивной дихотомии «своих» и «чужих». Манипулятивные приёмы выполняли производительную функцию посредством согласованности оценок и неадекватной визуализации событий.

Эффективность политического медиадискурса вражды можно оценить по достигнутым результатам. Использование англоязычной прессой политического медиадискурса вражды в ходе информационного противоборства стран Запада и

России во время конфликта на Украине продемонстрировало свою эффективность, связанную с формированием в массовом сознании глобального отрицательного образа России посредством применения целого комплекса коммуникативных, суггестивных, когнитивных и иных технологий. На прагматическом уровне медиадискурс вражды обеспечил принятие решений, направленных против России, которое привело к углублению военной конфронтации на Украине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автаева Н.О. Язык вражды в современных СМИ: гендерный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. – № 4 (2). – С. 811–813.
2. Автохутдинова О.Ф. «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 238 с.
3. Акопов, С., Прошина, Е. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далёких местных» // Власть. – 2011. – № 1. – С. 89-92.
4. Ачкасова В. А. Медиатизированные конфликты и инциденты: Новая роль в сфере публичных коммуникаций // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы; Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16-18 декабря 2021 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Галутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – С. 52-53.
5. Байша О.А. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 183 с.
6. Баканов Р.П., Хасанова А.Ю. Формирование мифов о России в англоязычных интернет-изданиях // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакратии в России и за рубежом. – Белгород. ИД «Белгород», 2016. – С. 140-151.
7. Барабаш В.В., Котеленец Е.А. Психологические методы и когнитивные схемы в современных информационных войнах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. 2016. – №4. – С. 154-161.
8. Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 64 с.

9. Барт Р. Война языков. Пер. С.Н. Зенкина // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
10. Басов О.Н. Инструментальный подход к анализу политических процессов в контексте развития методов политической науки // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2020. № 1. – С. 48-60.
11. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов/ Ж. Бенда; пер. с франц.В. П. Гайдамака и А. В. Матешук. — М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. – 310 с.
12. Бернейс Э. Пропаганда. – СПб.: Питер, 2021. – 224 с.
13. Бирюков Н.Г., Григоренко О.Н., Ступникова Н.А. Стереотипные представления о России в немецком медиадискурсе в условиях информационной войны // Наука и мир. – 2016. – Т. 3. №4. – С. 12-13.
14. Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. – 1992. – №8. – С. 162-171.
15. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. – М.: Рипол-Классик, 2016. – 222 с.
16. Борисова С.С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста (на материале немецкого языка): дисс. ... к. филол. н. Орел, 2016. – 250 с.
17. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В. Дискурсы внешнего информационного давления в Крымском и Севастопольском сегментах рунета: особенности, адресаты, конфликтный потенциал // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 243-265.
18. Ван ден Бринк Б. Парадигма признания в социальной философии // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: Общественные науки. – 2014. – № 2 (128). – С. 5-15.
19. Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. – 2016. – №2 (56). – С. 10-16.

20. Вильямс А.И., Воскресенская Е.Г. Метафорическая репрезентация военно-политических событий на Украине и в Сирии в политическом медиадискурсе России и США // Дайджест-2016. Сборник статей (по материалам выпускных квалификационных работ студентов факультета иностранных языков). – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2017. – С. 23-32.
21. Вирен Г. Современные медиа: Приёмы информационных войн. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 126 с.
22. Володенков С.В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием / С.В. Володенков // Вестник Московского университета. – 2012. – №5. – С. 89-103.
23. Володченко О.Н. От фейков до управления информационными потоками: медиатехнологии при освещении темы Специальной Военной операции на Украине // Инновация. Медиакоммуникация. Медиакультура. Информация. Дизайн. Коллективная монография. Под общей редакцией А.М. Тимохина. – Симферополь: Издательство Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2022. – С. 137-146.
24. Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии: монография / О.Е. Воронова; Ряз. гос. ун-т. имени С.А. Есенина. Рязань, 2018. — 188 с.
25. Воронова О.Е., Трушин А.С. Современные информационные войны: стратегии, типы, методы, приемы / О. Е. Воронова, А. С. Трушин. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. — 176 с.
26. Гавра Д.П. Информационное противоборство: современное понимание, характеристики, подходы к междисциплинарному познанию // Российская школа связей с общественностью. – 2023. – №29. – С. 10-26.
27. Гаврилина С.Ю., Сурма И.В. Государство и СМИ Великобритании: форма взаимодействия // Современная Европа. – 2020. – №1. – С. 49-58.

28. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. СПб: СПбГУ. – 2002. – Вып. 3. – С. 88-108.
29. Гаджиев К. Имидж России глазами Запада. Исторический ракурс // Свободная мысль. – 2017. – №2 (1662). – С. 123-136.
30. Гарбузняк А.Ю. Интерпретация реалий политической жизни страны в повестке дня общероссийской прессы: технологические аспекты: дис. ... кандидата филологических наук. Москва. – 2013. – 182 с.
31. Гарбузняк А.Ю. Повестка дня СМИ как технология интерпретации // Медиаскоп, 2015. – Вып. №1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mediascope.ru/node/1684> (дата обращения 22.04.2022г.).
32. Гладилин А.В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа // Вестник Челябинского Государственного Университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 21(312) – С. 144-153.
33. Гречихин М.В. Современный русский медиадискурс: язык интолерантности: на материале языка российских СМИ: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Белгород. – 2008. – 21 с.
34. Грибовод Е.Г. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2013. – №3(13). – С. 118.
35. Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. — М.: ОГИ, 2005. — С. 7-79.
36. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 432 с.
37. Гуляев А.А. Журналистское расследование: история, методика и практика. Учебное издание. – Вильнюс: ЕГУ, 2018. – 256 с.
38. Гулямова З., Толибова З. Характерные функции, лексическая и семантическая сущность стилистического приёма антитезы. // European journal of literature and linguistics. – 2015. – № 3. – С. 22-25.
39. Двойненко М.О. Функции образа врага в массмедийном политическом дискурсе // Культура и природа политической власти: теория и

практика: сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023. – С. 34-39.

40. Дейк Т.А. ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

41. Денисов Д.А. Идентификация образа врага в политической коммуникации. // Вестник РРГУ. – 2009. – №1. – С. 113-129.

42. Дергач Д.В. Функциональная природа дифференциации современных медиажанров // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа: сб. статей / под ред. Л.Р. Дускаевой. Отв. Ред. Н. С. Цветова. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Инс-т. «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014. – С. 63-66.

43. Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии СМИ. – М: «Гуманитарный институт», 2006. – 44 с.

44. Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2007. – 169 с.

45. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 263 с.

46. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2006. – №2. – С. 20-33.

47. Дубровская Т.В. Конструирование Запада в российском внешнеполитическом дискурсе: политические акторы и стратегии репрезентации / Т. В. Дубровская // Дискурс Пи. – 2017. – № 1 (26). – С. 10-21.

48. Дубровская Т.В. (Ред.) Политический. Юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 248 с.

49. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 299 с.

50. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Повестка дня и информационное общество: социологические очерки. – М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. – 142 с.
51. Евстафьева А.В. Адресант и адресат «языка вражды» в текстах средств массовой информации // Вестник ТюмГУ. – 2008. – №1. – С. 125-133.
52. Желтухина М.Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медiateкст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.). – Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры: Полиграф. фирма «Горизонт», 2010. – С. 19–32.
53. Жеребкин М.В. Демонизация России: как это делается и зачем? // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Том 7. №5. Ч. 1. – С. 130-135.
54. Засорин С.А. Политика памяти. // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы; Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16-18 декабря 2021 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Галутвиной, Л. В. Сморгунцова, Л. Н. Тимофеевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – С. 186-187.
55. Звада О.В. Манипулятивные особенности политического дискурса в англоязычных СМИ // Вестник ВУиТ. – 2018. – №1. – С. 23-30.
56. Зубаркина Е.С. Журналистское расследование: история и технология создания сюжетов // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 2. – С. 366-370.
57. Иванов А.А. Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения: учеб. -метод. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2017. – 72 с.
58. Ильин М.В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа // Дискурс-Пи. – 2015. – №1(18). – 43–47.
59. Исакова Ю.А., Кирилин К.А. Специфика использования жанров и метода журналистского расследования в современной российской журналистике // Медиаисследования. – 2017. – №4(2). – С. 134-142.

60. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
61. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2012. – 864 с.
62. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград; Перемена, 2002. – 477 с.
63. Карепова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: теоретический аспект // Вестник НГЭУЭ. – 2020. – № 4. – С. 212-229.
64. Карпухина Т.П., Капен-Ярцева Н.А. Информационная война в западном политическом дискурсе // Вопросы зарубежной филологии в контексте современных исследований: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 260-267.
65. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Оппозиция «свой-чужой» в британском политическом дискурсе // Университетские чтения 2019: Материалы научно-методических чтений ПГУ. Часть II. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – С.51-57.
66. Кауфова Л.А. Речевая агрессия в британском политическом дискурсе / Л.Я. Кауфова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. № 10-1 (52). – С. 83-86.
67. Керимов А.А. Об особенностях политических медиакоммуникаций в цифровую эпоху / А. А. Керимов // Koipon. – 2022. – Т. 3, № 1. – С. 37-44.
68. Керимов А.А. Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы // Сборник научных статей по материалам шестой Международной научно-практической конференции. – Саратов: «Саратовский источник». 2019. – С. 57-61.
69. Киуру К.В. Современные дискурсивные практики в новых медиа: проблема жанрообразования // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II международная научно-

практическая конференция: сборник научных работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. – Белгород: ИД «Белгород»; НИУ «БелГУ», 2016. – С. 42-46.

70. Кожевникова Г. Язык вражды: типология ошибок журналиста // Прикладная конфликтология для журналистов. – М.: «Права человека», 2006. – С. 95-105.

71. Кожемякин Е.А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №3. – С. 5-17.

72. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Выпуск 6. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 12(83). – С. 13-21.

73. Кольцова Е.Ю., Таратута Е.Е. Измерение толерантности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – №4. – С. 113-129.

74. Коноваленко И.В. Интолерантная языковая личность // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 35-38.

75. Константинов А.Д. Журналистское расследование: История метода и современная практика. — СПб., 2003. – 480 с.

76. Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия филология. – 2011. – №111. – С. 200-205.

77. Короченский А.П. Медиакритика в эпоху пост-журналистики // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Материалы Международной научно-практической конференции (специальный выпуск журнала). – Белгород: Политерра, 2018. – № 3 (20). Т. 1. – С. 29-37.

78. Костяев А.П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2010. – №19. – С. 101-109.

79. Крыжановская И.И. Информационное противоборство в Специальной Военной Операции на Донбассе // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк, 2022. – С. 315-317.

80. Кудряшова Е.В., Бергман Е.Я. Информационное противоборство России и Украины (на примере современного политического конфликта) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Политические проблемы международных отношений. – 2019. – №1 (58). – С. 99-102.

81. Кузина О.А. Фразеологические единицы как средство отражения политических событий на Украине (на материале англоязычных СМИ) // Политическая лингвистика. – 2016. – №1 (55). – С. 104-110.

82. Кузина О.А. Идеологема и мифологема как ключевые категории медиадискурса в период информационной войны // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. – С. 136-138.

83. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь: Изд-во Урал, ун-та., 1995. – 144 с.

84. Куренной М. Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов/ Под ред. В. Куренного. – М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009. – 368 с.

85. Кушнерук С.Л., Курочкина М.А. Информационно-психологическая война в зарубежной медиакommunikации: взгляд дискурсолога // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. – С. 97—105.

86. Лаврентьева Е.В., Стексова Т.И. Особенности жанра обвинения в политическом дискурсе // Жанры речи. – 2018. – № 2 (18). – С. 104–111.

87. Ланге О.В. Современные манипулятивные технологии: вопросы теории и методологии: дисс. ... к. полит. н. Санкт-Петербург, 2015. – 173 с.
88. Левшенко Ю.И. Политический дискурс в СМИ и легитимация власти в контексте социально-политических изменений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №3-1(17). – С. 111-115.
89. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. – М.: Эксмо, 2003. – 137 с.
90. Лушников Д.А. Дегуманизация и демонизация как механизмы формирования образа врага в кампаниях по негативному информационному воздействию // П.О.И.С.К. (Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура). – 2018. – № 5. – С. 116-123.
91. Макаренко С.И. Информационная борьба и радиоэлектронная борьба в сетецентрических войнах начала XXI века. – СПб: Научно-технологии. 2017. – 546 с. [Электронный ресурс] URL: <https://psyfactor.org/lib/infowar2.htm> (дата обращения 17.01.2022г.)
92. Манойло А.В. К вопросу о содержании понятия «информационная война» // Дневник АШПИ. – 2012. – № 28. – С. 17-24.
93. Манойло А.В. Современная интерпретация термина «информационная война» // Дневник АШПИ. – 2012. – № 28. – С. 24-29.
94. Манойло А.В., Пономарева, Е.Г. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // Обозреватель. – 2019. – № 2 (349). – С. 5-17.
95. Маринович А.Н. Специфика медийного освещения современных политических процессов на примере сирийского вооружённого конфликта: дисс. ... к. полит. н. Екатеринбург, 2018. – 168 с.
96. Марченко Г.В. Современные информационные войны: содержание и типология // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития. Материалы

Всероссийской научной конференции. – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России. – 2021. – С. 107-113.

97. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. М.: Гуманитарный центр, 2013. – 264 с.

98. Мельникова Т.С. Пропаганда как технология политического манипулирования // Власть. – 2010. – № 8. – С. 47–51.

99. Мерзлякова Е.В. Стилистические средства как инструмент формирования образа России западными СМИ // В сборнике: Язык. Образование. Культура Сборник научных трудов по материалам XII Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием, посвященной 83-летию КГМУ. – Курск: КГМУ, 2018. – С. 36-43.

100. Минаева Л. В. Стратегическая коммуникация и информационная война // Российская школа связей с общественностью. – 2022. – № 26. – С. 59-82.

101. Минаева Л.В. Стратегическая коммуникация как инструмент продвижения национальных интересов страны // Российская школа связей с общественностью. – 2021. – №20. – С. 52-76.

102. Мишланов В.А., Салимовский В.А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С.56–65.

103. Мозолин А. В. Современная пропаганда как методологическая проблема / А. В. Мозолин // PR-Универсум: материалы I межрегион. науч.-практ. конф. Томск, 2004. – С. 37-47.

104. Морозов А.В., Небродовская-Мазур Е.Ю., Матвеева И.П. Цифровая инфраструктура и смысловые линии информационной войны // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2022. – №4. – С. 56-62.

105. Никонова Е.А. Функциональный аспект аналитической статьи (на примере англоязычного политического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – №2. – С. 43-47.

106. Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – 21(1). – С. 203–220.
107. Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Н. Н. Оломская // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17): Филология. – С. 250–259.
108. Орлова О.Г. Жанры политического медиадискурса // Вопросы журналистики. – 2020. – № 7. – С. 56–73.
109. Осколкова Т.Л. Сирийская война 2014–2019: дискурс англоязычных СМИ // Дискурс-Пи. – 2020. – № 1 (38). – С. 126–139.
110. Остин Дж. Л. Слово как действие // Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 22-129.
111. Пастухов А.Г. (Ред.). Дискурсы власти. Орел: ООО «Горизонт». 2015. – 379 с.
112. Пономарева Е.Г. Теория и технологии социальной деструкции. Глоссарий / Е.Г.Пономарева // Теория и технологии социальной деструкции (на примере "цветных революций"). — М.: Русский биографический институт, ИНЭС, 2016. – С. 366-410.
113. Пономарева Е.Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны – технология трансформации сознания / Е.Г. Пономарева // Обозреватель. – 2016. – № 5. – С. 5-20.
114. Понарин Э., Дубровский Д., Толкачёва А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы / А. Верховский // Язык вражды против общества (сб. статей). – М.: Центр «Сова». 2007. – С. 72-106.
115. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Г. Почепцов. – М: Алгоритм, 2015. – 256 с.
116. Прилукова Е.Г. Политический мир как виртуальная реальность // Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. – 2007. – №24(96). – С. 83-84.

117. Прошина М.В. Fake news как новый тренд в политических коммуникациях // Дискурс-Пи. – 2019. – № 3 (36). – С. 164–171. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10311
118. Радина Н.К. Методика идентификации контекстуальных проблем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии covid-19) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – №5. – С. 116-136.
119. Резниченко Д.В., Каштальянова Я.В. Приёмы информационной войны в современных СМИ (на примере политического конфликта России и Украины в 2014-2015 гг.) // Дискурс-Пи. – 2016. – № 1 (22). – С. 18-26.
120. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. М.: Аквилон. – 2012. – Вып. 39. – С. 9-19.
121. Романов А.А., Костяев А.П. Агрессивный дискурс в профессиональной коммуникации. — М.: Ин-т языкознания РАН, Тверь: ТвГУ, 2011. – 314 с.
122. Романов А.А., Новосёлова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). — М.: Ин-т языкознания РАН; Тверь: Тверская ГСХА, 2013. – 166 с.
123. Русакова О.Ф. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. – 2015. – №1(18). – С. 10-19.
124. Русакова О.Ф. Дискурс-анализ публичных коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 187-204.
125. Русакова О.Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 90-130.

126. Русакова О.Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика» // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманит. науки. – 2013. – Вып. 20, № 27. – С. 150-160.
127. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики. Научный Ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2014. – №14(4). – С. 65–77.
128. Русакова О.Ф., Курильченко С.С. Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа // Дискурс-Пи. – 2019. – № 4 (37). – С. 28–48.
129. Русакова О.Ф., Русаков, В.М. Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. Дискурс-Пи. – 2019. – 2(35). – С. 10–27.
130. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Политика исторической памяти и Великая Отечественная война // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2017. – № 1 (17). – С. 34—39.
131. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсональный аспекты. – СПб: Наукоемкие технологии, 2021. – 139 с.
132. Салимовский В.А., Ермакова Л.М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета / В.А. Салимовский, Л.М. Ермакова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3. – С. 71-80.
133. Сарна А.Я. Технологии воздействия на аудиторию в современном медиапространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13. Вып. 2. – С. 218–235.
134. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2006. – № 2 (6). – С. 54-72.

135. Сибиданов Б. Б. Условия функционирования конфликтного дискурса. Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2016. – № 3. – С. 67-72.
136. Сидоров В.А. Коммуникативные агрессии XXI века. — СПб.: Алетейя, 2019. — 254 с.
137. Синельникова Л.Н. Информационная война *ad infinitum*: украинский вектор // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2. – С. 95—101.
138. Соколова Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. – №4 – С. 274-280.
139. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования / Валерий Соловей. – М.: Издательство «Э», 2015. – 320 с.
140. Соловьёв А.И. Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов / [Петрунин Ю. Ю. и др.]; под ред. А. И. Соловьева. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 332 с.
141. Строганов В.Б. Технологии политической манипуляции в интернете: дисс. ... к. полит. н. Екатеринбург, 2019. – 209 с.
142. Сулейманова Э.И. Выпускная квалификационная работа Образ России, формируемый в западных СМИ (на материалах освещения сирийского кризиса). – СПб. – 2017. – 76 с. [Электронный ресурс] URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/10702/1/Sulejmanova_E_I_Obraz_Rossii_v_Zapadnyx_SMI.pdf (дата обращения 10.10.2020г.).
143. Сурма И.В. Возрастание фактора информационно-психологической войны в условиях эскалации украинского кризиса / И.В. Сурма // Вестник Академии военных наук. – 2022. – № 2 (79). – С. 33-36.
144. Сурма, И.В. Роль информационно-психологических операций в эскалации украинского кризиса / И.В. Сурма // Дипломатическая служба. – 2022. – № 3. – С. 204-209.

145. Тимофеева Л. Н. (ред.) Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: Рос. ассоциация полит. науки (РАПН); Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 2012. – 327 с.
146. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 41-54.
147. Трибунская Н.А. Особенности процесса взаимодействия дискурсов в политической коммуникации // Филология и культура. – 2022. – №2 (68). – С. 65-70.
148. Фадеичева М.А. Экзистенциальные основания языка вражды / М.А. Фадеичева // Дискурс-Пи. – 2015. – № 1(18) – С. 20-24.
149. Фарниев С.А. Особенности применения политико-манипулятивных технологий в современных условиях информационной войны // Вестник БИСТ. – 2019. – №2(43). – С. 34-41.
150. Фролова И.В. О выражении субъективности в аналитических статьях качественной британской и российской прессы // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 138-143.
151. Хлопотунов Я.Ю. Языковые приёмы реализации коммуникативной тактики обвинения в американском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопрос теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Выпуск 1. – С. 63-68.
152. Храброва Е.С. Способы моделирования образа героя и образа врага в английском политическом дискурсе (на материале политических выступлений 1939-1945 гг.) // Austrian journal of humanities and social sciences. – № 9-10. – С. 60-63.
153. Цилюрик Д.Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе (по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008-2012 гг.): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 2013. – 21 с.
154. Черных А.И. Медиа и демократия. – М.; СПб.: Университет. кн. 2011. – 272 с.

155. Чернышёв Ю.Г. Медiateксты в коммуникативном пространстве политических блогов // Медiateкст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т., 2012. – С. 99-104.
156. Чес Н.А. Конструирование образа врага в метафорической картине мира в условиях информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // Человеческий капитал. – 2015. – № 11-12 (83-84). – С. 36-39.
157. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
158. Шатилов А.Б. Современные информационные войны: феномен «диванной мобилизации» (на примере «украинского конфликта» 2014-2017 гг.) // Дискурс-Пи. – 2017. – № 2 (27). – С. 141-145.
159. Шеватлохова Е.Д. Особенности реализации стратегии создания образа врага в текстах, подлежащих рассмотрению при проведении лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // Вестник АГУ. – 2016. - №2 (177). – С. 117-120.
160. Шейгал Е.И., Дешеева В.В. Агональность в коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 36. 2009. – № 34(172). – С. 145-148.
161. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 568 с.
162. Ширяева О.В. Объективная и субъективная модальность в медиадискурсе // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1. – С. 198-206.
163. Ширяева О.В. Структура языковой личности в медиадискурсе: аспекты исследования // Образование. Наука. Инновации. – 2012. – №5 (25). – С. 98-104.
164. Шонин Н.Е., Юсупова Р.Р. Информационная война как часть внешней политики государства // Коммуникация в политике, бизнесе и образовании: материалы Международной научно-практической конференции

17–19 мая 2017 года. Научное электронное издание. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – С. 43-45.

165. Якунин С.А. Лингвистические средства ведения информационной войны // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3 (75). – С. 77—82.

166. Althusser L. «Ideology and ideological state apparatuses», in L. Althusser Lenin and Philosophy and Other Essays. London: New Left Review. 1971.

167. Baudrillard J. Les stratégies fatales. Coll. «Figures», Paris, Grasset, 1983, 277 p.

168. Carpentier, N. Diversifying the Other: Antagonism, agonism and the multiplicity of articulations of self and other. Bremen: edition Lumière, 2018. pp. 145-162

169. Carpentier, N., Kejanigly D. The Militarization of a Public Debate: A Discourse-Theoretical Analysis of the Construction of War and Peace in Public Debates Surrounding the Books of Three Turkish Military Commanders on the «1974 Cyprus Peace Operation». [Revista de Comunicação Dialógica](#). Rio de Janeiro, 2020. pp. 107-139.

170. Chilton P., Scaffer C. Politics as Text and Talk: analytic approach to political discourse. – John Benjamins Publishing Company. Amsterdam/Philadelphia. 2002 – 245 p.

171. Chomsky N. «The Responsibility of Intellectuals», The New York Review of Books, 8:3. 1967.

172. Dijk T.A. van Discourse and racism. In David Goldberg & John Solomos (Eds.), The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies. Oxford: Blackwell, 2002. - P. 145-159.

173. Dijk, T.A. van Political discourse and racism. Describing Others in Western Parliaments. The Language and Politics of Exclusion. Others in Discourse. Thousand Oaks, CA: - Sage. - 1997. – pp. 31-64.

174. Fairclough N. Media Discourse. – Edward Arnold. London. 1995. – 214 p.

175. Foucault M. «Truth and power», in C. Gordon (ed.) *Power/Knowledge. Selected Interviews and other Writings 1972-1977*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. 1980.

176. Howarth D., Torfing J. *Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance* /Edited by David Howarth and Jacob Torfing. Palgrave. New York. Macmillan. Ltd 2005. 364 p.

177. Kristeva J. *Une poétique ruinée* // Mikhaïl Baktine. *La poétique de Dostoïevski*. Traduit du russe par Isabelle Kolitcheff. Présentation de Julia Kristeva. P.: Seuil, 1970.

178. Laclau E., Zac L. «Minding the gap: the subject of politics», in E. Laclau (ed.), *The Making of Political Identities*. London: Verso. 1994.

179. Lasswell H. *The Structure and Function of Communication in Society* // *The Process and Effects of Mass Communication*. Chicago, 1971.

180. MacDonald M. *Exploring Media Discourse*. Oxford University Press. 2003. – 213 p.

181. Nair R. «Us» and «Them» in different times and space. In F. S. Abdullah, M. H. Abdullah & B. H. Tan (Eds.), *Critical perspectives on language and discourse in the New World Order*. - Newcastle: Cambridge Scholars Pub. – 2008. – pp. 216-231.

182. Neumann I.B. *Uses of the other: «the East» in European identity formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

183. Robinson P. The CNN effect: Can the news media drive foreign policy? *Review of International Studies*, 25(2), - pp. 301-309, 1999.

184. Shabo M. E. *Techniques of Propaganda and Persuasion* / M. E. Shabo. — Prestwick House, Inc., — 2008. — P. 5.

185. Stavrakakis Y. *Discourse and Affect: Conceptual and Political Dialectics in Theory and Empirical Analysis*. - 59th PSA Annual Conference – Manchester, 2009.

— P. 11. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.scribd.com/document/189199675/2009-Discourse-and-Affect> (дата обращения 13.10.2017г.).

186. Steuter E., Wills D. Discourses of dehumanization: Enemy construction and Canadian media complicity in the framing of the War on Terror. *Global Media Journal: Canadian Edition*, 2(2). 2009. - pp. 7-24.

187. Suurmond J. *Discourse Analysis and Conflict Studies*. Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'.

188. Zahid Z. U.S.A. versus 'Them': Fomenting an Enemy for the Hegemonic Discourse. *IPRI Journal XVI*, No.2. – 2016. - pp. 105-118.

Электронные ресурсы, опросы, публикации отечественной прессы

189. Генпрокуратура Украины: большинство заявлений омбудсмана Денисовой об изнасилованиях были ложью [Электронный ресурс] - // Коммерсант. 27.06.2022. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5434698> (дата обращения 17.03.2023г.).

190. Деловое издание The Financial Times [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ft.com>

191. Деловое издание The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.wsj.com>

192. Медиаорганизация Daily Mail [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/home/index.html>

193. Медиаорганизация The Guardian [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.theguardian.com/international>

194. Медиаорганизация The Independent [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.independent.co.uk>

195. Медиакорпорация The New York Times [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com>

196. Медиаорганизация The Washington Post [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com>

197. Медиаорганизация USA Today [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.usatoday.com>

198. Не разрываются любя [Электронный ресурс] - // Коммерсант. 1.06.2022. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5381033> (дата обращения 19.06.2022г.).

199. Платформа анализа интернет-трафика Similarweb. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.similarweb.com/ru/> (дата обращения 07.11.2022г.).

200. Страница полного семантического анализа текста Miratext. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://miratext.ru> (дата обращения 26.11.2022г.).

201. Digital News Report 2021. – Reuters Institute. 23.06.2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2021-06/Digital News Report 2021 FINAL.pdf](https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2021-06/Digital%20News%20Report%202021%20FINAL.pdf) (дата обращения 05.05.2022г.).

202. News Platform Fact Sheet. – 20.09.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/news-platform-fact-sheet/#panel-5a0b8b87-38bc-42d6-ba8d-2e666200e534> (дата обращения 07.11.2022г.).

203. Newspaper fact sheets. — 29.06.2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/newspapers/> (дата обращения 05.05.2022г.).

204. Rew Research Center. Ratings for Russia drop to record lows. – 22.06.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/global/2022/06/22/ratings-for-russia-drop-to-record-lows/> (дата обращения 25.03.2023г.).

205. Pew Research Center. Russia's Global Image Negative amid Crisis in Ukraine. – 09.07.2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/global/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine/> (дата обращения 28.05.2022г.).

206. Report Pew Research Center U.S. Media Polarization and the 2020 Election: A Nation Divided. – 24.01.2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://www.pewresearch.org/journalism/2020/01/24/u-s-media-polarization-and-the-2020-election-a-nation-divided/> (дата обращения 05.05.2022г.).

207. The Economist/YouGov Poll April 2 - 5, 2022 - 1500 U.S. Adult Citizens.
– 05.04.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<https://docs.cdn.yougov.com/sjgq52uivh/econTabReport.pdf#page=16> (дата
обращения 19.06.2022г.).

Электронные публикации иностранной прессы

208. Ackerman S., Walker S. MH17: US intelligence says Russia 'created conditions' for plane disaster // The Guardian, 22.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/jul/22/mh17-us-intelligence-russia-separatists-report> (дата обращения 24.05.2022).

209. Al-Hlou Y., Froliak M., Hill E., Browne M., Botti D. New evidence shows how russian soldiers executed men in Bucha // The New York Times, 19.05.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/05/19/world/europe/russia-bucha-ukraine-executions.html> (дата обращения 11.06.2022).

210. Arutunyan A., Serenelli L. Putin appears to blink in Ukraine // USA Today, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/04/putin-appears-to-blink-over-ukraine/6016715/> (дата обращения 07.05.2022).

211. Backley N., Olerchyk R., Shpigel P. Russia's offensive seen as tactic to freeze conflict in Ukraine // The Financial Times, 28.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ft.com/content/5adcb032-2ec7-11e4-afe4-00144feabdc0?_i_location=http%3A%2F%2Fwww.ft.com%2Fcms%2Fs%2F0%2F5adcb032-2ec7-11e4-afe4-00144feabdc0.html%3Fsiteedition%3Dintl&_i_referer=http%3A%2F%2Fwww.inopressa.ru%2Farticle%2F29Aug2014%2Fft%2Fukr1.html&siteedition=intl#slide0 (дата обращения 26.05.2022).

212. Baker P. Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia // The New York Times, 2.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/pressure-rising-as-obama-works-to-rein-in-russia.html?_r=0 (дата обращения 07.05.2022).

213. Baran J., Cahlan S., Swaine D. Russian armored vehicles seen on Bucha street strewn with bodies, video shows // The Washington Post, 14.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/14/video-puts-russian-armored-units-bucha-street-strewn-with-bodies/> (дата обращения 10.06.2022).

214. Birnbaum M., Gowen A. Ukraine cease-fire begins, amid doubts that it will last // The Washington Post, 5.09.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/shelling-rocks-outskirts-of-mariupol-as-talks-to-end-ukraine-conflict-due-to-begin/2014/09/05/5601eade-a8a3-44f8-8203-fc1ab352002e_story.html (дата обращения 27.05.2022).

215. Bunyan B., Pleasance C. Zelensky says he finds it «difficult to talk» as he surveys Bucha // Daily Mail, 4.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10684331/Emotional-Zelensky-says-finds-difficult-talk-surveys-carnage-Bucha.html> (дата обращения 08.06.2022).

216. Bzhezinski Z. Zbigniew Brzezinski: After Putin's aggression in Ukraine, the West must be ready to respond // Washington Post, 3.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/zbigniew-brzezinski-after-putins-aggression-in-ukraine-the-west-must-be-ready-to-respond/2014/03/03/25b3f928-a2f5-11e3-84d4-e59b1709222c_story.html (дата обращения 07.05.2022).

217. Cheng A. Ukraine names 10 russians it accuses of war crimes in Bucha // The Washington Post, 29.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/29/bucha-ukraine-criminal-investigation-russian-soldiers/> (дата обращения 11.06.2022).

218. Connolly K., McCernan B. Russian soldiers «discussed killing civilians» in Ukraine in radio intercepts // The Guardian, 7.04.2022. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/07/russian-soldiers-discussed-killing-civilians-in-radio-intercepts> (дата обращения 09.06.2022).

219. Crimea: Mr. Putin's imperial act // The Guardian, 18.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/mar/18/ukraine-vladimir-putin> (дата обращения 07.05.2022).

220. Crimea poll will be divorce at gunpoint // The Financial Times, 13.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/016b140e-aab9-11e3-be01-00144feab7de#axzz2vuyRKPfC> (дата обращения 07.05.2022).

221. Denyer S., Nemtsova A. Eastern ukrainians vote for self-rule in referendum opposed by West // The Washington Post, 11.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/europe/ukraines-rebels-say-they-are-seeking-a-mandate-not-independence-in-referendum/2014/05/11/ac02688a-d8dc-11e3-aae8-c2d44bd79778_story.html?hpid=z1 (дата обращения 22.05.2022).

222. Dorell O. How the West lost Crimea // USA Today, 20.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/20/how-west-lost-crimea/6650567/> (дата обращения 07.05.2022).

223. Forrest B., Marson J. Horrors of Ukraine's Bucha laid bare on Yablunska street // The Wall Street Journal, 7.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/russian-invasion-war-crimes-horrors-of-ukraines-bucha-laid-bare-on-yablunska-street-11649365202> (дата обращения 09.06.2022).

224. Freeland K. We must stop pussyfooting around Putin's regime // The Financial Times, 17.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/11a63228-abad-11e3-90af-00144feab7de#axzz2wDAESuW7> (дата обращения 07.05.2022).

225. Gall C. Bucha's month of terror // The New York Times, 11.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/interactive/2022/04/11/world/europe/bucha-terror.html> (дата обращения 09.06.2022).

226. Gall C., Cramer E. In a Kyiv suburb, «they shot everyone they saw» // The New York Times, 3.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/04/03/world/europe/ukraine-russia-war-civilian-deaths.html> (дата обращения 06.06.2022).

227. Gall C. «Such bad guys will come»: how one russian brigade terrorized Bucha // The New York Times, 22.05.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/05/22/world/europe/ukraine-bucha-war-crimes-russia.html> (дата обращения 12.06.2022).

228. Gowen A. As Ukraine celebrates Independence Day, rebels march prisoners of war // The Washington Post, 24.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/as-ukraine-celebrates-independence-day-rebels-march-prisoners-of-war/2014/08/24/7389b815-b710-414e-affa-a1d122cbcb3d_story.html (дата обращения 25.05.2022).

229. Harding L. Ukraine nationalist attacks on Russia supporters – fact or Kremlin fairytale? // The Guardian, 20.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/20/ukraine-nationalist-attacks-russia-supporters-kremlin-deaths> (дата обращения 18.05.2022).

230. Hauck G., Kenning K. Ukrainians begin grim work of investigating 'absolute horror' near Kyiv: «It is a hell» // USA Today, 06.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2022/04/06/investigators-ukrainians-document-atrocities-against-civilians-kyiv-bucha/9471041002/?gnt-cfr=1> (дата обращения 08.06.2022).

231. Herszenhorn D. Russia is quick to bend truth about Ukraine // The New York Times, 15.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.nytimes.com/2014/04/16/world/europe/russia-is-quick-to-bend-truth-about-ukraine.html?ref=world> (дата обращения 21.05.2022).

232. Herszenhorn D. Ukrainian president ends cease-fire with rebels // The New York Times, 30.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/07/01/world/europe/ukrainian-president-ends-cease-fire-with-rebels.html?_r=0 (дата обращения 23.05.2022).

233. Horton A. Lethal darts were fired into a Ukrainian neighborhood by the thousands // The Washington Post, 18.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/18/flechette-projectile-ukraine-russia/> (дата обращения 10.06.2022).

234. Jewers C., Newman D. Russia's Butchers of Bucha brigade has already suffered 'heavy losses' in Donbas // Daily Mail, 27.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10758415/Russias-Butchers-Bucha-brigade-attacked-Ukrainian-drones-suffers-heavy-losses-Donbas.html> (дата обращения 11.06.2022).

235. Joffe J. Dear Vladimir: Congratulations! You Read My Book // The Wall Street Journal, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303824204579423133574513024> (дата обращения 07.05.2022).

236. Kaminski M. Why Putin Fears Ukraine: It's an Alternative Russia // The Wall Street Journal, 7.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303824204579423450214067982> (дата обращения 07.05.2022).

237. Kessler G. Fact Checking Vladimir Putin's speech on Crimea (video) // The Washington Post, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/news/fact-checker/wp/2014/03/19/fact-checking-vladimir-putins-speech-on-crimea/> (дата обращения 07.05.2022).

238. Kingsley T. Putin awards medals to soldiers accused of Bucha massacre as victims buried in mass graves // The Independent, 19.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.independent.co.uk/news/world/europe/ukraine-war-putin-medals-bucha-b2060568.html> (дата обращения 10.06.2022).

239. Kolyandr A. Crimea cold prove expensive acquisition for Russia // The Wall Street Journal, 7.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304732804579425110479303926> (дата обращения 07.05.2022).

240. Kusich L, Grove T. Russia is quick to bend truth about Ukraine // The Washington Post, 6.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/europe/pro-russia-protesters-seize-buildings-in-eastern-ukraine-kiev-blames-putin/2014/04/06/68f8ba04-bdc4-11e3-bcec-b71ee10e9bc3_story.html (дата обращения 21.05.2022).

241. Locker R. Pentagon studies Putin body language for hint of intent // USA Today, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2014/03/06/pentagon-studying-putins-body-movement-for-clues/6116281/> (дата обращения 07.05.2022).

242. Love letters and social media graffiti tags left behind by Russian soldiers in Bucha unmask the troops that tortured and massacred civilians // Daily Mail, 05.05.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10785615/Love-letter-ID-card-point-Russian-units-terrorised-Bucha.html> (дата обращения 11.06.2022).

243. Lovelyck L., Morgumov S. In Bucha, the story of one man's body left on a Russian killing field // The Washington Post, 16.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/interactive/2022/bucha-atrocities-civilian-killings/> (дата обращения 10.06.2022).

244. Luhn A. Five fibs from Vladimir: how Putin distorted the facts about Ukraine // The Guardian, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/04/vladimir-putin-interview-five-untruths> (дата обращения 07.05.2022).

245. MacFarquhar N., Kramer A. Air disaster strains Moscow's competing strategy on ukrainian rebels // The New York Times, 17.07.2014 [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/07/18/world/europe/air-disaster-strains-moscows-competing-strategy-on-ukrainian-rebels.html> (дата обращения 27.05.2022).

246. McCew M., Maniatis G. Playing by Putin's tactics // Washington Post, 9.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/playing-by-putins-tactics/2014/03/09/b5233b90-a558-11e3-a5fa-55f0c77bf39c_story.html?hpid=z3 (дата обращения 07.05.2022).

247. McPhedran C. Military tension high as Crimea holds referendum // USA Today, 16.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/16/ukraine-crimea-referendum-politics/6485559/> (дата обращения 07.05.2022).

248. Milne S. It's not Russia that's pushed Ukraine to the brink of war // The Guardian, 30.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/30/russia-ukraine-war-kiev-conflict> (дата обращения 28.05.2022).

249. Mr. Putin tests the West in Ukraine // The New York Times, 28.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/08/29/opinion/mr-putin-tests-the-west-in-ukraine.html?partner=rss&emc=rss&_r=0 (дата обращения 25.05.2022).

250. Newtown D. Ukraine ignores pressure to call a truce with pro-Russian rebels and vows to end their bloody insurgency with force // Daily Mail, 8.07.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2685079/Ukraine-ignores-pressure-call-truce-pro-Russian-rebels-vows-end-bloody-insurgency-force.html> (дата обращения 24.05.2022).

251. Norman N. NATO says images show russian tanks in Ukraine // The Wall Street Journal, 15.06.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/nato-says-images-show-russian-tanks-in-ukraine-1402760713?tesla=y&mg=reno64-wsj> (дата обращения 24.05.2022).

252. Olearchyk R., Backley N. Ukraine's security chief accuses Russia of waging 'hybrid war' // The Financial Times, 29.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/789b7110-e67b-11e3-9a20-00144feabdc0?siteedition=intl#axzz334SIbhyh> (дата обращения 22.05.2022).

253. Olearchyk R., Schipani A., Reed J. Retreating russian troops leave trail of carnage on Kyiv's outskirts // The Financial Times, 02.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/3bb2ce56-ae93-48c8-ba89-40aec21cb6aa> (дата обращения 06.06.2022).

254. Rankin J., Boffey D. Killing of civilians in Bucha and Kyiv condemned as «terrible war crime» // The Guardian, 3.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/03/eu-leaders-condemn-killing-of-unarmed-civilians-in-bucha-and-kyiv> (дата обращения 06.06.2022).

255. Resneck J., Bhatti J. Crimeans worry Russian takeover may be bad for business // USA Today, 2.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/03/02/ukraine-russia-crimea-economy-reaction/5945987/> (дата обращения 07.05.2022).

256. Roth A. From Russia, "Tourists" Stir the Protests // The New York Times, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2014/03/04/world/europe/russias-hand-can-be-seen-in-the-protests.html> (дата обращения 18.05.2022).

257. Russian invasion marks end of era: our view // USA Today, 28.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2014/08/28/russia-ukraine-nato-vladimir-putin-president-obama-editorials-debates/14766425/> (дата обращения 26.05.2022).

258. Saakashvili M. Mikheil Saakashvili: The West must not appease Putin // The Washington Post, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/mikheil-saakashvili-the-west-must-not-appease-putin/2014/03/06/db9e0c82-a4a9-11e3-8466-d34c451760b9_story.html?hpid=z2 (дата обращения 07.05.2022).

259. Shipman T., Birrell I. Keep off our turf, Putin tells West as he annexes Crimea: Fears of a new Cold War after Russian president's defiant comments to parliament // Daily Mail, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2583935/Keep-turf-Putin-tells-West-annexes-Crimea-Fears-new-Cold-War-Russian-presidents-defiant-comments-parliament.html> (дата обращения 07.05.2022).

260. Shipman T., Stewart W. Defiant Putin paves way for Crimea grab: He ignores Western sanctions after 'sham' vote // Daily Mail, 18.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2583095/Defiant-Putin-paves-way-Crimea-grab-He-ignores-Western-sanctions-sham-vote.html> (дата обращения 07.05.2022).

261. Simon M. Human Rights Watch finds evidence of Russian atrocities in Bucha // The Washington Post, 22.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/21/bucha-ukraine-russia-war-hrw-report/> (дата обращения 11.06.2022).

262. Stanglin D. Ukraine airport battle erupts; new leader seeks talks // USA Today, 26.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/05/26/russia-new-ukrainian-president/9588549/> (дата обращения 23.05.2022).

263. Stewart W., Gayle D. Humiliation for Ukraine's troops as they roll into restive east in armoured vehicles ... and have them SEIZED by pro-Russian militants // Daily Mail, 16.04.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2605828/Tanks-bearing-Russian-flag-roll-cities-eastern-Ukraine-Vladimir-Putin-warns-country-brink-civil-war.html> (дата обращения 18.05.2022).

264. Sullivan M. Aftermath of Ukraine photo story shows need for more caution // The New York Times, 24.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://publiceditor.blogs.nytimes.com/2014/04/24/aftermath-of-ukraine-photo-story-shows-need-for-more-caution/?_php=true&_type=blogs&r=0 (дата обращения 28.05.2022).

265. Sullivan R. Chief ICC prosecutor declares Ukraine a ‘crime scene’ after visiting Bucha to investigate Russia’s war // The Independent, 14.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/icc-investigation-bucha-war-crimes-b2057997.html> (дата обращения 10.06.2022).

266. The Guardian view on rising tension in Ukraine // The Guardian, 05.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/05/guardian-view-rising-tension-ukraine> (дата обращения 25.05.2022).

267. Tondo L., Koshiw I. Evidence some ukrainian women raped before being killed, say doctors // The Guardian, 25.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/25/evidence-ukraine-women-raped-before-being-killed-say-doctors-russia-war> (дата обращения 11.06.2022).

268. Traynor I. Vladimir Putin and Barack Obama engage in war of words over Ukraine // The Guardian, 4.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/04/ukraine-crisis-putin-obama-war-of-words> (дата обращения 07.05.2022).

269. Troianowski A. Atrocities in Ukraine war have deep roots in russian military // The New York Times, 17.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/04/17/world/europe/ukraine-war-russia-atrocities.html> (дата обращения 12.06.2022).

270. Ukraine and Russia: flaming the flames // The Guardian, 27.02.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/feb/27/ukraine-russia-crimea-parliament-editorial> (дата обращения 07.05.2022).

271. Ukraine crisis is a poker game: Our view // USA Today, 6.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2014/03/06/ukraine-vladimir-putin-crimea-obama-eu-editorials-debates/6144221/> (дата обращения 07.05.2022).

272. Ukraine isn't yet a «strategic defeat» for Putin // The Wall Street Journal, 03.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/strategic-defeat-putin-russia-blinken-biden-zelensky-bucha-war-crime-kyiv-mass-grave-atrocities-united-nations-un-human-rights-shelling-odessa-ukraine-11649016865> (дата обращения 07.06.2022).

273. Ukraine needs U.S. military aid // The Wall Street Journal, 5.05.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303678404579537971371803670> (дата обращения 22.05.2022).

274. Vartanyan O., Barry E. If history is a guide, Crimeans' celebration may be short-lived // The New York Times, 19.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/03/19/world/europe/south-ossetia-crimea.html?hp&_r=0 (дата обращения 07.05.2022).

275. Wahlen J., Dixon R., Ilyshina M. Russia denies and deflects in reaction to Bucha atrocities // The Washington Post, 4.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/04/russia-bucha-atrocities-war-crimes/> (дата обращения 07.06.2022).

276. Walker S., Salem H., MacAskill E. Russian «invasion» of Crimea fuels fear of Ukraine conflict // The Guardian, 1.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/feb/28/russia-crimea-white-house> (дата обращения 07.05.2022).

277. Walker S., Gritsenko O., Rogozin L. «Russian soldier: you're better clueless because the truth is horrible» // The Guardian, 3.09.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/sep/03/ukraine-soldier-youre-better-clueless-because-truth-horrible-moscow-ilovaysk> (дата обращения 26.05.2022).

278. War between Russia and Ukraine could be imminent // The Independent, 12.08.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/voices/editorials/war-between-russia-and-ukraine-could-be-imminent-9665006.html> (дата обращения 21.05.2022).

279. Welcome to the 19-th Century // The Wall Street Journal, 18.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304914904579441752139339602> (дата обращения 07.05.2022).

280. Wilcock D. British war crimes experts will help identify «Butchers of Bucha»: UK delegation will head to Ukraine to help gather evidence of «barbarity» by Putin's soldiers // Daily Mail, 29.04.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10767071/British-war-crimes-experts-help-identify-Butchers-Bucha.html> (дата обращения 11.06.2022).

281. Witte G., Morello C. In Ukraine, fierce border fight reflects insurgency's growing strength // The Washington Post, 2.06.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/pro-russian-rebels-attack-eastern-guard-post-in-ukraine/2014/06/02/c5a41c16-e331-4f66-bfbd-ce2dc97d874b_story.html (дата обращения 23.05.2022).